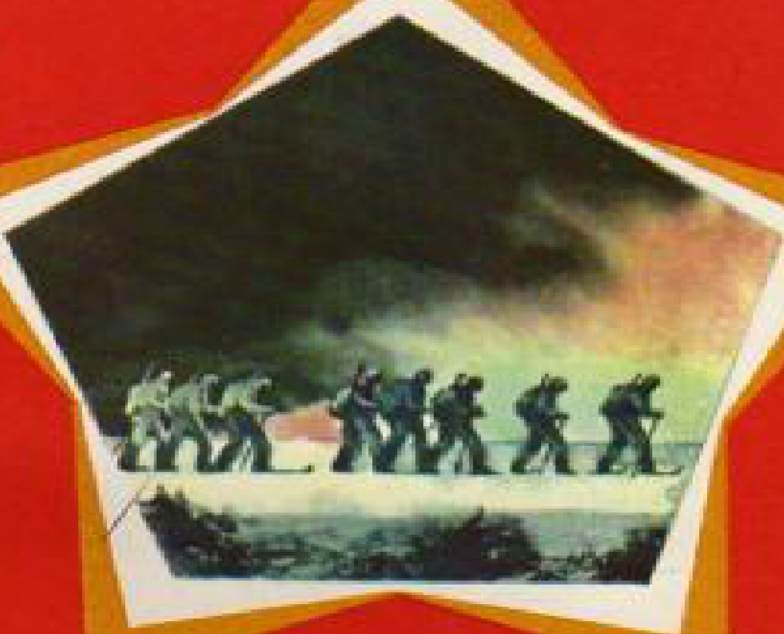
ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ



А. АВДЕЕВ

ТАМ ПОМНЯТ О НАС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Художественно-документальная повесть комиссара омсбоновского отряда «Особые» — о героических действиях воинов-спортсменов во вражеском тылу на Смоленщине. Об авторе: АВДЕЕВ Алексей Иванович. Родился в 1910 году. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Ставропольский педагогический институт. Полковник запаса. «Там помнят о нас» — первая его книга.

Прим Hoaxer: книга, из-за своей документальности и обилия фактического материала, включая фотографии, включена в раздел «Мемуары».

- Там помнят о нас
  - Гриднев В. В. Предисловие
  - Новое назначение
  - Прощай, Москва!
  - Борис Галушкин
  - Через линию фронта
  - В тыл врага
  - Владимир Крылов
  - Непредвиденные задержки
  - Пришли
  - Первые столкновения
  - За продуктами
  - Первая потеря
  - Возвращение
  - Враги
  - Бой на Березине
  - „Подарок“ фюреру
  - Неудачная разведка
  - В лагере
  - Нежелательные гости
  - Рельсовая война продолжается
  - На Большую Землю
  - Николай Голохматов
  - Переход железной дороги
  - "Сюрприз"
  - Под крышей
  - Происки врага
  - Погоня
  - Ночной курьер
  - Переправа

- Партизанская баня
- Майор Коровин
- Тревога
- Партизаны
- К своим!
- Большая Земля
- Прощание
- Ребята живы!
- Засада
- Карателі
- Операция на шоссе
- На новом месте
- Домой
- Эпилог
- Список иллюстраций

Там помнят о нас

Гриднев В. В. Предисловие

В начале Великой Отечественной войны спортивная жизнь повсюду приостановилась, а физкультурные и спортивные организации все свои возможности направили на подготовку боевого пополнения. Физическая культура и спорт стали служить защите Родины. Из бойцов-спортсменов создавались разведывательные, истребительные отряды и штурмовые группы, которым поручались ответственные и сложные боевые задания. Например, в состав ОМСБОН — отдельной мотострелковой бригады особого назначения войск НКВД СССР — входило много специальных отрядов, которые целиком или частично формировались из спортсменов.

В числе первых добровольцев на московский стадион «Динамо», где комплектовались подразделения ОМСБОН, явились выдающиеся советские спортсмены: один из сильнейших штангистов мира, Н. Шатов, борцы Г. Пыльное и Л. Егоров, боксер Н. Королев, рекордсмен страны по барьерному бегу И. Степанченок, велосипедисты Ф. Тарачков, Н. Денисов, дискоболы А. Исаев и Л. Митропольский, прыгун в воду Г. Мазуров и другие.

Спортсмены в своих заявлениях просили командование отправить их на самые горячие участки фронта или в глубокий тыл противника.

После тщательного отбора признанные годными для несения службы в глубоком тылу врага добровольцы тут же сводились в подразделения. Большая часть из них сразу направлялась в учебные лагеря ОМСБОН.

Многие спортсмены были активными помощниками опытным командирам-пограничникам в боевой и физической подготовке омсбоновцев готовили минеров, разведчиков, стрелков-снайперов, связистов, гранатометчиков, мотоциклистов,

парашютистов.

Осенью и зимой 1941/42 года подразделения ОМСБОН вместе с инженерными частями Красной Армии под сильным огнем противника и бомбежками авиации создавали в районе Клин — Ямуга — Рогачев — Дмитров и в других местах инженерные заграждения на пути врага, минировали мосты и водопроводные трубы под транспортными коммуникациями, закладывали мощные фугасы на шоссе, оставляли другие «сюрпризы».

Минно-заградительные работы, проведенные омсбоновцами на подступах к столице, и непосредственное участие в боях с немецкими войсками сыграли важную роль как в обороне Москвы, так и в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков на этом участке фронта.

За проявленные доблесть и мужество в сражениях на полях Подмосковья 75 отважных омсбоновцев награждены орденами и медалями Советского Союза.

В рядах защитников первого в мире социалистического государства было много студентов и преподавателей Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры, Ленинградского института физкультуры имени П. Ф. Лесгафта, добровольцы из других институтов и техникумов физической культуры и спортивных обществ.

Воины-спортсмены на всех фронтах Великой Отечественной войны и в глубоком тылу врага (в составе партизанских отрядов) с честью оправдали высокое доверие командования, проявляя храбрость, решительность, самоотверженность, высокое воинское мастерство и преданность Отчизне.

Генерал-майор в отставке Гриднев В. В.,
бывший командир ОМСБОН

Новое назначение

Шел март 1942 года.

После разгрома немцев под Москвой наш первый полк ОМСБОН был отозван с фронта в резерв. Я занимал тогда должность комиссара батальона в этом полку. Мы стояли в подмосковном городке Бабушкине.

Десятого марта меня вызвал к себе батальонный комиссар А. П. Прудников. Он сказал, что получен приказ командования о срочном формировании семи небольших, хорошо вооруженных лыжных разведывательных отрядов. Предложил мне стать комиссаром одного из отрядов.

Я поблагодарил Александра Павловича за оказанное доверие. Разговор пошел о конкретных деталях. Прудников особо подчеркнул, что отряды формируются только на добровольных началах.

Я попал в отряд, которым командовал старший лейтенант Михаил Константинович Бажанов.

Бажанов пришел в нашу часть вместе с группой командиров-пограничников. Ему было тридцать лет. Он уже имел боевой опыт, воевал с японцами, за участие в боях у реки Халхин-Гол, где командовал взводом охраны штаба 1-й группы войск комкора Г. К. Жукова, был награжден медалью «За отвагу». В тылу противника в конце 1941 года на территории Калужской области Бажанов умело руководил лыжным отрядом. После операции Михаила наградили орденом Красного Знамени и представили к очередному воинскому званию.

Усталое лицо Александра Павловича осветилось улыбкой.

— Ну что ж, я рад, хороший командир Бажанов. Крепко пожав мне руку, Прудников сказал:

— Партбилет и орден сдашь мне на хранение перед самым выездом на задание. Будьте там осторожны. Берегите людей. Ну, счастливо!

На следующий день я встретил старшего лейтенанта Бажанова в приемной штаба полка. Он уже знал обо всем. Разговорились. Я спросил, что за люди в отряде, бывалые или молодежь?

Он довольно улыбнулся.

— Народ боевой. Почти все были со мной в тылу противника. Большинство — москвичи, мастера спорта, спортсмены-разрядники. Многие уже награды имеют. Галушкин Борис, мой зам. по строевой части, обстрелянный парень. Бывший заместитель секретаря комитета комсомола Московского

инфизкульта. Кстати, немало и еще ребят из того же института.

«Это хорошо, — подумал я, — на таких парней можно положиться».

В глубоком тылу врага требовалось не только боевое, воинское умение, но и выдержка, чисто физическая сила и выносливость — качества, присущие спортсменам.

Нашему отряду присвоили кодовое название «Особые». В него вошли, помимо выпускников и студентов Московского государственного института физической культуры, известные мастера спорта, несколько рекордсменов Москвы и страны. Молодые рабочие-добровольцы, тоже спортсмены. Всего тридцать семь человек.

Вечером 19 марта 1942 года в штабе полка командиры и комиссары разведывательно-диверсионных отрядов получили боевые задания: нарушать железнодорожное и автомобильное движение, препятствовать противнику подвозить к линии фронта воинские части, боевую технику, боеприпасы, горючее, продовольствие и другие стратегические грузы. Всеми средствами добиваться вывода из строя железнодорожных путей, срывать их ремонт. Уничтожать телеграфную и телефонную линии связи.

Каждому отряду на отведенном ему участке железной дороги треугольника Смоленск — Витебск — Орша предстояло заложить десять МЗД (мин замедленного действия) по единому временному графику. Так, чтобы в течение месяца не было и дня, когда на «железке» треугольника не взрывалась бы наша МЗД.

Одновременно отряды должны были добывать и по радио направлять в Центр сведения: о действиях врага на оккупированной территории, о численности немецких гарнизонов в окружающих населенных пунктах, о родах войск противника и маршрутах их передвижения, о частоте движения железнодорожного и автомобильного транспорта оккупантов.

На огромной оперативной карте, занимавшей всю стену кабинета командира полка, мы уточнили, где будем действовать.

Район дислокации нашего отряда находился в пятнадцати километрах юго-восточнее местечка Бабиновичи. Основную базу надо было организовать близ сел Задевалы и Озеры. От линии фронта туда (по прямой) больше девяноста километров, а от Москвы свыше четырехсот.

Начальник штаба полка майор Морозов вручил командирам и комиссарам командировочные удостоверения. В документе, выданном мне от имени воинской части, говорилось: «Дано настоящее политруку отряда лейтенанту Государственной безопасности товарищу Авдееву А. И. в том, что он действительно следует с отрядом в количестве 35 человек в тыл противника для

выполнения специального задания.

Командирам войсковых частей Красной Армии и органам Советской власти просьба оказывать товарищу Авдееву всемерное содействие в выполнении поставленных ему задач».

Удостоверения подписали командир, военком и начальник штаба полка.

Прощай, Москва!

После совещания в штабе (а было уже около двух часов ночи) мы с Бажановым пошли к ребятам в отряд, который квартировался в четырехэтажном доме военного городка. Там еще никто не спал: ждали нас.

— Смир-но! — скомандовал дневальный.

— Отставить! — приказал Бажанов и добавил: — Товарищ дневальный, вы должны знать, что после отбоя команда «смирно» не подается.

— Так точно, товарищ старший лейтенант! Но отбоя еще не было. Вас ждем! — четко оправдался дневальный — плотный, среднего роста парень.

— Тогда — «смирно»! — принял шутку командир отряда.

Бойцы отряда окружили нас, притихли, с нетерпением ждали, что мы скажем. Бажанов внимательно осмотрел серьезные лица, любопытные глаза, улыбнулся, давая понять, что все хорошо.

— Решение командованием принято: завтра в 15.00 выезжаем на боевое задание. Утром последняя проверка готовности отряда. Необходимого груза у нас будет больше чем достаточно: около восьмидесяти килограммов на брата. Так что ничего лишнего с собой не брать. Личные вещи упаковать и сдать на полковой склад, где они будут храниться до нашего возвращения. Ясно?

— Товарищ старший лейтенант, разрешите карточку девушки взять?

— Нет, ни фотокарточки, ни писем, ни тем более адресов брать не разрешается… Что у вас?

— А запасное белье тоже не брать? — спросил белокурый двадцатилетний боксер Высоцкий по прозвищу Жозя.

— Одну смену.

Ребята снова загомонили. Но командир поднял руку. Все смолкли. Он повернулся ко мне:

— Комиссар, что хочешь сказать людям?

— Завтра. Пусть отдыхают.

— Согласен. Спокойной ночи, товарищи!..

После завтрака отряд выстроился в длинном коридоре. Перед каждым стоял до отказа набитый вещевой мешок. Общий груз уложили на волокуши, сделанные из лыж. Казалось, все собрались очень тщательно. Тем не менее Бажанов, не торопясь, переходил от бойца к бойцу, придирчиво осматривал оружие, снаряжение, лыжи, исправность креплений. Заставлял встряхивать вещмешки плотно ли лежит содержимое, не гремит и не болтается ли что-нибудь. За старшим лейтенантом неотступно

следовал двадцатидвухлетний Александр Вергун, военфельдшер, с объемистой медицинской сумкой на боку. Он внимательно всматривался в лица бойцов, каждому совал по дополнительному индивидуальному пакету. Некоторых заставлял открывать рот и показывать язык.

— Доктор, а чего это ты опять мне в рот лезешь? — недовольно забасил огромный рыжий Андреев, сверху вниз глядя на фельдшера. — Вчера смотрел, теперь снова.

— Спокойно, Алексей Анисимович, Пригнись-ка, у тебя вчера горло было красное… — приказал Вергун, не обращая внимания на протест.

— Спасибо сказал бы, что к нему такое внимание, а он еще сердится, неблагодарный, — слышались шутливые голоса.

— Да я вообще-то не возражаю, — добродушно заулыбался боец. — Но он же, понимаешь, смотрит раз, смотрит два, а пилюли где?

Все засмеялись…

Строгость проверки мне нравилась. Она была необходимой, поскольку отряд готовился к выполнению серьезного боевого задания. Около низкорослого широкоплечего парня с рыжими усами Бажанов задержался. Это был тридцатидвухлетний минер Иван Домашнев. Командир взял у него коробок спичек, обернутый куском медицинской клеенки, хмыкнул довольно, заметил:

— А что? Дельно придумал. Молодец. Спички не намокнут. Надо бы всем так… Галушкин, проследи!

— Есть проследить! — отозвался замкомандира отряда.

Домашнев вытянулся перед командиром, задорно подмигнул: знай, мол, наших! Проверка закончилась. Все были готовы к рейду.

С территории полка выехали 20 марта 1942 года в 15.00.

Колонна грузовиков, выкрашенных в белый маскировочный цвет, не торопясь катила через центр притихшей Москвы. Небо в тот день было серым. Сплошная облачность зависла над столицей. Тихо сыпал редкий, крупный снег. Вдоль тротуаров тянулись сугробы, потемневшие от копоти.

Мы молча смотрели на баррикады из мешков с песком и бревен, на ряды металлических ежей, перегораживавших широкие главные магистрали города. К оградам и деревьям были пришвартованы бегемотоподобные аэростаты воздушного заграждения.

Высокие, наспех возведенные заборы скрывали следы бомбардировок.

— Что это, братцы, приуныли? А? — нарушил молчание

жизнерадостный Галушкин.

— Верно. Так и замерзнуть недолго! — вдруг крикнул кто-то из парней.

И задвигались, стали толкаться. Посыпались шутки и смех.

— Степа, может, под шумок покусаем чего-нибудь, а?

— Точно, давай. Ну и светлая же у тебя голова, Ваня.

— Я вам «покусаю»! Не успели от дома отъехать и уже жевать! — незлобно прикрикнул командир первого отделения Николай Голохматов. — Растолстеешь наст не выдержит.

Все рассмеялись немудрящей шутке Голохматова. Грусти как не бывало.

— Мужики, что-то мы давно не беседовали о девчатах, — заговорил после паузы Иван Келишев, гимнаст, уже награжденный орденом Красной Звезды. Пригладив черные усики и глянув лукаво на Галушкина, продолжил: Лаврентьич, вспомни, как интересно ты рассказывал о своей знакомой. Бывало, послушаешь тебя и таким уважением проникнешься к слабому полу, что готов поцеловать первую же встречную.

— Ах, вот оно что!.. Ну, теперь-то мне ясно, для какой цели Келиш такие бравые усы отрастил, — заметил Иван Мокропуло, мастер спорта, чемпион страны по лыжным гонкам, крепкий, веселый парень.

— Под испанца подстраивается, — поддержал его Виктор Правдин, хорошо известный всей стране волейболист.

— По женскому вопросу теперь следует обращаться к Парасе. Он у нас как известный эксперт… — опять послышался голос Правдина.

Парася — прозвище двадцатитрехлетнего Павла Маркина. Скромность и деликатность этого парня в отношениях с девушками часто становились предметом шуток и розыгрышей.

Выехали из пределов Москвы. Автоколонна прибавила скорость. Разговор сам собой прекратился: все смотрели на полусожженные деревни, на взорванные мосты, разрушенные дороги. В октябре — декабре 41-го года многие из нас строили здесь оборонительные рубежи, вели бои с гитлеровцами. Вон и сейчас еще видны воронки, оставшиеся от мощных фугасов, которые мы закладывали на обочинах шоссе и при подходе противника взрывали. Немало омсбоновцев осталось лежать здесь навечно. В том числе заместитель командира моего взвода, москвич Михаил Матросов…

Время было уже около семи часов вечера, когда длинно прогудел передний грузовик. Начальник автоколонны помигал красным светом фонаря. Сигнал остановки.

— Приехали?! Что за поселок?

— Спас-Заулок!

— Слеза-а-ай!.. В машинах ничего не оставлять! Здесь ночуем!

Была глубокая ночь. Сквозь редкие просветы в снеговой облачности тускло мигали холодные звезды. Сойдя с машин, лыжники разминались, притопывали, похлопывали себя рукавицами, поддавали друг дружке в бока грелись. Под новыми яловыми сапогами звонко скрипел снег. Жозя заскакал на месте, потом завертелся вокруг большого Андреева боксерским шагом, нанося легкие, условные удары. Андреев раздвинул в улыбке толстые посиневшие губы, пробасил:

— Чего это ты, Женя, как блоха?.. Давай-ка лучше я обниму тебя по-братски. Сразу теплее станет…

— Первое отделение, ко мне!.. — раздался звонкий голос Николая Голохматова.

Быстро разобрались на ночлег. Надо было хорошенько выспаться.

Борис Галушкин

В поселке Спас-Заулке я оказался в одном доме с Галушкиным. При распределении спальных мест ребята уступили нам широкую печь. После холодного, ветреного дня в грузовике это чудо русского деревенского быта показалось нам сущим раем.

Поужинав, забрались на печь. Потек неторопливый разговор. Выяснилось, что Борис Галушкин — сын потомственного шахтера. Отец его долгие годы проработал на угольных шахтах. Умер от туберкулеза легких, когда Борису было всего четыре года. Рос у тетки в Грозном.

Примерно тогда же я работал на строительстве нефтяных вышек, а после механиком в Чечено-Ингушском зерносовхозе, что совсем рядом с Грозным.

— Алексей Иванович, так мы же, выходит, земляки?! — обрадовался Галушкин.

— Да-а, самые что ни на есть настоящие! — с удовольствием подтвердил я.

Окончив школу, Борис приехал в Москву и поступил в двухгодичную Высшую школу тренеров по боксу при Московском институте физкультуры. Потом поступил сразу на третий курс того же института. Кроме бокса, занимался легкой атлетикой, ходил на лыжах, играл в футбол. Даже был капитаном футбольной команды своего института.

Высокий, ладно скроенный, черноволосый Галушкин быстро и легко сходился с людьми. Был верным, бескорыстным, заботливым другом. Помогал попавшим в беду, считал это своим долгом.

…29 июня (день его рождения) 1941 года боксер-перворазрядник Борис Галушкин и его друзья-однокурсники записались добровольцами и прибыли на Ленинградский фронт. Галушкина назначили комсоргом 2-го полка ополченческой дивизии.

…Однажды, а случилось это в августе 1941 года, Борис Галушкин ехал из политотдела дивизии к себе в кузове попутного воинского грузовика. Рядом погромыхивал ящик с боеприпасами. Клубились черные, грозовые тучи, слышались раскаты грома. Борис, накинул на плечи плащ-палатку. Хлынул ливень. Трехтонка остановилась.

— Эй, в кузове! — крикнули из кабины. — Давай сюда! Место найдется.

Открылась дверца. Из кабины выглянул чернобровый капитан. Это был уполномоченный особого отдела их полка

Рыленко. Борис только сейчас узнал его.

— Быстро! А то раскиснешь там! Откуда топаешь? — спросил капитан.

— Из политотдела…

Уполномоченный вопросительно посмотрел на Бориса.

Галушкин улыбнулся. Он знал, что капитан Рыленко всегда дотошно интересуется не только новым человеком в расположении их части, но и причиной отлучки каждого военнослужащего из своего подразделения.

— По комсомольским делам… Узнал, что в запасной полк большое пополнение прибыло. Из Москвы ребята есть.

Ливень продолжал неистово хлестать в ветровое стекло. «Дворники» не успевали сгонять с него воду. В дождевой мути погасли остатки дня. С притушенными фарами трехтонка, осторожно продираясь через дождевую завесу, катилась с пригорка. Вспышка молнии высветила впереди какие-то строения.

Тихо скрипнув тормозами, машина остановилась у длинного деревянного дома барачного типа. Из одного окна пробивалась полоска света.

— Комсорг, за мной!

— Товарищ капитан, плащ-палатки взяли бы, — предложил шофер.

— Ничего, не сахарные.

Сквозь шум непогоды из дома доносились поющие голоса, обрывки смеха. Дождь не стихал. У сарая, стоявшего невдалеке, блеснул слабый свет. Он мигнул три раза и поплыл в их сторону. Вскоре перед ними появился человек в брезентовом дождевике, с фонарем на груди и с ружьем в руках.

— Кто такие будете, добрые люди?

— Свои!.. Здравствуй, дед Аким! — приветствовал его капитан и спросил: — Ну, как тут дела?

Старик спрятал «летучую мышь» под полу плаща, указал рукой на барак, доложил:

— Сейчас дела, стало быть, ничего, а то совсем плохие были. Старшой их с одним парнем уходили куда-то. Ну, думаю, сбег, поганец!

— Вернулся? — с тревогой спросил капитан.

— Пред самой грозой заявился… Бражничают как на празднике, паразиты! — зло добавил сторож и смачно сплюнул.

— Порядок. Спасибо, папаша, что позвонил. А теперь иди. Мы тут сами разберемся.

Дед запахнул полы дождевика и скрылся в дождевой мгле.

— Зайдем-ка, комсорг. Надо посмотреть, что тут за народец обосновался. Понял? — тихо сказал уполномоченный, кивая на

строение, с крыши которого с шумом низвергались потоки воды. Потом повернулся к шоферу. — Семен, а ты тут за фасадом присмотри. Пошли!

— Есть присмотреть за фасадом! — четко сказал шофер.

Галушкин догадался, какая помощь потребуется от него, и весь собрался, как перед боем.

Капитан поплотнее надвинул фуражку, расстегнул кобуру. Борис последовал его примеру. Уполномоченный осторожно приоткрыл дверь.

В просторном помещении рабочей столовой царил полумрак. В свете керосиновой лампы, свисавшей с потолка, они увидели в дальнем углу гору кочанной капусты. Трое военных и четыре молодые женщины в крестьянской одежде сидели вокруг длинного стола. Они оживленно разговаривали, смеялись. «Сволочи! — рассердился Галушкин. — Кому война, а этим будто и нет ее вовсе!»

Увидев вошедших, люди за столом смолкли.

— Добрый вечер! Разрешите к вашему огоньку! — громко и будто беспечно сказал капитан Рыленко. Не торопясь, переваливаясь с ноги на ногу, шагнул к столу, зябко потирая руки, словно готовясь немедленно принять участие в вечеринке. — А окна, друзья, надо бы зашторить получше!

— Да неужто свет пробивается?! — испуганно вскочила со скамьи одна из женщин.

— Сидите, сидите. Я уже прикрыл, — осуждающе успокоил ее Рыленко.

Галушкин заметил на столе бутылки с водкой. Сало. Кружочки жирной колбасы. Ломтики сыра. Соленья. Куски белого хлеба. Невольно проглотил слюну. Такого богатого стола ему не доводилось видеть с довоенных времен. Неприязнь к гулякам вспыхнула с новой силой.

— Милости просим, братики! — гостеприимно пригласил их светлоголовый капитан-пехотинец, поднимаясь навстречу. — Присаживайтесь с нами, будьте как дома!.. Правда, мы тут не хозяева, а гости… Дождь пережидаем.

— Нашенские они, — словоохотливо вмешалась в разговор женщина. Агроном. Перед войной приехали… Вот, Старцев Степан Павлович…

— Да будет тебе, Агафья Петровна. Что я, сам не представлюсь? Да и зачем это? Разве не видно, кто мы? — недовольно перебил ее пехотный капитан.

— Да-да, конечно, — сказал Рыленко, внимательно разглядывая пирующих. — Печально. Дождь… Слякоть… Опять же знакомые…. А из какой вы части?

— Из запасного полка.

— Это ж из какого?

— Да из того, что в Волосове стоит.

— Ясно. Порядок.

Уполномоченный удовлетворенно закивал, будто знал, что так и есть. Галушкин подумал: «Капитан же врет!» Он недавно сам был в запасном, названном капитаном полку, но стоит он не в районном центре Волосово, как утверждал этот «агроном», а восточнее. Этого не мог не знать и капитан Рыленко, но он почему-то не подавал вида, что заметил вранье пехотинца. Пока Борис размышлял и удивлялся, уполномоченный представился и попросил предъявить документы. Лицо пехотинца дернулось, он зло глянул на Рыленко, но тут же взял себя в руки: заулыбался, заговорил, растягивая слова и разводя руками:

— Ну что за формальности, дорогой капитан? Садитесь с нами, погрейтесь сначала. Слышите, какая непогода на дворе беснуется? Куда спешить? Рыленко вздохнул:

— Спасибо за приглашение. Но у вас самих с гулькин нос осталось, чем можно погреться, — кивнул он на полупустые бутылки.

— Не беспокойся, капитан. Мы народ запасливый. Сержант, — повернулся он к чернявому насупленному парню, который сидел слева от него и не принимал участия в разговоре, — а ну-ка, тащи еще парочку! Угощать так угощать!

Третий военный, с двумя кубарями на петлицах — лейтенант, — мрачно сидел в углу.

Сержант вскинул голову, натянуто улыбнулся, отрицательно покрутил головой.

— Давай, давай, сержант, не жадничай. Надо же людям погреться, — с улыбкой настаивал капитан-пехотинец. И глаза его гневно блеснули.

Чернявый зло прищурился, медленно встал, не спеша подошел к туго набитому рюкзаку, распустил шнур. Что-то металлическое щелкнуло. Сержант резко выпрямился. Галушкин рванулся к нему и сильным ударом сбил чернявого с ног. Падая, тот грохнулся головой о пол. Замер. А мрачноватый лейтенант вскинул руку с пистолетом. Хлопнул выстрел. Погас свет. Испуганно завизжали женщины. Зазвенело выбиваемое оконное стекло. Галушкин быстро включил электрический, фонарь и увидел, что уполномоченный особого отдела, капитан Рыленко, сидит верхом на «агрономе».

— Комсорг! Бери лейтенанта!

Но того нигде не было видно. Женщины лежали на полу вниз лицом, боясь шевельнуться. Чернявый сержант тоже не двигался.

Видимо, при ударе затылком о пол он потерял сознание. Из рюкзака торчал приклад автомата. Диском он зацепился за шнур, которым стягивают горло мешка. Через выбитое окно в помещение врывался ветер, швыряясь дождевыми брызгами: Брезентовое полотнище, которым было зашторено окно, висело на одном гвозде.

— Нигде нет, товарищ капитан!.. Ушел!

— Жаль! — отозвался капитан, связывая руки задержанному. — Посвети, может, в капусте? Осмотри ящики!

Галушкин зашарил лучом по помещению. В это время шумно распахнулась дверь. В столовую вошел их шофер — парень огромного роста. С бушлата водителя стекали струи воды.

— Третий ушел! — крикнул Рыленко. — Надо искать.

— Да нет, — добродушно заявил шофер. — У нас не попляшешь. Поймал. На всякий случай я его к ящику со снарядами пришвартовал. Пускай опохмелится под дождиком. От него ж, гада, сивухой несет!

Капитан Рыленко засмеялся.

— Спасибо, Семен. Молодец!

— Служу Советскому Союзу! — гаркнул шофер.

Капитан крепко пожал ему руку.

…Захваченные оказались вражескими диверсантами. В рюкзаках бандитов обнаружили пачки советских денег. Тол. Магнитные мины. Ампулы с сильными ядами.

…С группой комсомольцев Галушкин прикрывал отход полка. Близкий разрыв снаряда швырнул Бориса на землю, и он потерял сознание. Пришел в себя от режущей боли в ноге. «А где же ребята? Что с ними?..» — и понял все.

На болотистой низине, через которую проходила дорога на Ленинград и где недавно гремел горячий бой, теперь было удивительно тихо. Поднявшийся ночной холодный туман накрыл белесой пеленой поле недавнего боя. Сквозь эту завесу Борис увидел невдалеке мерцающий свет костра, услышал пьяные песни, пиликанье губной гармошки. Немцы. Скрипнув зубами от гнева, прицелился на свет, нажал спуск. Сухо клацнул затвор, но выстрела не последовало. Патронов не было.

Достал из кармана десантной куртки индивидуальный пакет, ножом разрезал изорванную штанину, кое-как перевязал раненую ногу. Заполз в гущу кустов, сгреб полусгнившие листья, укрылся ими, стараясь согреться.

В этом убежище провел остаток ночи и весь следующий день. Все время моросил мелкий осенний дождь. Галушкин расстелил носовой платок, время от времени выжимал из него капли воды в рот, пытаясь утолить мучившую жажду. Становилось все

холоднее. Немцы далеко от костра не отходили.

Вечностью показался комсоргу этот осенний день.

…Когда стемнело, он пополз к своим, ориентируясь на звуки выстрелов.

Перед рассветом на него наткнулись наши разведчики.

Машина с ранеными остановилась на отлогом берегу Ладоги. Раненых сгрузили на землю, их должны были забрать на судно. Тупая непрерывная боль в ноге мучила Бориса, он прикрыл глаза, стараясь хоть немного забыться. Очнулся от громкого детского плача. Невдалеке толпились истощенные, измученные, легко одетые в городские платья женщины. Матери прижимали к себе детей, защищали их собой от пронизывающего ветра.

Никаких портовых сооружений вокруг не было. Метрах в двухстах от берега виднелось судно — сторожевой корабль «Пурга» военной Ладожской флотилии. Вскоре от судна к суше засновали шлюпки. Крутая волна и мелководье не позволяли им причаливать к берегу, они крутились в нескольких метрах от него.

Санитары с невероятным трудом несли раненых по воде на эти пляшущие в волнах суденышки. Северный холодный ветер задул с новой силой.

Наконец и к Борису подошли два рослых пожилых санитара.

— Ну, молодец, — сказал один простуженным голосом, — будем грузиться. Крепись!

Галушкин только глубоко вздохнул и сжался, готовясь к борьбе с болью.

Санитары, таща носилки, вошли в озеро и побрели к шлюпке. Когда вода поднялась выше колен и волны стали захлестывать лежащего Бориса, они положили ручки носилок на плечи. Рядом брели по воде женщины с маленькими детьми на руках. Ребятишки постарше шли держась за матерей.

— Ма-а-а! — вдруг резанул слух отчаянный детский крик.

— Помо-ги-те-е! — рванулся над водой женский голос.

Галушкин поднял голову. В метре от носилок из воды виднелась вихрастая мальчишечья голова. Ребенок лет четырех-пяти с трудом удерживался на ногах. Чуть дальше женщина с девочкой на руках, безуспешно тянулась к мальчугану, борясь с набегавшими волнами…

— Стой! — закричал Борис.

Санитар, что шел сзади, шагнул к мальчишке.

— Держись, парень! — предупредил он Бориса.

Санитар присел, опустившись в воду по самые плечи, а носилки приподнял.

— Ну!.. Хватайся за воротник! — сказал он мальчонке.

Тот ухватился санитару за шею.

Галушкин видел синее личико мальчишки, губы его дрожали, по лицу катились капли воды…

— Эй, там, на шлюпке, принимай!

С лодки протянулись руки. Сначала сняли мальчонку, затем осторожно приняли Галушкина, уложили на брезент. Шлюпка пошла к «Пурге». Перегружать раненых оказалось еще труднее: лодка билась о стальной борт, кренилась, волны захлестывали ее. Но вот загрохотала якорная цепь в клюзе.

— Малый вперед! — загремел голос капитана. Корабль дрогнул всем корпусом и тронулся.

До Новой Ладоги, что в устье реки Волхов, нормального хода несколько часов, но судно проболталось на озере до следующей ночи. Разыгравшийся встречный ветер швырял на палубу тучи брызг. Волны окатывали раненых, лежавших под брезентом на палубе.

К полудню следующего дня ветер разогнал сплошную облачность. В разрывах облаков появилось солнце. Но это никого не обрадовало. Все с тревогой вглядывались в прояснившийся горизонт. Так оно и есть! С севера показались «юнкерсы».

— Воздух!

— К бою!

Гулко ударили две зенитки с «Пурги», дружно заработали спаренные пулеметы. Это заставило воздушных стервятников держаться на сравнительно большой высоте. А когда «юнкерсы» все же вошли в пике, корабль сбавил ход и резко отвалил. влево. Три столба воды взметнулись выше радиоантенн «Пурги», почти рядом с судном, и ревущими водопадами обрушились на палубу.

Сбросив бомбы, самолеты ушли. Но минут через сорок атака повторилась. Сторожевой корабль решительно и смело отбивался. Часто менял курс, шел зигзагами, стремясь выйти из-под прицельного огня.

Борис Галушкин, превозмогая головокружение и боль, напрягая все силы, встал, но тут же потерял сознание и свалился на палубу.

Большая потеря крови и тяжелое воспаление легких уложили Галушкина на госпитальную койку…

Когда он наконец поднялся на ноги, врачи вынесли приговор: «К несению военной службы не годен».

Услышав это, Борис был так потрясен, что сразу не смог найти слов, чтобы возразить, попросить, потребовать. Он медленно вышел из кабинета.

«Неужели это правда?! Нет! Я еще буду держать в руках оружие! Буду биться с фашистами! Я здоров!» — гневно

рассуждал сам с собой Борис Галушкин…

В тяжелые октябрьские дни 1941-го Борис Галушкин приехал в Москву. Прямо с вокзала пошел в свой институт. Бродя по пустующим аудиториям, встретил знакомого преподавателя и от него узнал, что большая часть ребят, с которыми он учился, находится в разведывательном отряде ОМСБОН. Немедленно явился он в Дом союзов, где квартировали подразделения бригады.

— Послушай, младший лейтенант, с туберкулезом, брат, шутить нельзя, сказал пожилой подполковник, к которому обратился Галушкин с просьбой о зачислении его в отряд лыжников-разведчиков.

— Товарищ подполковник, я прошу… Немцы под Москвой, а я — в тыл?

— Нет, нет, — перебил его командир полка, — тебе действительно надо в тыл. Там ты сможешь встать на ноги, а на фронте, брат, больным не место.

Но Галушкин не сдался. Он не уехал в тыл. Снова и снова приходил к подполковнику, командиру 1-го полка Вячеславу Васильевичу Гридневу. От ребят Галушкин узнал, что Гриднев только с виду суровый, а вообще-то мужик добрый.

В очередной раз с Галушкиным к командиру полка пришли почти все бойцы разведывательного отряда. Они толпились в коридоре, шумно «болея» за Бориса.

— Товарищ подполковник, я очень прошу, я… — произнес Галушкин и замолчал. Он все сказал раньше. Гриднев все знал.

Командир полка прислушался к гомону, доносившемуся из-за двери, вопросительно глянул на Галушкина, погладил седеющий ежик волос и, не торопясь, стал перебирать какие-то бумаги на столе.

Галушкин молчал. Пауза затянулась.

— Так! — подполковник глянул на Галушкина, который, понурив голову, стоял посреди кабинета. — Хорошо. Давай документы.

И младший лейтенант Борис Лаврентьевич Галушкин был назначен заместителем командира лыжного отряда разведчиков, которым командовал Бажанов.

Через линию фронта

Третьи сутки в пути: едем по местам, где недавно хозяйничали гитлеровцы. Большинство населенных пунктов сожжены. Пепелища засыпаны снегом. Над ними торчат печные трубы. Чернеют остовы строений. Темнеют колеса перевернутых грузовиков, подбитых пушек. Стаи ворон — громко орущих хищников — кружатся над «трупами лошадей. Автобусы с красными крестами медленно, тяжело идут навстречу. Длинными сигналами требуют дороги. Автомашины с грузами, укрытыми брезентом, с красноармейцами в новом обмундировании обгоняют нашу колонну…

Чем ближе подъезжали к линии фронта, тем больше по сторонам дороги валялось разбитых автомашин и германской военной техники. Можно было представить, какие бои шли здесь.

Иногда то впереди, то сзади нашей автоколонны слышались раскаты бомбовых ударов.

На очередной ночлег остановились в деревне Королевщино. Это была уже территория Смоленской области. Опять нам с Борисом предложили русскую печь.

— Товарищи, неужели никто из вас не любит спать на теплой печи? — с удивлением спросил я.

— Да, товарищ комиссар, никто, — отозвался лыжник Михаил Лобов. Спортсменам больше нравится баня с парилкой, чем печь.

Его поддержали одобрительные голоса, а кто-то добавил, видимо намекая на мой возраст:

— И кроме того, старикам везде у нас почет.

— Ого! Выходит, что и я уже старик? — спросил Галушкин, который был на девять лет моложе меня, и рассмеялся.

Шутки шутками, но я чувствовал, с каким искренним уважением и теплотой лыжники относились к Борису Галушкину.

Поужинав, мы забрались на печь, улеглись. Галушкин долго не подавал голоса. Я уже подумал, что он уснул. И сам закрыл глаза, невольно вслушивался в завывание ветра в трубе. Не спалось. Снизу доносились приглушенные голоса ребят.

Наконец наступила тишина.

— Алексей Иванович, вы не спите? — услышал я шепот Галушкина.

— Пока нет.

— Мне тоже что-то не спится. Вспомнилось… Парень один замечательный, друг мой… погиб под Ленинградом. Весельчак, смелый — Николай Суслов. Мы все его Гаврилычем звали…

Я молчал. Пусть Борис выговорится. Видно, гибель друга не дает ему глаз сомкнуть. Но Борис не стал больше ничего говорить.

Я знал, чью гибель так тяжело переживал Галушкин. Николай Суслов на последних перед войной соревнованиях положил на лопатки своего учителя, преподавателя кафедры борьбы института физкультуры, семикратного чемпиона Советского Союза, чемпиона Антверпенской рабочей олимпиады 1937 года Григория Дмитриевича Пыльнова. Очевидцы необыкновенного поединка были поражены. Но сам Пыльное радовался такому блестящему успеху своего ученика. Он предрекал Николаю будущее великого борца современности.

Суслов был одаренным и всесторонне развитым спортсменом. Зимой 1940/41 года, например, команда лучших лыжников института, капитаном которой был Суслов, прошла 892 километра от Москвы до Выборга за 8 суток 19 часов 45 минут со средней суточной скоростью более 100 километров. До этого такой скорости при подобных групповых пробегах еще никто не показывал.

И вот Николая не стало!..

Во второй половине дня прибыли в деревню Оксочино, в районе которой находились подразделения группы войск НКВД под командованием генерал-майора Кузнецова. В трех-четырех километрах от Оксочина, в деревне Борода, располагался штаб группы. Через военного коменданта Оксочина связались по телефону с генералом. Командующий пригласил нас к себе для беседы. Выяснилось, что дальше дороги для автотранспорта нет и продолжать путь придется пешим строем: на лыжах.

В течение следующего дня приводили в порядок свое хозяйство, отдыхали. Последний раз произвели „переоценку ценностей“ и вынули из мешков кое-что из одежды, чтобы уменьшить вес поклажи. На дворе продолжала бесноваться и выть пурга. Не оставляла мысль: „Как пойдем в такую погоду? Хотя метель следы хорошо заметает, но по незнакомой местности в ненастье нетрудно и с дороги сбиться“.

К вечеру непогода улеглась, снегопад прекратился. Только порывистый ветер продолжал гнать по насту колючую поземку, свистел в кустах.

Ночью к западу от деревни, в которой мы квартировали, что-то горело. Яркие сполохи пожара взметались чуть не к небу. В комендатуре узнали, что группа фашистов проникла на нашу сторону, подожгла деревню и ушла к линии фронта. Наши лыжники настигли их, окружили. Те отчаянно сопротивлялись, не желали сдаваться. Лишь одного удалось взять живым. На другой

день утром мы видели этого поджигателя. Гитлеровец крепко спал на соломе в комендатуре, разбросав длинные ноги в лыжных ботинках.

— Сволочи! Сожгли пять изб вместе с людьми! Кольями подперли двери и… — бледнея от гнева, сказал комендант.

Фашист вскочил на ноги, напялив суконную кепку с длинным козырьком и меховыми наушниками, опустил руки по швам, что-то торопливо заговорил.

Комендант позвал дежурного. В комнату вошел высокий кареглазый парень. На нем была белая, запачканная сажей и кое-где прожженная маскировочная куртка с капюшоном. Увидев немца, дежурный зло прищурил глаза и замахнулся автоматом, словно собирался огреть им фрица. Комендант счел нужным среагировать:

— Но-но, Сидоренко! Теперь он пленный. За „языка“ головой мне отвечаешь, понял?! Бери-ка конные сани — и срочно его к генералу!

Немец нагнул голову, двинулся к выходу…

Ну вот все и готово к походу. На запряженные сани погрузили взрывчатку, боеприпасы, продовольствие и вещевые мешки.

И снова выла и бушевала метель. Вскоре лошади покрылись ледяным панцирем, стали валиться с ног от усталости. За восемь часов похода мы с трудом преодолели двадцать километров.

В четыре часа 28 марта остановились на привал. Невдалеке, ближе к линии фронта, виднелись избы деревни Трубилово, в которой нам предстояло провести последнюю дневку перед уходом в тыл врага.

Весь день тщательно готовились к переходу линии фронта: разработали порядок движения отделений до линии фронта и по ту сторону. Каждый лыжник был проинструктирован, как действовать во время движения в любой возможной ситуации. Наметили пункты сбора на тот случай, если отряд неожиданно атакуют превосходящие силы противника и он вынужден будет рассредоточиться. Общий груз распределили на шесть равных частей и уложили на волокуши. Получилось довольно-таки тяжеловато.

Вышли в десятом часу вечера. Прошли не больше часа, как сломалась одна волокуша. Оказалось, что двух лыж недостаточно под груз до двухсот килограммов. Решили вернуться и переделать волокуши — каждой добавить по лыже. А где их взять?

Утром фельдшер доложил, что боец Михаил Понятое заболел: высокая температура, сел голос, озноб.

— Что с ним? — озабоченно спросил Бажанов.

— Ребята говорят, что ему давно нездоровилось. Но молчал,

надеялся поправиться. Похоже, тяжелый грипп…

— „Ребята говорят“. А где же ты сам был, Вергун? Лекарь тоже мне, недовольно заметил Бажанов и приказал: — Сегодня же осмотри всех…

Больного оставили с капитаном, сопровождавшим наши отряды до линии фронта.

Из Трубилова вышли 29 марта в десять тридцать вечера. Идем по целине строго по азимуту. В поле наст настолько крепкий, что удерживает пешехода. Только когда вошли в лес, стали проваливаться выше колена. Легко идут только лыжники, однако лыжи теперь не у всех: часть их использовали на усиление волокуш.

Люди напряжены до предела. Звонкая, холодная тишина. Слышно только шумное дыхание да поскрипывание снега. Ждем возможной встречи с врагом. Разведчики обшаривают каждый куст, каждую впадинку. Но идем и идем, а немцев все не видно. Теперь жарко, очень жарко. Соленый липкий пот разъедает глаза.

Убеждаемся, что на этом болотистом участке, как и предполагал генерал Кузнецов, сплошной линии фронта у немцев нет. Тем не менее напряжение не спадает.

Останавливаемся. Занимаем круговую оборону. Посылаем Моргунова и Широкова в разведку к деревне Соминки — по карте она недалеко от нашего маршрута. Нетерпеливо ждем. Наконец они возвращаются. Жители Соминок рассказали, что более месяца тому назад к ним приходили фашистские лыжники. После ни одного немца они не видели. Видимо, мы находились на ничейной земле.

— Приготовиться к походу! Дозорные, вперед!

За дозором двинулся и весь отряд. Однако неопределенность относительно Местонахождения вскоре заставила отряд снова остановиться.

По карте измерили пройденное расстояние от Трубилова. Оказалось, что прошли по прямой около двадцати километров: неплохо. До рассвета уже мало времени. Люди устали. Вокруг гудел густой лес, удобный для дневки. Если продолжать путь, то еще неизвестно, где нас застанет рассвет. Чтобы не рисковать, решили передохнуть в этом лесу.

Впервые со дня выезда из Москвы спали в лесу, не раздеваясь и не разводя костров. Если во время движения полушубки казались горячими, ненужными и вызывали невольное желание сбросить их, то теперь они спасали нас от стужи. Однако стоило только прилечь на снег, как тут же приходилось вскакивать от пронизывающего холода.

Напрягая последние силы, заставляли себя двигаться,

распахивали полы полушубков, махали ими, как птица крыльями, чтобы движение воздуха уносило влагу. В эти минуты от людей валил пар, как от разгорячённых лошадей на морозе.

За ночь снегопад засыпал все вокруг толстым слоем. Снежное „одеяло“ и помогло нам ночью не замерзнуть, окончательно.

Разработали маршрут на предстоящий ночной переход. Видимо, в конце перехода дозорные, выбившиеся из сил, незаметно отклонились на несколько градусов от азимута. Надо было снова засылать разведку, чтобы сразу исправить ошибку. Иначе можно было совсем заплутать. Перед заходом солнца Голохматов и Мокропуло отправились в район деревни Бель.

Возвратились совсем поздно. От местной жительницы узнали, что сегодня утром в их деревню приходили гитлеровцы, а это значило, что мы уже по ту сторону фронта — в тылу врага.

— Ну, комиссар, теперь, кажется, все в порядке! — сказал Бажанов, внимательно оглядываясь по сторонам, и добавил: — Знаешь, я, признаться, ожидал худшего.

В тыл врага

Покинули временный лагерь. Вокруг труднопроходимый, засыпанный глубоким снегом лес. Идем очень медленно, часто останавливаемся: то перегруженная волокуша свалится на бок, то ждем разведчиков, уточняющих правильность маршрута.

На лесных участках пути столько снега, и он такой рыхлый, что люди буквально барахтаются в глубоких сугробах, ползут на четвереньках, таща за собой волокуши. Кое-кто надевает веревки на плечи, как лямки вещевого мешка, чтобы освободить руки. Но и это не ускоряет движения. Тем не менее мы подбадриваем друг друга шутками.

Усталость чувствовалась особенно сильно к концу перехода. Неудержимо хотелось спать. Вот кто-то пошатнулся, качнулся в сторону, потом вперед. Не удержался и, свалившись в снег лицом, остался лежать. К нему подошел Николай Голохматов, слегка ткнул лыжной палкой в спину и сказал:

— Эй, „суворовец“, вставай, еще не привал!

Однако упавший лежал, словно не слышал.

— Да ты что? — склонился над ним Николай. И вдруг послышался его удивленный возглас: — Ребята, он уже храпит!

Отряд остановился. Растолкали уснувшего, поставили на ноги. Это был Андреев.

— Леха, как же ты умудрился? — интересовались товарищи.

Андреев со вздохом разлепил глаза, широко зевнул. Поправил вещевой мешок, обидчиво буркнул:

— Ну, нашли забаву?! — И пошагал в голову колонны, снова покачиваясь из стороны в сторону…

В четыре часа утра остановились на вторую дневку.

За ночь прошли всего десять километров. Бажанов расстроился. Ходил по лагерю, внимательно наблюдал, как люди устраиваются на отдых, хмурился. Потом присел на пень, накрылся плащ-палаткой, развернул на коленях карту. Подсвечивая себе фонариком, долго „шагал“ по карте ножками раздвинутого циркуля. Затем пригласил к себе командиров отделений. Пока люди собирались, с горечью сказал мне:

— Комиссар, ты понимаешь? Это же катастрофа!.. Необходимо срочно что-то делать! Подошел Рогожин, доложил:

— Товарищ старший лейтенант, все здесь, кроме Голохматова. Он еще не возвратился из разведки. Бажанов обратился к командирам:

— Товарищи, если и дальше мы будем ползти с такой скоростью, то в район нашей работы не доберемся и до

распутицы. А послезавтра апрель. Что будем делать? Может, оставить часть груза и дальше идти налегке?.. А что мы можем оставить? Только ВВ и мины… Но это же наш хлеб! Без них мы окажемся там как без рук.

Командиры молчали. Они хорошо понимали старшего лейтенанта, который мог бы просто приказать ускорить движение отряда, и никто бы не возразил. Но он хотел, чтобы люди сами высказались, дали совет.

— Разрешите мне, товарищ старший лейтенант, — попросил Алексей Моргунов, вставая на ноги.

— Говори.

— Я думаю, товарищи, что необходимо уплотнить время. Во-первых, укоротить дневки. Во-вторых, лучше разрабатывать маршрут каждого перехода.

— Алексей прав, — поддержал Моргунова Борис Галушкин. — На дневку останавливаться позже, а кончать ее раньше. Вот и появится дополнительное время.

— Да и скорость отряда можно увеличить, — добавил Моргунов.

Командир отряда облегченно вздохнул, согласно кивнул, спросил:

— А как люди? Выдержат?

Моргунов облизал потрескавшиеся губы, оглядел собравшихся, ответил уверенно:

— Мы же спортсмены, знаем, какие физические резервы таятся в человеческом организме. Надо только захотеть и мобилизоваться.

— Спасибо, ребята, — просто сказал командир отряда, улыбнулся. — Ну а теперь отдыхать.

…Собрались в путь гораздо раньше вчерашнего.

На ходу размялись, согрелись. Все уже знали о решении двигаться быстрее, поэтому шли молча, как на длинной спортивной дистанции, экономя энергию и силы.

Словно безмолвные призраки, двигались мы в метели. Морозный ветер обжигал лица, швырял и бил колючей крупой. А вокруг — снег, снег, снег… Люди на ходу хватали его горстью, совали в рот, охлаждали им лица.

Час прошел, как мы в пути. Кончился и второй, а мы все идем и идем. Отдыхали только в минуты вынужденных остановок, когда надо было уточнить: верно ли держим курс? Все ли спокойно впереди?

В авангарде отряда дозорные. То в голове, то в хвосте колонны отряда появляется старший лейтенант, плотный, невысокий. За ним как тень следует Иван Рогожин. Усатый,

широкогрудый, лицо кирпичного цвета. Мастер спорта и неоднократный призер чемпионатов страны по лыжам, он адъютант командира отряда.

— Подтянись! Давай, давай! Шире шаг! — подбадривал старший лейтенант.

Хотя я и обладал значком второй ступени ГТО, мне очень тяжело было идти в ту ночь наравне с ребятами. Ведь все они спортсмены, хорошо знавшие, как экономнее использовать каждое движение, как регулировать дыхание. А вдобавок, многие моложе меня на несколько лет. Как я мысленно благодарил тогда студента второго курса Московского института физкультуры Франца Белинского, минера, который на фронте под Москвой (в минуты затишья) учил меня, южанина, правильно ходить на лыжах.

Но после третьего часа пути даже хорошие лыжники начали уставать. Командир дал отряду отдых — минут пять-семь, не более.

Мы спешим навстречу неизвестности, поэтому крайне осторожны и бдительны. Подальше обходим населенные пункты. Нередко лежим неподвижно в снегу, коченея от холода, пока разведчики ищут более удобный и безопасный путь. И так всю ночь. Только, когда утренняя заря зажгла восток, измученные, мокрые и голодные, мы забрались в лесную чащу и весь день терпеливо ждали наступления следующей ночи, не разводя костра.

Сейчас мы еще не могли начинать войну с оккупантами. Ведь о нашем рейде в тыл врага было информировано командование Западного фронта. И теперь при планировании своих военных операций оно учитывало и наши боевые возможности, надеялось на нас.

И мы торопились достичь цели, пока стоят морозы и можно идти на лыжах. Но весна брала свое, днем солнце плавило снег и на лесных опушках все чаще попадались проталины, под ногами хлюпала талая вода.

Следующая ночь была еще труднее. Ведь в отряде на каждого человека приходилось более 80 килограммов груза. Несли его в вещевых мешках, тащили на волокушах. Вскоре из строя стали выходить истершиеся о неровный наст лыжи. Все меньше оставалось исправных волокуш. Движение отряда замедлилось. Что делать?

— А ну-ка, Иван, поддержи! — обратился широкоплечий парень к старшему минеру отряда Домашневу.

Подошел к ящику, потрогал его руками, как штангист пробует гриф штанги, выйдя на помост. Ящик был сделан

добротно, — бока его гладкие, без единого выступа, не за что ухватиться.

— Да ты что, Володя?.. В нем чистого весу сто кило!

— Ничего, давай попробую!

Это был Владимир Крылов. Крякнув, он рывком взвалил на плечи ящик с толом. Постоял минутку, поудобнее уложил груз на плечах и медленно побрел вперед. Алексей Моргунов, Сергей Корнилов, Иван Мокропуло, Павел Маркин, Виктор Правдин, Алексей Андреев, Александр Назаров и другие лыжники последовали примеру молодого коммуниста. Они брали на плечи тюки, тяжелые ящики и шли за Крыловым. Пройдя метров сто, возвращались за новым грузом. Так двигались мы всю эту ночь.

Владимир Крылов

На привале Крылов, свалив под елку тяжеленный ящик с толом, вспомнил, как прошлой весной под гул аплодисментов и одобрительных возгласов болельщиков уверенно поднимал штангу, которая была куда больше весом, чем этот ящик. Свыше девяноста килограммов выжимал штангист среднего веса Крылов только одной левой рукой, что равнялось тогдашнему мировому рекорду.

…В один из ноябрьских вечеров 1941 года коммунисты минно-заградительного отряда 1-го полка ОМСБОН собрались на очередное собрание. А было это в деревне Клусово, что на Рогачевском шоссе, в 65 километрах от Москвы. Первый вопрос повестки дня — прием в ряды ВКП(б). Вступавшие в партию говорили коротко и ясно: „Хочу сражаться с немецко-фашистскими захватчиками коммунистом!“

Заявление в партию подал и Владимир Викторович Крылов. 1909 года рождения, русский, сын рабочего, уроженец города Саратова. В детстве потерял родителей. Был беспризорным. На буферах и крышах вагонов исколесил чуть ли не всю страну. В одну из студеных зим, подгоняемый холодом и голодом, оказался в Туркестане. В Ашхабаде попал в детский дом. Стал учиться, вступил в комсомол. Принимал активное участие в коллективизации. Был бойцом отряда по изъятию излишков хлеба у кулаков. Рыл котлованы под фундаменты строившихся корпусов Сталинградского тракторного. Учился на рабфаке. Спортом стал заниматься рано. В 1928 году был уже призером тяжелоатлетического турнира Спартакиады народов Советского Союза. Неоднократный чемпион страны по штанге в среднем весе. Заслуженный мастер спорта. В 1937 году окончил Высшую школу тренеров при Московском институте физической культуры. В том же году стал победителем Антверпенской рабочей олимпиады.

Один из лучших минеров отряда, заботливый, внимательный и справедливый младший командир, смелый и решительный воин, честный и отзывчивый товарищ, Владимир Викторович Крылов был единогласно принят кандидатом в члены ВКП(б).

Владимир Крылов уже успел повоевать и на фронте под Москвой, и в тылу противника сражался героически и самоотверженно.

…Минный заградительный отряд ОМСБОН находился на подступах к Москве. Кирками и ломами минеры долбили схваченную морозом землю, копали двухметровые ямы-шурфы для закладки мощных фугасов. Минировали мосты, бетонные

водопроводные трубы под шоссе, создавали минные поля. И все это под непрерывной бомбежкой и обстрелом вражеских самолетов.

Фронт неумолимо приближался.

Шел ноябрь. Отделение Георгия Георгиевича Мазурова (мастера спорта по прыжкам в воду, призера первой Спартакиады народов Советского Союза) получило приказ вывести из строя участок шоссе между железнодорожной станцией Решетниково и населенным пунктом Спас-Заулок. Фронт был где-то совсем рядом. Артиллерийская канонада не смолкала. Дав каждому бойцу задание, Мазуров и его заместитель Владимир Крылов принялись копать свой шурф. Пока один находился в яме, другой отдыхал.

— Самолет! — послышался голос дежурного бойца.

— Воздух! — закричал Крылов, увидев черные фашистские кресты на самолете, и спрыгнул в яму.

В этот момент самолет с гулом спикировал на шоссе, пронесся над ними, строча из пулемета. Выскочив из ямы, Крылов схватил винтовку, его примеру последовали другие. Раздались дружные выстрелы. Самолет круто взмыл вверх, развернулся и скрылся за линией фронта. Крылов выругался, потом вдруг рассмеялся.

— Послушай, командир, что это у тебя?

— А что? — недоуменно спросил Мазуров. Из его продырявленного пулями вещмешка сыпалась труха от каши-концентрата.

— Вот, гад, оставил-таки нас с тобой голодными! — сказал Крылов. — А вообще-то хорошо, что в кашу долбанул, а то бы…

…Январь 1942 года. Отряд ОМСБОН под командованием лейтенанта Бажанова действовал в тылу врага на территории Калужской области. В этой операции под руководством главного минера отряда Владимира Крылова участвовали лыжник Михаил Лобов, выпускники института физкультуры Николай Секачев, Павел Маркин, альпинист Николай Ананьев, гимнаст Иван Келишев.

К утру минеры через лес вышли к железнодорожному разъезду, который надо было уничтожить. Подошли, скрываясь в вихрях метели. Будку, где от непогоды прятались охранники, минеры разнесли в щепы противотанковой гранатой. Заминировали входные и выходные стрелки, крестовины. Привязали заряды к телефонным столбам. Не прошло и десяти минут, как послышалась команда Крылова:

— Первые номера остаются у зарядов, остальные — отходи!

А еще через две-три минуты, когда минеры уже мчались к

лесу, на разъезде один за другим загрохотали взрывы.

…От сорокаградусных январских морозов трещали стволы деревьев. Группа омсбоновцев, в которую вошли Владимир Крылов, Николай Ананьев, Павел Маркин, Георгий Иванов, Иван Мокропуло, Иван Келишев, Николай Голохматов, получила приказ вывести из строя мост через реку Жиздру на перегоне железной дороги Судимир — Сухиничи.

Прошло шесть часов, как омсбоновцы покинули лагерь. Пересекая глубокий овраг, запутались в мелком кустарнике. Лыжи пришлось снять, но тут же провалились по пояс в снег. Почти выбрались на поверхность, но кто-то не удержался на обрывистом берегу оврага, и лавина сыпучего снега снесла всех на дно.

— Ребята, не суетитесь, — послышался голос Крылова. Он был по возрасту старше всех в группе. Опытный воин. Его все уважали. — Время у нас есть. Главное, чтобы сил хватило.

Передохнув, стали выбираться из оврага.

Когда до моста осталось не больше километра и минеры вышли на открытое пространство, их неожиданно обстрелял пулемет. В небе повисла осветительная ракета, за ней вторая. Залегли, поползли, ориентируясь на силуэт моста. Увидел ли их вражеский пулеметчик или стрелял наугад, трудно сказать. Тем не менее у Иванова и Ананьева оказались простреленными вещмешки. Пулями раздробило несколько толовых шашек. Хорошо, что капсюли-детонаторы хранили отдельно.

— Увеличить дистанцию! Растянуться!

Утопая в снегу, поползли еще осторожнее. Пулемет продолжал строчить. Пули рыхлили снег рядом. Но вот наконец минеры достигли берега, здесь они недосягаемы. Собрались в кружок, чтобы договориться о дальнейших действиях. Мост в нескольких шагах. Его металлические фермы чернели на фоне серого неба. По высокой насыпи со склоном не менее двадцати — двадцати пяти метров ходили двое часовых, закутанные, похоже, в одеяла.

— Командир, я первым пойду к мосту. Надо уточнить конструкцию ферм, обратился Крылов к Голохматову.

— Я с Крыловым, — сказал Николай Ананьев.

Каждый из минеров пошел бы на насыпь, чтобы снять часовых. Ненависть переполняла сердца. Но командир решил отправить Крылова и Ананьева. Они были самыми сильными физически и самыми опытными воинами в группе.

Они отдали карабины, опустили капюшоны маскхалатов и поползли к насыпи, сжимая в руках ножи. В десяти метрах за ними следовал с автоматом Павел Маркин, готовый в случае

необходимости открыть огонь.

Из-за туч появилась луна. Вокруг стало так светло, что можно было даже различить ветки полузасыпанного снегом куста, росшего на самом верху насыпи. Минеры зарылись в снег. Часовые были где-то рядом, но теперь их не видно, только слышны голоса. На мосту показался поезд. В длинном луче его фонаря сверкали искры метавшихся снежинок. Длинный состав промчался, обдавая минеров клубами пара, увлекая за собой облако снега. Редкая дымка заволокла луну, потемнело. До верха насыпи оставалось метра три-четыре. Крылов и Ананьев рывком преодолели это расстояние. Часовые удалились от них уже метров на двадцать. Одним броском спортсмены настигли их. Когда Маркин пробегал Мимо мертвых гитлеровцев, Крылов и Ананьев были уже на мосту.

По указанию Крылова минеры подвешивали тяжелые кубические заряды тола к наиболее уязвимым участкам моста. Работали без рукавиц. Голыми руками хватались за металлические конструкции, оставляя на них куски сорванной кожи. Скрипели зубами от боли, но терпели. Торопились.

Павел Маркин и Иван Мокропуло охраняли подходы к мосту. Крылов, еще раз тщательно все проверив, поджег запальную трубку. Послушал секунду, хорошо ли горит бикфордов шнур, кубарем скатился с насыпи.

Дрогнула земля. Грохот взрыва слился с перекатистым эхом.

Мощная взрывная волна швырнула всех на снег.

Длинно заговорили вражеские пулеметы. В небе повисли осветительные ракеты, от которых стало светло как днем. Лыжники бежали гуськом, торопясь уйти в безопасное место. Но все-таки угодили под град пуль.

— Ползком!.. Маркин, резани-ка его! — приказал Голохматов.

Несколько очередей из автомата заставили вражеский пулемет замолчать. Однако минуты через две он снова застрочил. Но минеры уже успели проскочить и скрыться в овраге.

— Все целы? — беспокоился Николай Голохматов. — Пашка?.. Иван?.. Жора?.. Ананьев? — с тревогой выкрикивал он товарищей, еле переводя дыхание.

Ответить уже не было сил. Четырнадцать часов находились минеры на лютом морозе, без еды, без отдыха, в сильнейшем нервном напряжении.

— Давай, ребята, давай! Оторвемся от фрицев, тогда отдохнем! подбадривал их командир.

На ходу раздал остатки шоколада, ребята попытались есть. Потрескавшиеся губы кровоточили, опухли. А Крылов выглядел бодрым, даже шутил:

— Нажмем, спортсмены!.. Забыли, что в запасе у нас второе дыхание!

За этот поход Владимир Крылов награжден орденом Красного Знамени.

Непредвиденные задержки

Предложенный Крыловым метод „транспортировки“ грузов хотя и оказался реальным, однако сильно замедлял движение отряда. Сняли с лыж максимум людей и подремонтировали волокуши. Предстояло форсировать высокую насыпь железной дороги и шоссе. Донесся близкий гудок паровоза…

Снова пошли.

Совсем рядом была железнодорожная магистраль Смоленск — Витебск. Выслали вперед разведчиков, сами залегли. В маскхалатах, прижавшиеся к насту, лыжники уже с трех-четырех метров были не видны — сливались с фоном заснеженной местности. Некоторые совсем не двигались, мелкий снежок припорошил их. „Неужели спят?“ — подумал я и коснулся рукой ближайшего ко мне.

— Спишь?

Человек вскинул руку в огромной рукавице, помахал ею отрицательно.

Мы все представляли, какая сложная задача стоит перед отрядом — сильно охраняемую железную дорогу надо было пересечь так же, как и линию фронта: без единого выстрела и без потерь.

Долго лежали в снегу близ насыпи. Прошло еще два поезда. На платформах горбилось что-то большое, накрытое брезентами. Через щели в окнах пассажирских вагонов пробивались чуть видимые полоски света. Из брюха паровоза сыпались жаркие искры: кочегар шуровал в топке. „Вот бы долбануть!“ — невольно подумал я и вздохнул. Было очень жаль, что вражеский эшелон уходит невредимым. Но мы не могли оставлять следов: преждевременная диверсия на „железке“ могла привести к большой беде, если не к полному разгрому отряда.

Промежутки между поездами — десять-двенадцать минут. За это время нам надо было подойти к насыпи и, перевалив через нее, исчезнуть в лесу, что темнел по ту сторону.

Наконец возвратился Голохматов с разведчиками. Он доложил, что железная дорога охраняется парными патрулями. Охранники не стоят на месте: то расходятся, то сходятся на участке около двухсот метров. Встретившись, стоят две-три минуты спиной к ветру, курят. Вдали маячит какая-то вышка, видимо, сторожевая, пулеметная.

— Будем снимать охрану? — спросил Голохматов Бажанова и меня.

— А вдруг поднимется шум? — вопросом на вопрос ответил

Бажанов.

Голохматов понимающе кивнул:

— Значит, с охраной связываться не следует… Нет ли скрытого пути к насыпи?

— Есть небольшой участок. Густые кусты почти вплотную подходят к насыпи. Скрываясь за ними, можно приблизиться к железной дороге незаметно. Место вполне подходящее. Только высоковато.

Отряд разделился на три равные группы, чтобы лучше маневрировать при переходе. Подтянулись к кустарнику. Ждали, пока патрульные скроются в вихрях метели, которая крутила и бесновалась, как и вчера.

— Пошли!

Передние осторожно поползли вверх по склону насыпи высотою 20–25 метров и крутизною до семидесяти градусов. Поднялись метров на десять. Им бросили конец веревки от волокуши. И та медленно поползла вверх… Как вдруг кто-то сорвался, сбил с ног соседа. А тот второго. И вместе с грудами снега и волокушей все скатились вниз. Снова начали подъем, но опять неудача.

— Действительно, высоковато. Лестницу бы сюда… — невольно сказал я.

Но кто-то уже сообразил, что надо делать. Несколько человек рванулись вперед, принялись ногами делать ступени, и получилась лестница! Цепочкой растянувшись по ней, быстро подняли волокушу на насыпь, протащили через рельсы.

Так переправили несколько волокуш. Командир отряда ушел вперед с разведчиками. Вдруг раздался условный свист: „Внимание!“

Ко мне подбежал Моргунов, сообщил:

— Товарищ комиссар, поезд!

Матовое пятно паровозного фонаря быстро наползало на нас. Отряд оказался разделенным надвое: большая часть ушла с командиром вперед, меньшая — осталась со мной.

— Все от насыпи! Зарыться в снег!

Упав в снег, мы не видели вражеского эшелона: он шел высоко над нами, но ясно ощущали дрожь земли…

Не успел смолкнуть стук колес на стыках рельсов, как по насыпи к нам скатился Галушкин, за ним еще кто-то.

— Как вы тут? — спросил он.

— Пока все в порядке. А как наверху?

— Патрульных не видно. Надо спешить.

Мы взяли оставшиеся волокуши и двинулись по ступеням на полотно. Перевалили наконец через путь, соединились с первой

частью отряда и скрылись в лесу. У железной дороги остался только Моргунов с тремя автоматчиками, чтобы замести следы, а в случае опасности — прикрыть отход отряда огнем.

Проверив наличие людей и грузов, двинулись дальше. Серьезное препятствие осталось позади. К нашей группе подкатил на лыжах запыхавшийся Иван Келишев. Он доложил, что метров через триста шоссе, по которому почти сплошным потоком движется автотранспорт противника.

— Как! Шоссе должно быть значительно дальше от „железки“, — нахмурился Бажанов.

— Точно, товарищ старший лейтенант. Сам видел.

Бажанов накрылся плащ-палаткой, включил фонарик, еще раз сверил с картой и по компасу данные разведки.

— Да, черт возьми, верно, — сказал он, отбрасывая плащ-палатку. Выходит, мы отклонились от азимута и вышли к шоссе правее, чем намечали. А транспорт какой?

— Большие крытые грузовики. Прошел автобус в сопровождении бронетранспортеров и мотоциклов с пулеметами.

— Придется ждать, пока не спадет поток машин. — Бажанов посмотрел на светящийся циферблат наручных часов. — Знать бы, где споткнешься!..

Отряд подтянулся поближе к шоссе. Грузы оставили в глубине леса. Группа автоматчиков под командованием Галушкина затаилась метрах в шести-семи от кювета — отсюда было хорошо видно все, что делалось на шоссе. Лежали молча, чувствовали, как неудержимо уходит тепло.

Только к полуночи движение на шоссе заметно подзатихло. Небольшие группы автомашин проходили с промежутками в две-три минуты.

— Приготовиться!

Отряд вытянулся в шеренгу вдоль кювета. И когда очередные автомашины прошумели мимо, мы перешли шоссе, таща за собой волокуши.

Стараясь наверстать потерянное время, дальше шли почти без остановки. К утру ветер изменился: теперь он был сырой, западный. Скольжения почти не стало. Вытянулись на полянку, остановились и вдруг увидели метнувшийся, слева, ввысь, мощный луч света. Через некоторое время снова… Голохматов, Маркин и Мокропуло пошли выяснить причину этого явления. Скоро возвратились. Оказалось, что рядом подавал сигналы прожектор с военного аэродрома. Кто-то громко вздохнул: „Вот бы!..“

— Отставить! — строго сказал в темноту Бажанов. И, спрятавшись под плащ-палатку, нанес на карту ориентиры

расположения вражеского аэродрома.

Соседство военного аэродрома и близость рассвета подстегнули нас: мы заторопились. Дорога пошла под уклон. Тяжелые волокуши легко и быстро скатились вниз. За ними сбежали лыжники. Спускаясь, я налетел на пень, засыпанный снегом, упал. Левая лыжа сломалась. Поднявшись, с сожалением осмотрел обломки. Ничего не сделать! Придется попытаться продолжить путь на одной. Опытному лыжнику это, может, и удалось бы, но у меня ничего путного не получилось.

— Стой! Так, парень, ты далеко не ускачешь! — услышал я позади хрипловатый голос Миши Лобова. — Лучше чеши пешком. Или нет… Давай-ка на мои становись, вместе доберемся.

— Ничего… Скоро привал. Доберусь как-нибудь.

— Ты что, соображаешь?! „Как-нибудь“… Становись, говорят тебе! Ну?!

Пришлось послушаться. Я уцепился за его вещевой мешок, встал сзади на его лыжи. Мы тронулись. Правда, останавливались часто: ноги мои срывались с лыж. Но все-таки догнали пеших. Многие ничего не заметили. А когда, обгоняя колонну, прошел адъютант командира и приказал: „Подтянуться! Скоро привал!“ — мой напарник остановился, сказал, тяжело дыша:

— Ну а теперь слезай! Видать, понравилось?

Вокруг слышались сдержанные смешки. Некоторые ребята видели, как мы с Михаилом Лобовым „мчались“ вдвоем на одних лыжах, и слышали, как он „подбадривал“ меня не очень-то ласковым словом.

Небо на востоке светлело. Наступало утро 4 апреля. Отряд медленно втянулся в глубь векового хвойного бора.

Готовились к дневке. Под развесистой елью расположилось отделение старшего сержанта Моргунова. Ребята убрали снег, разгребли толстый слой хвои, накопившейся под ней, сверху настелили лапника. (Спали обычно по двое — валетом. Ноги прятали под полушубки друг друга.) Командир отделения внимательно наблюдал, чтобы места для отдыха были удобными. Когда все было готово и бойцы стали развязывать вещевые мешки, Моргунов спросил, прищурив свои голубые глаза в лукавой усмешке:

— Парни, а кого это из вас я по спине огрел?

— А когда это было? — спросил Валентин Хохлов, не поднимая головы от банки с тушенкой.

— Сегодня ночью… У шоссе.

— А чем огрел-то?

— Палкой.

— Не лыжной ли?

— Точно. Лыжной, — подтвердил Моргунов, косясь на него.

— А-а, — протянул Хохлов безразличным тоном. — Наверное, кого-нибудь не из нашего отделения.

— Да нет, Валя, из нашего, — возразил Моргунов, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться.

Хохлов пожал плечами, поднял, как бы раздумывая, светлые брови, аккуратно отрезал кусочек мерзлой говядины, сунул в рот, посмаковал и спросил:

— А за что огрел-то?

— Да за то, что целился в проходивший транспорт противника, когда делать это строго запрещено!

— Ну, за это, конечно, стоит! — отозвался Хохлов „сурово“ и нахмурился.

Ребята смеялись, давно догадавшись, о ком идет речь. А кто-то заметил:

— Чует кот Васька, чье сало съел.

— Да что вы, ребята? — возразил Хохлов, изображая на лице полную невинность. — Командир, скажи им, что это не меня!

Моргунов назидательно сказал:

— На этот раз замнем. Но смотрите, ребята, чтобы подобные глупости больше не повторялись. Понятно?

Пришли

До цели похода оставалось всего восемнадцать километров. Но они стали самыми трудными за весь наш рейд. Нам предстояло форсировать реку Березину.

Обсудив все, решили оставить часть ВВ и противотанковых мин где-нибудь в глухом месте. Для тайника выбрали густой молодой ельник, в глубь которого было трудно пробраться. Ящики с толом сложили в яму от свежего выворота толстой сдвоенной осины. Мины разложили в один слой по земле. Сверху тайник забросали прошлогодними листьями, лапником. На соседних деревьях оставили заметки. Освободившиеся волокуши разобрали. Лыжи дали тем, у кого их не было. И двинулись дальше…

Наконец отряд остановился на берегу Березины, покрытой полуразмытым льдом, — предательски чернели полыньи. Разведчики Владимир Крылов, Иван Келишев, Павел Маркин сняли лыжи, легли на них и, отталкиваясь руками, таким образом „поехали“ через реку.

Получив от них сигнал, что на противоположном берегу путь свободен, отряд тронулся через реку. Под тяжестью людей и грузов слабый лед трещал, оседал. Через полыньи выплескивалась вода. Промокли до нитки, но переправились.

Наступил пасмурный рассвет. Растянувшаяся колонна отряда входила в густой лес. Я шел последним, подбадривал отстающих, хотя и сам едва держался на ногах. Теперь снег за ночь не промерзал. Тонкая корка льда легко ломалась. Под ней была рыжая, пропитанная лесной настоянной на листьях и траве водой снеговая каша. Волокуши оставляли за собой темную дорожку воды. И я шел, чувствуя, как вода проникает в сапоги и холодит стертые ноги…

— Сто-о-ой!

Георгий Иванович Иванов (известный до войны футболист, успешно игравший в командах мастеров „Шахтер“, „Трактор“, „Торпедо“, награжденный орденом Красной Звезды) подошел ко мне, отбросил капюшон, оперся на палки. Устало сказал:

— Товарищ комиссар, вас к командиру отряда! Когда я подошел к старшему лейтенанту Бажанову, он рассматривал карту, светя себе электрофонариком.

— Ну, комиссар, кажется, пришли, — поднял он голову и лихо сдвинул на затылок шапку-ушанку.

Наконец-то окончился наш тяжкий путь. Я осмотрелся. Лес. Вековые сосны, толстенные ели, березы. Под ногами снег с талой

водой. „Вот тут, товарищи, и будет ваша основная база. От нее и разворачивайте боевые действия“, — вспомнил я слова, сказанные на совещании в штабе полка. Как ни старался я тогда, но представить себе эту нашу „основную базу“ не мог. Как-то не предполагал, что „база“ окажется такой неуютной и неприветливой. Тем не менее я был несказанно рад, что путь закончен. Люди целы, в строю. Чувствовалось, что все мы стали ближе друг другу, как говорят, притерлись…

— Чего задумался, комиссар? — спросил Бажанов. — Не нравится?

Я неопределенно пожал плечами. Он нахмурился.

— Ничего, брат, не поделаешь. Придется довольствоваться тем, что есть. — Приказал адъютанту: — Рогожин, передай людям, чтоб располагались на отдых.

Словно выточенный из куска дерева крепкой породы, невысокий, но широкий в плечах и необыкновенно сильный, Рогожин мощно оттолкнулся палками и рванул с места. Со стороны казалось, что у Ивана, прекрасного лыжника (за первый поход награжденного медалью „За отвагу“), нет ни одного лишнего движения: все рассчитано до сантиметра.

Бажанов кивнул вслед своему адъютанту:

— Надо же! Столько пройти, а ему хоть бы что!

— Пришли, братва!.. Отдыхать! — сообщал Рогожин, пробегая вдоль колонны.

Сбросив вещевые мешки, бойцы с любопытством оглядывали окружавшую местность, перебрасывались короткими фразами.

— Да-а, в таком месте не очень-то разгуляешься, — заметил Сосульников. И натянул на голову капюшон маскировочной куртки.

— Гулять тут, Андрюша, некогда будет, — заметил Иван Келишев.

— Это верно. А вот как мы тут шалаши будем ставить, кругом вода…

— Что ты — в таком лесу и не устроиться?

— Эй, Леха! — Голохматов подошел к Андрееву, прислонившемуся спиной к толстой сосне. — Ты, кажется, опять дрыхнешь?

— Да брось ты, — ответил Андреев, с трудом разлепляя сонные глаза. Не мешай людям отдыхать.

Голохматов, казалось, никогда не уставал так сильно, как другие. И теперь, видя уставших, измотавшихся парней, решил продолжить шутку, чтобы взбодрить их.

— Ты вот что, Леха, не темни. Я же насквозь тебя вижу, — подмигнул Николай ребятам. — Это ты со мной не желаешь

разговаривать. А если бы вдруг на моем месте оказалась Машенька, а?

— Какая Машенька? — с интересом спросил Андреев.

— Ты что, забыл?.. Да та блондиночка, что в деревне Алексино живет.

Но продолжить розыгрыш не удалось.

— Отставить шум! — строго оборвал весельчаков Галушкин, подходя к ним. — Маркин, Келишев, Мокропуло! В разведку!

Отряд разошелся по отделениям, приступил к устройству лагеря. Выбирали посуше места для шалашей. Тащили жерди, ветки елей и сосен, кору деревьев, хворост, заготавливали дрова.

Радист отряда Валентин Ковров распаковал свою „Белку-1“. Дежурный по лагерю помог ему подвесить антенну на ветви деревьев. Надев наушники, Ковров настроился на нужную волну и передал в Москву:

„Товарищу Андрею. Прибыли на основную базу благополучно. Ведем разведку района расположения отряда и объектов противника. Завтра приступаем к выполнению задания“.

В этой же радиограмме он передал и координаты вражеского военного аэродрома, на который мы случайно наткнулись в пути. Может, наши летчики, думали мы, при случае сбросят пару бомбочек.

Было 5 апреля 1942 года.

Кончалась восьмая ночь нашего перехода от линии фронта. За спиной остались девяносто километров пути. Эти километры мы считали напрямик по карте, а сколько прошагали в обход, проползли? Но как там ни мерь, а мы были на своей „основной базе“, и это нас ободряло.

Теперь за работу!

Наш лагерь расположился в 15–20 километрах юго-восточнее местечка Бабиновичи, недалеко от станции Красное, что на железнодорожной магистрали Смоленск — Орша.

Шалаши, сооруженные нами, кое-как спасали от мокрого снега, дождя. Тепла же от костров было чуть. Сидя в своих промозглых жилищах, мы не раз вспоминали подмосковную землю, где можно было построить сухую и теплую землянку.

На „железку“ пока еще не ходили. Мы понимали, что первая же случайная встреча с немцами расшифрует нас как воинское подразделение. А это немедленно вызовет усиление охраны объектов, активизацию карательных действий против партизан. Поэтому решили прежде разведать как следует подходы к железной дороге, доставить в лагерь оставленные в лесу мины и ВВ.

Перед заходом солнца седьмого апреля 1942 года Владимир

Крылов, Иван Мокропуло, Георгий Иванов, Михаил Лобов, Николай Ананьев, студент института физкультуры Владимир Кунин под командованием Бориса Галушкина построились перед штабным шалашом. Задача у них была ясная и сложная: как можно быстрее доставить груз взрывчатки, оставленный в пути, и добыть в окрестных деревнях продовольствие, в котором мы уже остро нуждались.

— Товарищ Крылов, вы единственный коммунист в группе. Учитывая важность и сложность похода, назначаю вас комиссаром отряда. Надеемся, что задание вами будет выполнено. Берегите людей, — сказал я на прощанье.

И группа ушла…

Первые столкновения

Отправив отряд Галушкина за ВВ, минами и продовольствием, мы собрали бойцов, ознакомили их с планом работы, каким он был задуман в Москве. Напомнили о методах и средствах нашей деятельности, как это мыслилось еще дома. И сообщили, что план этот нами уже нарушен, поскольку до установки десяти МЗД на „железке“ мы не должны были появляться на глаза даже местным жителям, а теперь Галушкин вынужден пойти на контакт с ними.

— План не догма, — заметил командир отделения Сергей Корнилов (мастер спорта, чемпион Москвы по фехтованию и штыковому бою, за первый поход награжден орденом Красного Знамени), — главное — успешное выполнение боевых задач.

— Это так, — отозвался Бажанов, — поэтому будем действовать, исходя из местных условий, стараясь быть максимально осторожными.

И на совещании решили не ждать возвращения группы Галушкина, а начать активную работу. Ведь, кроме оставленного по пути тола и мин, у нас было еще несколько сот килограммов ВВ, МЗД, противопехотные мины и вся подрывная техника.

Вечером в тот же день Голохматов, Келишев и Секачев ушли на рекогносцировку. Они должны были разведать подходы к железнодорожной магистрали, установить интенсивность движения поездов и автотранспорта по шоссе, идущему параллельно с „железкой“, изучить силу и режим охраны этих объектов.

Разведчики возвратились утром, промокшие до нитки: дождь лил не переставая. Оказалось, что движение поездов не прекращалось всю ночь. С интенсивностью примерно по два эшелона в час. По шоссе за ночь прошло всего четыре грузовика и две легковые автомашины. Стараясь установить наличие охраны и ее систему, разведчики прошли вдоль линии с километр. Однако никакой охраны не обнаружили. Это нас обрадовало, но и удивило. Как-то не верилось, что немцы настолько беспечны.

Мы знали, что где-то недалеко должен действовать отряд второго полка ОМСБОН под командованием лейтенанта Озмителя. Но, видимо, никаких боевых акций отряд Озмителя еще не предпринимал, иначе охрана на „железке“ была бы…

— Вот это законспирировались! — хохотнул кто-то из ребят.

— У них совсем другая задача, — строго оборвал Бажанов. — И вообще, нечего болтать, если не в курсе дела.

А я вспомнил, что еще в Москве нам говорили, что с отрядом

Озмителя радиосвязь потеряна, а почему — неизвестно.

Парни притихли, а Моргунов предположил:

— Наша разведка могла и не заметить охрану. Вдруг она скрыта? Замаскирована?

— Верно, Алексей, — согласился Василий Широков. — Может, у них там специальные наблюдательные гнезда устроены, щели вырыты или еще чего-нибудь. Они же, сволочи, хитрые.

— Конечно, — уже спокойнее заметил Бажанов. — Вот обоснуемся тут, наладим работу, а потом начнем Озмителя искать. А сейчас решим вопрос первой операции.

Вечером на второй день (восьмого апреля) на линию послали четыре боевые группы, по три человека в каждой с заданием установить по одной МЗД. Это были мощные мины последнего образца с зарядом по десять килограммов тола.

Каждой боевой группе выделили определенный участок на железнодорожной магистрали. Расстояние между группами меньше километра.

Примерно через час-полтора со стороны железной дороги вдруг долетели приглушенные звуки стрельбы.

Пальба длилась всего пять-шесть минут. Мы не знали причины, но понимали, что просто так наши стрелять не будут. Через полчаса опять затрещало, забухало, но уже в другом направлении. И снова томительная пауза.

По лагерю дежурил Николай Голохматов. После первых же выстрелов он появился около нашего с Бажановым шалаша.

— Чего маешься? — спросил Бажанов.

— Да ведь два раза прошли туда-обратно. И никого, ни души, а сейчас вон пальба…

— Успокойся. Иди. Неси службу, — строго сказал командир отряда.

— Есть нести службу!

Дежурный ушел сутулясь. Он тяжело переживал случившееся. Но все понимали: разведка не виновата; возможно, охранение пришло сегодня. Случай, который не запрограммируешь.

Рано утром в лагерь возвратились три боевые группы. Две из них установили на „железке“ по МЗД. Сергей Корнилов, возглавлявший третью группу, доложил, что они напоролись на вражеский патруль, были обстреляны. Сами не отвечали: ушли в противоположную сторону от базы, чтобы запутать следы. Мину установить не успели. От преследователей оторвались, войдя в болото.

Четвертая боевая группа появилась в лагере только к двенадцати часам дня. Тоже напоролись на патруль, вернее, патруль наткнулся на них, когда они были заняты работой:

копали яму для МЗД. Ребята не удержались, ответили огнем (что было категорически запрещено). В суматохе скоротечного боя не заметили, как на месте работы оставили плащ-палатку, на которую ссыпали землю, ломик и саперную лопатку. Все эти предметы снаряжения были, конечно, военного образца и совсем новые.

— Вот тебе и „скрытно“, — сказал гневно Бажанов, когда четвертая группа ушла на отдых.

Я расстроился не меньше его. „И надо же было случиться такой беде! Не сдержались парни. Хотя это понять можно… А приказ? А методы нашей работы?!“ Я посмотрел на Михаила. Он зло крутил козью ножку, махорка с кусочка бумаги сыпалась на колени.

— Успокойся, Миша, — сказал я, — что ж теперь поделаешь. Главное живыми вернулись и мину не бросили.

Он вскинул голову, прищурился.

— А лопатка, ломик, плащ-палатка?! Это же визитная карточка воинского подразделения! Фрицы сразу догадаются, что в этот район прибыла часть Красной Армии. И так усилят охрану „железки“, что к ней и не сунешься! А то и карателей в лес пошлют!

Что тут возразишь! Бажанов был прав. И спорить не о чем. Но надо было думать, как лучше и безопаснее продолжить работу, как выполнить боевую задачу, которую с нас никто не снимал.

За продуктами

Весна эта была на редкость мокрой, сырой. Девятого апреля опять шел дождь. Иногда его разбавлял сырой снег. Он скапливался на ветвях, комьями валился на землю.

Парные дозоры мы вынесли подальше от шалашей. Патрули ходили вокруг стоянки, чутко прислушиваясь к каждому подозрительному звуку. В местах, где можно было незаметно пройти к нашей базе, установили противопехотные мины. Свободные от дежурства люди грелись в шалашах у небольших костров из тонких еловых веток, которые горят почти без дыма. Нас беспокоили следы, оставленные на мокрой земле боевыми группами. Возможно, стоило уйти подальше, в глубь лесного массива, однако сделать это мы не могли, поскольку не возвратилась группа Галушкина.

На десятое апреля в отряде оставалось немного сухарей, несколько бульонных кубиков да небольшой НЗ из галет. Люди отощали, стали быстро уставать, ходили медленно. Нужно было срочно добывать продовольствие. Прошло двое суток, а Галушкин все не возвращался. Что делать?

„Там у вас не будет службы боепитания и каптенармуса, — вспомнил я слова военкома полка. — Придется решать все самим. За все отвечать только самим“.

— Ну, комиссар, что скажешь? — вывел меня из размышлений голос Бажанова.

Наши взгляды встретились.

— За продуктами идти надо, командир, — сказал я. — Так тебя понял?..

Бажанов энергично тряхнул головой.

— Дежурный!

— Слушаю, товарищ старший лейтенант!

— Голохматова ко мне!

— Есть!

— Присаживайся, — сказал Бажанов пришедшему Николаю. — Как думаешь, куда лучше пойти за продовольствием?

Николай, недолго думая, ткнул пальцем в едва видимый на карте кружочек — населенный пункт.

— Да вот сюда!

— А почему туда, а не еще куда?

— Как почему?.. Деревня Щеки стоит в лесу. А фрицы не очень-то леса любят. Поэтому люди в такой деревне живут спокойнее и едят сытнее.

— Логично. Бери троих ребят и отправляйтесь. А сколько

туда километров?

Николай склонился над картой, зашевелил губами.

— Та-а-ак. Если по прямой, то не меньше тринадцати. Дорога сначала лесом, потом просекой.

— К утру обернетесь? Как думаешь? — прервал его командир.

— Хлеб путника несет, а не наоборот, товарищ командир, — ответил Голохматов и засмеялся. — Постараемся обернуться.

Баженов тоже улыбнулся.

— Хорошо… Сводку последнюю о положении на фронтах знаешь? Голохматов кивнул утвердительно. — Обязательно расскажите людям все, что знаете о положении на Большой земле… Да себя в порядок приведите, чтоб за бандитов вас не приняли. Вид у вас не очень-то… О месте дислокации отряда ни слова, ясно?

— Ну! Само собой.

— При встрече с врагом в драку не вступать. Стараться исчезнуть тихо. Без продуктов не возвращаться… Расспросите жителей о местных партизанах: есть ли они тут и где? Может, что слышали о наших?

„Вот и еще четверо ушли из отряда, — невольно подумал я. — Где же группа Галушкина? Удастся ли ему с грузом добраться до лагеря по такой распутице?“…

Было уже около десяти утра, когда по лагерю разнесся радостный крик:

— Идут! Иду-у-ут! — кричал с просеки дозорный, забыв об осторожности.

„Кто идет? Галушкин или Голохматов?“ — подумал я…

Это был Голохматов. Вот они показались между деревьями, обвешанные вещевыми мешками, узлами и узелками. В руках несли бидон, в каких возят молоко. Бойцы рассказали, как в крайнем доме деревни Щеки их встретили сначала подозрительно и отчужденно. Не поверили, что свои. Тогда ребята рассказали, о Большой земле, передали последнюю сводку Совинформбюро. Только после этого хозяева смягчились. Накормили. Сказали, что староста у них в деревне хоть еще и не открытый враг, но довольно сволочная личность. Две дочери хозяев сходили куда-то. Принесли картошки и другие продукты.

Хозяева, приветившие ребят, рассказали, что в лесу, ближе к железнодорожной станции Красное, в прошлом году находился небольшой партизанский отряд из местных. Говорят, они даже поезд германский подорвали. Из сваленных тогда цистерн пролилось много керосину. Кое-кто из деревни ходил к месту крушения и скрытно от германцев собирал тот керосин из выемок. Но где тот отряд сейчас, ничего не знают.

Слышали и про других партизан, что на лыжах ходят. Жители называют их „шубниками“. Но и про них крестьяне тоже ничего конкретного сказать не могли.

(После мы узнали, что „шубниками“ местные жители окрестили людей из отряда лейтенанта Озмителя и нас.)

Теперь, запасшись продуктами, мы решили активизировать установку мин на железной дороге.

На боевое задание вышли три группы.

Ночью мы услышали гул мощного взрыва. Он долетел со стороны железнодорожной магистрали, куда ушли боевые группы. Гулкое эхо долго катилось над лесом, постепенно затихая вдали. Нет, так резко мины, зарытые в грунт, не рвутся, что-то другое…

Подошел Бажанов. Ребята окружили нас. Все молча всматривались в ту сторону, откуда только что донесся страшный грохот.

Именно так взрывается мощный открытый заряд. Десятки раз приходилось нам производить похожие взрывы под Москвой. „Да. Раньше времени сработала одна из наших МЗД“, — подумал я про себя.

— Та-а-ак, — неопределенно протянул Бажанов. — А вы почему не спите? повернулся он к бойцам. — Завтра будет трудный день. Всем спать!

На завтра мы планировали установить на „железке“ все оставшиеся МЗД, а их было еще пять штук.

Люди молча разошлись по шалашам.

Мы с Баженовым присели у шалаша. Радист рядом колдовал над своей „Белкой-1“.

— Ковров, — окликнул его Бажанов. — Завтра постарайся подробно записать сводки Совинформбюро. Будем размножать и распространять их среди населения. Как рация, в порядке?

Ковров утвердительно кивнул.

— Только проходимость волн стала хуже. Большая влажность. Придется антенну поднимать выше.

— А кто тебе мешает?.. Если самому трудно, проси ребят.

— Я так и делаю.

Обо всем этом Бажанов завел сейчас разговор только для того, чтобы не молчать. Тяжелые предчувствия; давили камнем.

Первая потеря

Светало. Облака стали реже. Кое-где в появившихся оконцах мерцали мелкие звезды.

— Стой! Кто идет?! Пароль? — донеслось со стороны просеки.

В предрассветных сумерках показались фигуры трех лыжников. Подойдя к штабному шалашу, они положили на землю две лыжи, закопченные обрывки от плащпалатки, устало оперлись на палки, опустили головы и замерли.

— Что случилось? Где ваш командир? — кинулись мы к ним.

Это были Павел Маркин, абхазец Хаз-Булат Мамацев и Петр Горошко. На голове Петра белела марлевая повязка. Ушанку он держал в руках. Маркин, скрипнув зубами, кивнул на принесенные вещи и глухо сказал:

— Командир погиб… На мине подорвался.

…Место для установки мины ребята выбрали на изгибе дороги. Яму копали двое: один долбил ломиком мерзлый грунт, а второй руками выбирал его и ссыпал на плащ-палатку. Остальные вели наблюдение. Когда яма была готова, в нее осторожно поместили МЗД. Командир отделения Корнилов остался один, чтобы докончить работу.

Вскоре издали донесся свист паровоза. Ребята просигналили Корнилову об опасности. Но командир, приказав им отойти еще дальше, задержался у мины.

Неожиданно сильный взрыв заглушил все звуки вокруг. Паровоз тревожно загудел и на скорости проскочил опасный участок…

Ребята бросились к командиру. Но нашли лишь клочья плащ-палатки.

Вторая боевая группа под началом Виктора Правдина возвратилась в лагерь перед самым рассветом. Сегодня их опять обнаружил и обстрелял немецкий патруль. Мину не установили снова.

Не очень-то нам везло поначалу.

Третья группа, Николая Голохматова, а с ним Иван Келишев, Саша Назаров и Андрей Сосульников, ушла на двое суток. Но в назначенный день Голохматов не вернулся. Не было все еще и группы Галушкина.

…Одиннадцатого апреля утром к месту гибели Сергея Корнилова подошла крытая автодрезина с двумяплатформами, нагруженными рельсами, шпалами и другими строительными материалами. На платформах сидели солдаты и рабочие.

Осмотрев место взрыва, ремонтники приступили к восстановлению дороги. Солдаты внимательно, метр за метром, изучали полотно железной дороги. Наши разведчики Моргунов и Домашнев, скрываясь в лесу, следили за ними следовали параллельно дороге. Они видели, как немцы остановились у места, где девятого апреля группа Моргунова установила первую мину. Посоветовавшись, солдаты принялись осторожно снимать балласт, видимо, решив узнать, что находится в яме.

И тут сильный взрыв швырнул к небу тучу камней и песка, разметал фрицев. Затемнела широкая воронка.

В тот же день, к обеду, вражеские саперы обнаружили и вторую МЗД. Обезвреживать ее сами не стали, а пригнали к ней двух оборванных мужиков, похоже, военнопленных. Результат был тот же…

— Иван, кто они, как думаешь? Наши или иностранцы? — глухо спросил о погибших Моргунов.

Домашнев глубоко вздохнул, не отводя взора от полотна, над которым еще висело черное, медленно расплывавшееся облако от взорвавшегося тола, гневно ответил:

— А какая разница? Надо отомстить фрицам!..

Быстро темнело. Низкие тучи сеяли густую изморось.

Разведчики осторожно подползли к самой „железке“. Силуэты патрульных четко виднелись, словно нарисованные тушью. Терпеливо подождали, пока не сошлись вместе две пары фашистов. Дружно ударили длинными очередями и тут же юркнули в водосливную канаву, что проходила под насыпью и уводила в лес. Охранники с других участков открыли бешеную пальбу. Но наши ребята ушли, не ввязываясь в перестрелку.

Трагическая гибель Сергея Корнилова взбудоражила наш лагерь. Горячо обсуждали случившееся.

Вскоре я пригласил в командирский шалаш Павла Маркина. Он был сильно потрясен. Войдя в шалаш, Маркин доложил и опустил голову.

— Располагайся, Павел Васильевич.

Маркин присел на чурбак, протянул руки к огню.

— Закуривай, — протянул я ему банку из-под противоипритных тампонов, в которой хранил махорку. Я не заводил разговора, ждал, когда парень придет в себя.

Скрутив цигарку и закурив, Павел заговорил сам:

— Я думаю о том, что случилось, товарищ комиссар… Тут виноват какой-то дефект в мине.

— А может, неосторожность Корнилова?

Он покрутил головой отрицательно, глубоко вздохнул.

— Нет, Сергей был грамотным минером, — помолчал, жадно

затягиваясь дымом. — Когда шли на задание, он вспоминал Москву, семью, сына… Будто чувствовал… Ребята очень переживают. Особенно Мамацев и Горошко…

— А как у Горошко рана?

— Рана легкая. Фельдшер осматривал. Осколком от рельса, наверное, кожу рассекло. Кость не задело, — сказал Маркин и, помолчав немного, добавил: Я все же думаю, что в мине был дефект.

— Навряд ли, Павел. Эти мины делаются вручную. Проходят строгий контроль. Тщательно испытываются. Так что дефект, по-моему, исключен. Может быть, в нее попала влага? Ведь сколько дней мы тащили МЗД под снегом, дождем. Достаточно одной капли воды попасть в систему электровзрывателя, вот и ненужный контакт.

— На-ка вот, Паша, хлебни горяченького, — протянул Маркину кружку с дымящимся хвойным чаем Иван Рогожин. — Вергун утверждает, что отвар хвои успокаивает нервы и силы прибавляет. Я уже испытал на себе.

Маркин взял кружку, отхлебнул.

— Ух! Горячий. Спасибо… Меньше года прошло с начала войны, а как все изменилось. Особенно люди. Я это хорошо чувствую по себе и по ребятам.

— Вот мне и хотелось поговорить с тобой, Паша. Об осторожности в работе — это для нас главное.

Возвращение

Кончалась ночь на 14 апреля 1942 года. Мы с Баженовым подводили итоги работы отряда. Итоги были таковы: установили, что по железной дороге Смоленск — Орша ежесуточно (в обе стороны) проходят 20–24 поезда. Магистраль охраняется патрулями, по три пары на каждый ее километр. Движение автотранспорта по шоссе круглосуточное. На „железке“ заложено 10 мин. Из них восемь МЗД и две МНД (мина нажимного действия с дистанционным замыкателем). Последние две МЗД унесла группа Голохматова. Если она их установит, то основная диверсионная задача отряда будет выполнена.

Завтра будет неделя, как семь человек ушли за ВВ и продовольствием и еще не вернулись. Четвертые сутки отсутствует группа Голохматова. Взятое с собой продовольствие кончилось еще 8 апреля. Доедаем НЗ и картошку из деревни Щеки. Собираем семена сосны. Кое-кто жует березовые почки. Пьем хвойный отвар.

— Да-а-а, ситуация, — вздохнул Бажанов. — Если и завтра люди не придут, будем докладывать домой и о выполнении задания, и о потерях.

— А может, не стоит торопиться? — предложил я. — Подождем еще два-три дня. В такую распутицу не очень-то разбежишься в здешнем лесу. Я уверен, что непогода задержала ребят.

Бажанов ничего не ответил, смотрел на слабый огонь костра. Молчал и я. Мы хорошо понимали, в какой сложной ситуации оказался отряд. И что надо срочно что-то предпринимать.

Пауза затянулась.

В шалаш быстро вошел дежурный по лагерю Алексей Моргунов, Худое лицо его освещала радостная улыбка.

— Товарищ командир отряда, разрешите доложить! Бажанов поднял голову, внимательно посмотрел на дежурного.

— Что случилось?

Командира озадачило не ко времени веселое настроение парня.

— Голохматов вернулся.

— Да ну-у?! — Бажанов вскочил с чурбака. И, не веря еще в благополучное возвращение боевой группы, спросил:

— Как у них дела?

Моргунов снова улыбнулся, поднял большой палец.

— Говорят, что все в полном порядке.

— Ффу-у-у! — шумно и облегченно выдохнул Бажанов и тут

же приказал:

— Давай их сюда!

Дежурный высунулся наружу, крикнул:

— Эй, Николай, к командиру отряда! Быстро!

Войдя в шалаш, разведчики уселись на свежую подстилку из хвойных ветвей. Видно было, как они устали. Фельдшер пристал к ним с вопросами: „Ранения? Потертости ног?“

Голохматов глянул на него с улыбкой, махнул рукой.

— Да ладно, доктор… Видишь, пришли?.. Значит, все в норме.

Иван Рогожин поставил перед ребятами ведро с горячим хвойным отваром, подал кружки, предложил:

— Грейтесь!

Бажанов не стал мучить их вопросами. Главное — живы-здоровы и задание выполнили.

— Молодцы! Идите отдыхать. Завтра поговорим о подробностях.

Поблагодарив Рогожина за „чай“, ребята ушли. Проводив их, Бажанов снова посуровел:

— А вот где же Галушкин? Скажи, комиссар? Что с ними? Надо идти на поиски!

До рассвета оставалось около двух часов. От бессонных ночей в голове стоял звон, виски ломило, я вышел на воздух и увидел, что лагерь не спит, ходят туда-сюда люди. Все толклись недалеко от шалаша Голохматова. Дежурный говорил им что-то строго, даже ругался:

— Чего бродите? Лунатики! Марш по шалашам, а то вместо себя дежурить заставлю!

Ребята смеялись, шутили. Чувствовалось, что благополучное возвращение товарищей, которых многие считали погибшими, добавило всем сил.

Враги

Не успел я уснуть, как услышал громкий голос: — Товарищ старший лейтенант! Товарищ комиссар, вставайте!

Я открыл глаза, Бажанов уже сидел на своей постели из еловых веток. Клацнула, открываясь, защелка деревянной коробки его маузера.

— Почему тревога? Что случилось, дежурный?!

— Гости у нас!

— Какие гости?! — спросил командир уже спокойнее.

— Свои. Омсбоновцы. Трое их. Из второго полка. Командиром у них лейтенант Озмитель.

— Комиссар, слышал? — сказал Бажанов радостно.

Мы вышли из шалаша. Гостей окружала толпа. Слышался смех, радостные восклицания:

— О-о, кого я вижу?! Леха-а-а! Привет!

— Иван? И ты здесь?

Многие наши люди были знакомы с пришедшими. И еще все мы радовались тому, что наконец встретились с отрядом, о котором в Центре ничего не знали. Москва не имела связи с ними больше месяца.

Бажанов с гостями и тремя нашими автоматчиками немедленно отправился в отряд Озмителя.

Часам к двенадцати командир отряда с бойцами вернулись. Принесли два оклунка зерна и часть кабаньей туши. „Повара“ тут же начали разделывать мясо. Вокруг них собрался народ, глотал слюни.

Бажанов рассказал, что Озмитель потерял радиста, поэтому-то и прекратилась их связь с Центром. И еще новость: рядом с ними стоит местный партизанский отряд. Боевые действия отряд начал с осени 1941 года. Связи с Большой землей местные товарищи не имели и не имеют. На зиму они забрались в страшную глухомань. И вышли оттуда, когда встретились с отрядом Озмителя.

Партизаны за это время пустили под откос воинский эшелон противника. В двух местах подорвали шоссе Москва — Минск. Уничтожили телефонную и телеграфную связь. Ликвидировали десятки гитлеровцев. В постоянном страхе держали предателей народа. Лес стал для нас ближе и безопаснее.

Повеселевшие ребята развесили над костром котелки, набитые снегом, готовились к сытному обеду…

Вдруг грянул недалекий выстрел. Затарахтела автоматная очередь, вторая. Ударил пулемет. Спустя несколько секунд мы

услышали:

— Германцы!. Товарищ командир, германцы!

— В ружье!.. К бою!

Не прошло и полминуты, как омсбоновцы разбежались по заранее расписанным местам. Появился тридцатидвухлетний боксер Владимир Лазовский, находившийся в дозоре. Тяжело дыша, доложил, что по просеке, со стороны деревни Кисели, приближается большая группа немцев. Дозорный заметил их метрах в двухстах от себя, выстрелил. Увидев Лазовского, фашисты открыли беглый огонь.

Моргунов с отделением кинулся к левой просеке, Голохматов — к правой. Торопливо тараторили вражеские автоматы. Между деревьями уже мелькали фигуры немцев. Мы дружно ударили из всего оружия, уверенно зататакал наш „дегтярь“. Многоголосое эхо катилось лесом.

Если мы были предупреждены дозорным о появлении противника, то немцы, увидев одного убегающего от них человека, не предполагали, конечно, что в лесу находится хорошо вооруженный отряд. Наш дружный огонь так подействовал на оккупантов, что стрельба их стала беспорядочной, а вскоре и вовсе прекратилась. Не успели мы развернуться для ответного организованного удара, как немцев след простыл.

На истоптанном снегу было много пятен свежей крови. Валялся ствол от ручного пулемета. Порожний магазин от него.

Какие потери понес противник, мы не знали. У нас был ранен Виктор Правдин. Автоматная пуля прошила ему правое плечо и застряла где-то под лопаткой.

Преследовать отступающих немцев не было смысла и не входило в наши планы. Надо было думать о том, как побыстрее сменить место стоянки. И так, чтобы не оставить следов.

Необдуманное поведение немцев подтверждало то, что они ничего не знали о пребывании советского отряда в этом квадрате леса. Но теперь-то фашисты примут срочные и решительные меры, чтобы уничтожить нас. Надо было немедленно уходить.

К счастью, на лес неожиданно наползла сырая хмарь. Стало серо, как в ранние сумерки, затем пошел снег.

Снегопад не раз выручал нас и раньше, засыпая следы. Сегодня мы были вдвойне рады ему, как неожиданной встрече с верным другом. Он помог нам выйти из затруднительного положения. У ребят поднялось настроение.

Срочно свернули хозяйство лагеря. Распределили между носильщиками снаряжение и боеприпасы. Каждому досталась довольно-таки увесистая ноша: ведь волокуш у нас уже не было. Оставили „маяк“ для наблюдения за противником и возможной

встречи группы Галушкина.

Лагерь покинули в 16.00. Отряд вытянулся в колонну по одному. Я шел первым, Бажанов замыкал шествие. Хотя снег продолжал идти и маскировал наши следы, мы решили не рисковать и вошли в первый встречный поток талой воды. Глубина была не выше колена. Шагали не поднимая ног, чтобы меньше производить шума, изредка останавливались. Вокруг была глухая тишина. На берегах потока ни единого следа. Только девственная белизна свежевыпавшего снега. Петляя, поток то выходил из леса на поляну, то снова возвращался под сень заснеженных деревьев. Он привел нас в старый сосновый бор, дремавший над обрывом. Здесь и решили остановиться.

Соорудили шалаши. Развели в шалашах небольшие костерки. В такую непогоду фашистские стервятники вряд ли что рассмотрят. В отряд Озмителя послали связных и предупредили их о карателях…

Стремясь не раскрыть место дислокации нового лагеря, решили выходить и возвращаться в него только по дну потока.

Бой на Березине

Поздно вечером этого же дня „маяк“, оставленный нами в старом лагере, привел на новую базу Бориса Галушкина, Ивана Мокропуло, Георгия Иванова и Николая Ананьева. От усталости и голода ребята едва держались на ногах. Галушкин рассказал о том, что с ними произошло.

К месту, где отряд оставил часть груза, они подошли вечером 8 апреля. Ночью зашли в деревню Могильня. В ближайшем к лесу доме долго не откликались на стук. Ребята уже собрались уходить от неприветливого дома, но вдруг дверь отворилась и на пороге показался толстый бородатый мужик (оказалось, староста!). Он долго „не понимал“, что от него хотят. Пошли по деревне. Жители охотно отдавали все, чем богаты. Затем запрягли шесть саней, потому что на волокушах в такую распутицу доставить груз в отряд было невозможно. Ребята горячо поблагодарили жителей за помощь.

В обратный путь группа двинулась только во втором часу ночи 9 апреля. До рассвета прошли лишь около четырех километров. Утро застигло омсбоновцев в открытом поле. День отсиделись в просторном овине. В ночь на 10 апреля отправились дальше. Часа в три ночи подошли к Березине. Перебраться по-пластунски, используя наш опыт, не удалось — льда на реке уже не было. Вместо моста торчали обгоревшие концы свай. Решили переправиться против деревни Протасово на плоту. Разобрали бревенчатый сарай, стоявший на берегу. К семи утра плот был готов. Галушкин поручил Крылову и Лобову опробовать его.

В этот момент и раздались выстрелы. „Предательство!.. Это староста!“ с горечью подумал Борис и приказал:

— Груз в реку!.. Быстро!

Галушкин оказался прав. Позднее удалось установить, что их предал староста деревни Могильня. Верхом на лошади он добрался до города Рудня и предупредил оккупантов.

Укрывшись за скатом высокого берега, часть ребят принялась разгружать подводы и сбрасывать груз в воду. Их прикрывали огнем из автоматов Иванов и Мокропуло. Крылов и Лобов добрались на плоту до противоположного берега, залегли и тут же вступили в перестрелку. Омсбоновцы благополучно форсировали Березину. Тем временем фашисты приблизились почти к самому берегу и открыли интенсивный огонь. Лобов был убит. Крылов ранен. Он медленно, волоча ногу, полз к основной группе омсбоновцев.

Стреляя по фашистам, Галушкин успел заметить, что Володя

Крылов вдруг сел, размахнулся… Взрыв! Крылов бросил вторую гранату. Снова взрыв! Дальше ползти Крылов, видимо, уже не мог. Он сидел, неловко склонившись на бок, бил в немцев короткими очередями из автомата. Фашисты отхлынули и двинулись в обход.

— Борис!.. Они вас обходят!.. — закричал Крылов.

Пулей наповал сразило Купина. Четверо оставшихся в живых партизан залегли в перелеске и открыли огонь по врагам, надеясь, что Крылов доползет до них. Новее реже и реже слышались выстрелы его автомата, а вскоре он замолчал совсем.

Шесть долгих часов отбивались от наседавших врагов, вели огонь одиночными выстрелами, экономя патроны, и только по видимым целям. Каратели пытались отрезать наших от леса, но всякий раз четверка омсбоновцев заставляла врагов отступить. Опустившаяся на землю сырая ночь помогла галушкинцам наконец оторваться от противника. Борис еще двое суток водил ребят по лесу, запутывая следы, все дальше отрываясь от преследователей…

Прежде чем информировать Москву обо всем, что произошло, мы решили провести открытое партийно-комсомольское собрание, на котором обсудить вопрос „О дальнейшей боевой работе отряда“.

…С раннего утра ребята приводили себя в порядок: мылись, брились, чистили оружие, латали одежду, О чем-то тихо переговаривались. После завтрака собрались под навесом. Курили, разговаривали, спорили. Но не слышалось обычных шуток, веселого смеха. Все были серьезны, думали о погибших товарищах. У костра сидели Борис Галушкин, Иван Мокропуло, Георгий Иванов, Николай Ананьев — четверка, что вела неравный бой на Березине. Видя их, я невольно представил рядом с ними погибших. Володю Крылова. Лукавые глаза его щурились от дыма. Обветренные губы кривились в хитрой усмешке. Он смотрел на Бориса. Слышал назидательный голос Миши Лобова, поучавший меня, как лучше устоять на лыжах за его спиной. Володя Кунин тянул руки к пламени, хмурил светлые брови, с интересом слушал горячий спор товарищей…

Началось собрание.

Первым слово взял Бажанов. Он внимательно осмотрел собравшихся, приветливо кивнул. Остановил взгляд на четверке.

— Вот, товарищи, мы и собрались наконец все вместе! — сказал командир отряда. И добавил осевшим голосом: — Кроме тех, кто не вернулся с боевых заданий… Почтим их память минутой молчания. — Все встали, сняли головные уборы, опустили головы… — Садитесь… Мы не забудем их. Лучшей

памятью о погибших товарищах будет успешная боевая деятельность отряда!.. Теперь о дальнейшей работе. Я считаю, что сделано нами уже немало. Но как будет дальше, не знаю. Обстановка резко изменилась: о нашем приходе сюда стало известно противнику. Кто же в этом виноват? Конечно, сыграли здесь свою роль объективные причины, но с нас вины никто не снимает. Как бы то ни было, а работать нам после этого станет гораздо труднее и опаснее. Тем не менее мы будем бить оккупантов, уничтожать их боевую технику всеми имеющимися у нас средствами! Для этого объединим наши усилия, мобилизуем возможности. Необходимо также повысить бдительность при встречах с местным населением, среди которого могут оказаться скрытые наши враги — агенты гестаповцев.

Бажанов сел на бревно, лежавшее у костра, достал кисет. Руки его подрагивали: тяжело переживал командир отряда новые потери.

— Конечно, и сами виноваты.

— Надо не забывать, где находимся и с кем разговариваем.

— Большинство из нас второй раз в глубоком тылу врага, а ведем себя иногда словно в студенческом общежитии.

— Точно. Чего уж там! — слышались осуждающие голоса.

Все были согласны с тем, о чем говорил командир отряда.

Затем слово попросил Галушкин. Он встал, снял шапку, оглядел собрание.

— Товарищи! — начал замкомандира отряда. — Ребята, вы давно и хорошо знаете меня. Не раз мы были вместе на боевых заданиях. Я заверяю вас: мы сделали все, что было в наших силах, что зависело от нас… На нашем пути попался один из тех иуд, о которых говорил командир отряда.

Я обещаю все силы, которые есть еще во мне, всю ненависть к немецко-фашистский захватчикам, которая сжимает мое сердце и бурлит в моей крови, целиком отдать на то, чтобы отомстить за погибших товарищей! Чтобы приблизить день нашей победы над гитлеризмом! Чтобы на советской земле не осталось ни одного немецко-фашистского захватчика. — Он помолчал немного, глубоко вздохнул. — Товарищи, я прошу собрание принять меня в партию!.. Хочу продолжать борьбу с оккупантами коммунистом!

Выступление заместителя командира отряда всколыхнуло ребят. Они давали обещание сражаться с гитлеровцами, не щадя ни сил, ни жизни!

Комсомолец Иван Рогожин попросил принять его в ряды большевистской партии. Следом за ним так же поступили Иван Домашнев, Алексей Моргунов, Богдан Дубенский и другие омсбоновцы…

После собрания на Большую землю была отправлена радиограмма с отчетом о проделанной работе. Сообщили о встрече с отрядом лейтенанта Озмителя и с местными партизанами.

Информируя о фактическом положении своего отряда, мы просили командование оказать нам помощь боеприпасами, продовольствием. Высказали крепкую уверенность в своей готовности продолжать боевую работу.

16 апреля получили ответ из Москвы.

Центр просил передать координаты площадки, на которую они могли бы сбросить нам с самолета грузы, и указать наши сигналы. О времени вылета к нам самолета обещали сообщить дополнительно.

„Подарок“ фюреру

На вторую ночь пребывания в новом лагере четыре группы по три человека ушли на разведку в ближайшие деревни.

Группа Моргунова, побывавшая в деревне Шарино, узнала, что каратели после нападения на наш лагерь принесли одного убитого и одного тяжело раненного солдата. На нескольких немцах крестьяне видели марлевые повязки.

Жители деревень Ольша и Кисели рассказали разведчикам, что в бою с партизанами на переправе через Березину гитлеровцы потеряли семь человек убитыми и ранеными. Кроме того, были убиты пять полицейских.

Разведгруппы принесли картофель, зерно, а главное — соль, которая у нас уже кончилась. Этими продуктами надеялись прохарчиться несколько дней и подготовиться к новым диверсиям.

Ночью 18 апреля услышали грохот мощного взрыва. Засекли направление. Я проверил запись в блокноте. Оказалось, что в той стороне, в трех километрах восточнее деревни Шаховцы, стояла одна из наших МЗД.

— Так это же наша сработала! — сказал радостно Бажанов.

— Конечно, наша! — подтвердил я.

Послали разведку. Ждали ребят с нетерпением. Они долго не возвращались: таясь в камышах, разведчики наблюдали, как немцы тушили горящие, разбитые вагоны, подбирали раненых и уносили в санитарные автобусы.

„Ага! Получили, гады! Это вам за Сережу Корнилова, за Володю Крылова, за Мишу Лобова, за Володю Кунина!“ — шептали ребята, до крови кусая губы и с трудом сдерживаясь, чтобы не открыть огонь.

Подорвался эшелон противника с живой силой, следовавший в сторону Орши. В результате крушения было разбито двенадцать пассажирских вагонов. Убито и ранено много вражеских солдат и офицеров…

19 апреля радист Ковров принял радиограмму из Москвы, в которой нам предлагалось подготовить площадку, указать близлежащие населенные пункты, условные знаки, сигналы для самолета и удобное для нас время выброски.

А тем временем весна вступала в свои права. Снега в лесу уже почти не осталось. Его ноздреватые сугробы серели только в тех местах, куда не проникали лучи апрельского солнца. Почки на деревьях набухали. Солнце иногда припекало так сильно, что ребята снимали полушубки и ходили по лагерю в одних

гимнастерках. Тепло создавало хорошее настроение.

— Ох ты! Стой-ка, стой!.. Ребята, смотрите. Да это ж комарик! вскрикнул кто-то с радостным удивлением. — Надо же, ожил, разбойник!

— Погоди, не радуйся. Скоро этот „разбойник“ явится к нам во главе тучи! — отозвался Алексей Моргунов.

— Да-а-а, тут их, видать, будет больше, чем хотелось бы, — заметил Иван Домашнев, оглядываясь по сторонам. — Это ж такая зараза!..

После крушения большого воинского эшелона немцы усилили охрану железной дороги. Каждый километр, кроме трех парных патрулей, теперь охраняло еще человек десять полицаев. Они ходили по полотну, стучали палками по рельсам. Работать на „железке“ стало значительно сложнее и опаснее. Тем не менее мы решили преподнести фюреру очередной „подарок“. Правда, у нас уже был заготовлен один сюрприз: восточнее деревни Пекло установлена мина. А вдруг она откажет?.. Лучше уж сделать наверняка: активным методом и точно в нужный день.

На „железку“ послали группу. Минерам дали право самим решить этот вопрос, исходя из обстановки.

Вечер. Лес дымился легким туманом. Похолодало. Обычно теплые апрельские дни в тот год часто сменялись довольно прохладными вечерами, а ночью иногда даже прихватывал легкий морозец.

Мощный взрыв прогрохотал перед самым заходом солнца.

— Наша сработала?

— Точно. Она!

— Принимай подарок, герр фюрер! Мы нежадные! — радовались омсбоновцы и поздравляли Друг друга с успехом.

Мы были уверены, что сработала МЗД близ деревни Пекло. После узнали, что на мине подорвался груженый товарный поезд, шедший в сторону Смоленска. Пятнадцать вагонов.

День подходил к концу. Не успел Голохматов преподнести свой „подарок“! Стали беспокоиться о минерах.

— Не стоило посылать ребят, — сказал Бажанов хмуро, не глядя на меня и свертывая уже не первую козью ножку.

— Почему?

— Сработала же та мина, которая предназначалась в качестве „сувенира“. А теперь, после взрыва МЗД у деревни Пекло, зашевелится охрана по всей дороге. Боюсь, что нашим придется туговато.

— Николай не такой парень, чтобы сплоховать. Выкрутится, — сказал я уверенно, а сам вовсе не был ни в чем уверен. Война.

И тут издали донеслись едва слышимые хлопки беспорядочной стрельбы. А вскоре снова загрохотало и покатилось раскатисто над лесом. Я посмотрел на часы. Было 1.45. Мы переглянулись.

— До рассвета еще больше двух часов. Успеют добраться домой, если ничего страшного не случилось, — сказал Бажанов, тоже взглянув на свои часы — Знаешь, Алексей, не могу я привыкнуть к ожиданию. Пока не придут, места себе не нахожу.

Мы вышли из шалаша…

Стало уже светать, когда дозорный окликнул возвращавшихся минеров.

— Ну, как там? — опередил его Бажанов.

— Подарок вручен по назначению, товарищ старший лейтенант!

После мы узнали, что эшелон, подорвавшийся на петарде (петарду использовали как взрыватель), вез военную технику. В составе было и пять цистерн с горючим, цистерны загорелись и взорвались. На обеих колеях железной дороги выгорело много деревянных шпал.

Неудачная разведка

После встречи с местными партизанами мы стали активно использовать их хорошее знание местности — лучших проводников было не сыскать. Вот и сегодня договорились с ними вместе провести разведку железнодорожного моста через протоку, на перегоне Смоленск — Орша. И если удастся, то подорвать его.

Николай Голохматов, Иван Мокропуло, еще двое омсбоновцев и я вышли из лесного лагеря, когда солнце катилось к закату. На обусловленном месте к нам присоединились Мельников — комиссар отряда местных партизан — и два его бойца. Серп луны поднялся уже над лесом. Вскоре перед нами протянулось широкое Минское шоссе. Покрытое росой, оно блестело в лунном свете. По нему изредка проносились мотоциклы, шли легковые автомашины.

— Товарищ комиссар, вот бы махнуть! — горячо шепнул Николай Голохматов, провожая глазами легковушку, и хлопнул рукой по гранате, висевшей на поясе.

— Потерпи. Мост важнее.

Перейдя шоссе, огляделись. „Железка“ была метрах в пятидесяти от нас.

Голохматов и местный партизан, держа в руках длинные палки, двинулись к железной дороге. Их чавкающие шаги по болоту постепенно смолкли. Мы залегли в кустах, тихо переговаривались, терпеливо ждали возвращения разведчиков.

Вдруг сырую тишину ночи нарушили хлопки выстрелов. „Неужели напоролись?.. Операция сорвется!“ — холодом пробежали мурашки по спине.

— Что будем делать, комиссар? — тревожно спросил Мельников.

Я поднял руку.

— За мной. Пошли!

Быстро поползли вдоль полотна в сторону моста, куда ушли наши ребята. Ввязываться в перестрелку пока не было смысла: и себя обнаружишь раньше/времени, и своим не поможешь. А что с ними? Целы ли еще?

И тут донесся шум торопливых шагов.

— Идут! Наши! — облегченно выдохнул Мельников и условно свистнул.

Мы обрадовались благополучному возвращению ребят. Вот они подбежали к нам, легли рядом, тяжело дыша. Затем перекатились на спины, подняли ноги, вылили воду из сапог. Сели.

— Что случилось? Не ранены?

— Все в порядке. На охранника наткнулись: как из-под земли вылез. „Хальт!“ — кричит. Ну, я его палкой! Сами скатились с насыпи, кинулись в протоку, — сообщил Николай. — Там не мост. Две параллельно положенных поперек насыпи трубы диаметром выше моего роста.

— Странно. А на карте мост.

— Карта старая. За это время многое могло измениться.

Чтобы свалить металлическую ферму однопролетного моста, нам хватило бы 15–20 килограммов ВВ, которые мы имели с собой, а для разрушения двух железобетонных труб потребовалось бы несколько сот килограммов взрывчатки. Но откуда их взять?

Время перевалило за полночь. Возвращаться домой с пустыми руками не хотелось. Решили попытаться напасть на автотранспорт противника, только не на Минском шоссе, а на одной из проселочных дорог. Накрылись с Мельниковым плащ-палаткой. Включили карманный фонарь. Развернули карту-пятиверстку.

— Николаич, посмотри-ка повнимательнее и посоветуй, куда нам лучше направиться.

Осмотрев квадрат карты, в котором мы находились, он кашлянул, глянул на меня, потом уверенно указал пальцем на жирную извилистую линию.

— Вот, Иваныч, большак. Видишь, в него вливаются три проселка. Он пересекает район, где во времена строительства шоссе работало несколько песчаных карьеров. Места там давно залиты водой, заболотились.

— Понятно. Ну и что ты предлагаешь?

— По этому большаку они вывозят все награбленное. Гонят реквизированный скот. Уводят наших лошадей…

— Вот как? Идем туда!

Комиссар Мельников хорошо знал район песчаных карьеров. Он привел нас к месту, где большак круто огибал березовую рощицу.

Осмотрелись. Наметили два варианта нападения: первый, когда цель будет двигаться в сторону Минского шоссе. И второй, когда она уходит от шоссе. Справа и слева от засады выдвинули по одному человеку — дозоры. Ждали долго. К утру заметно похолодало. Туман рассеялся. Небо замигало звездами. Ребята жались друг к другу. Кутались в промокшие плащ-палатки, но все равно мерзли. Стуча зубами, тихо разговаривали.

Светлая полоска на востоке ширилась и становилась ярче. Ко мне подошел Иван Мокропуло, бывший в дозоре.

— Товарищ комиссар, похоже, идет автоколонна. Над лесом действительно переливался хорошо видимый свет. „Немцы движутся в сторону Минского шоссе“, — подумал я.

— Внимание! Приготовиться по первому варианту!

Шум моторов приближался. Лучи фар осветили неровную поверхность большака. Заблестели лужи. Проникая сквозь кусты, свет ударил нам в глаза. Впереди колонны бронетранспортер. Над ним торчал ствол крупнокалиберного пулемета. В кузове темнели фигуры солдат. Следом шли шесть огромных грузовиков. Из-за бортов видны каски, оружие. „Как жаль, что у нас нет противотанковых“, — подумалось невольно.

— Броневик пропустить! Бить по водителям первых двух машин! В бензобаки — зажигательными!

Метрах в двадцати от нас проплыл бронетранспортер. За ним — первый грузовик. Он приближался к концу прямого участка дороги, тяжело покачиваясь на ухабах. За ним полз второй. Еще секунда-две, и грузовик свернет влево, чтобы обойти холм с рощей. Ребята замерли, ожидая команды. От напряжения стало жарко. „Кажется, пора!“ — думаю и даю очередь.

Грохот дружного залпа сливается с эхом.

Первый грузовик продолжает двигаться по прямой, хотя дорога уже осталась слева. Он сходит с низкой насыпи, лезет в болото, резко кренясь и сбавляя скорость. Его нагоняет второй и врезается ему в задний борт. Столкнувшись, обе машины с шумом и плеском переворачиваются.

— Отходим!

Даем еще залп и спешим укрыться за холмом.

Запоздало вдарил крупнокалиберный пулемет. Затрещала беспорядочная стрельба. Яркое пламя заполыхало над большаком…

Два грузовика затонули. Еще одна машина сгорела.

В лагере

По мере наступления тепла бодрое настроение в отряде росло, а состояние здоровья людей ухудшалось. На 25 апреля, кроме раненых Горошко и Правдина, в отряде болели десять человек. А оккупанты делали все новые и новые попытки нас „достать“. Но несмотря на это, наша активность возрастала. О результатах работы и о положении в районе пребывания мы регулярно информировали Центр.

27 апреля Ковров передал в Москву:

„26 апреля на 499-м километре в шести местах разрушено полотно железной дороги. Движение поездов прекратилось на 18 часов. Железная дорога и шоссе Смоленск — Орша усиленно охраняются. На опушках, проселках, лесных тропах устраиваются засады. Выходы и входы в лес минируются. Населенные пункты: Озеры, Ольша, Новая Земля, Гичи, Кисели, Соловьи — заняты карательными отрядами противника общей численностью 250–270 человек. Установка зарядов с петардами и других минных сюрпризов мгновенного действия на железной дороге затруднительна. Сигнал для самолета: четыре костра, пятый — в центре. В отряде двенадцать больных простудными заболеваниями. В результате беспрерывного пребывания в воде пришли в полную негодность- 18 пар сапог“.

Валентин Ковров (до войны любитель-коротковолновик) мастерски владел аппаратурой и успешно обеспечивал бесперебойной радиосвязью не только нас, но и отряд лейтенанта Озмителя, у которого не было ни рации, ни радиста.

28 апреля Москва сообщила, что самолет будет. Сбросит 15 мест. Просили костры жечь конвертом до двух часов ночи. Радиосвязь ежедневно в 12.00. О дне прибытия самолета сообщат особо.

Приближался Первомай. Из-под разбухшей прели дружно пробивалась. трава. Пошел березовый сок. И мы с удовольствием поглощали его в неограниченном количестве. Когда удавалось достать молока, мы мешали его пополам с соком. Ребята называли эту смесь — кофе с молоком. Но березовый сок, каким бы ни был питательным и полезным, не мог заменить хлеб и другие продукты, в которых мы снова очень нуждались.

К этому времени у нас появилось немало друзей в соседних деревнях. Они-то и передавали нам молоко. Подоят коров и тут же, на пастбище, спрячут бидон с молоком в заранее условленном месте.

Кроме картофеля, да и того не от пуза, в отряде опять уже

ничего не было. Но настроение у людей было праздничное: радовала хорошая погода и особенно телеграмма из Москвы.

„Поздравляем Первым маем. Желаем успехов в борьбе с врагами Родины“.

Когда солнце спряталось за зубчатую полосу леса, все здоровые, кроме наряда, во главе с командиром отряда покинули лагерь и взяли курс на деревню Щеки за продуктами.

Продовольственный отряд возвратился утром. Предупрежденные дежурным больные выползали из шалашей, с любопытством встречали заготовителей. Фельдшер вышел к ним с ведром. Он черпал кружкой березовый сок и предлагал каждому выпить. „Причастие“, — шутили ребята. Они, повеселевшие, направлялись к костру под навесом.

По приказу из Центра каждое утро мы передавали в Москву метеорологическую сводку по схеме: осадки, туман, грозы, ясно, сила и направление ветра, горизонтальная видимость, высота облаков…

Под навесом у костра, на березовых ветвях, лежали куски свежей свинины, принесенной из ночного похода. Иван Домашнев деловито распределял мясо на пять порций: четыре отделения и штаб отряда.

— Откуда это? — спросил Маркин, подходя к нему, опираясь на палку и кивая на свинину.

— Одного блюдолиза фашистского раскулачили в Щеках, — сообщил Голохматов.

— И это все? — поинтересовался Павел, осторожно садясь на обрубок бревна.

— Хэх! — хохотнул Николай. — Это только второе. Еще целая корова. У старосты под расписку взяли.

— И он не возражал?

Голохматов засмеялся, откидываясь назад.

— Нет, конечно. Только спросил: „А на кой хрен мне ваша расписка?“ „Как на кой? — отвечаю. — Придет Красная Армия, предъявишь властям и получишь за свою корову сполна по твердым государственным ценам“.

К Маркину подошел и сел рядом с ним Галушкин. Вид у него был уставший после ночного похода. Лицо заросшее.

— Привет болящим! Ну, как чувствуешь себя, Паша? Долго еще будешь валяться?

— Ну что ты! — ответил Маркин, стараясь быть бодрым и пожимая его руку. — Горячим песком лечусь. Поясница почти прошла. Только судороги еще донимают. Особенно ночью…

Голохматов и его ребята оказались настоящими чародеями. Из коровьего ливера и картофеля они приготовили жаркое,

опьяняющий запах от которого останавливал каждого, кто случайно проходил мимо шалаша. В этот день во всех отделениях было весело. Ребята угощали друг друга.

Нежелательные гости

Суббота второго мая подходила к концу. День выдался теплый и солнечный. Гомон и свист пернатых обитателей лесной чащи, окружавшей наш лагерь, как-то ослаблял внимание, отвлекал от реальной действительности. Невольно хотелось очутиться в условиях мирной жизни, забыться хотя бы на какое-то мгновение…

Сытно пообедав, ребята, бывшие в ночном продпоходе, отдыхали. Не спал только наряд да легкие больные, которые занимались работой по лагерю: собирали березовый сок, варили принесенную рожь, развесив над костром гирлянду котелков, в ведре кипятили грязное белье, уничтожая паразитов, они и комары, появившиеся с наступлением тепла, честно говоря, очень допекали нас. Чтобы спастись от комаров, многие стали отпускать усы и бороды. Светловолосый Николай Секачев, например, отрастил усы колечками и острую бородку-эспаньолку. А Георгий Иванов, с густыми усами, мощной черной бородой, высокий, богатырского сложения, смахивал на покорителя Сибири. Все как-то старались оградить себя от комариного гнуса. Особенно эффективным средством во время сна были мешки или чехлы, в которые залезали с головой…

Вдруг издали донесся условный свист дозорных. Дежурный поспешил туда. Вскоре возвратился. Впереди него шагали четверо. Высокий пожилой мужчина с давно не бритым хмурым лицом и бегающими глазами. Незнакомец был в старой кепке и парусиновом дождевике. Женщина средних лет в сером вязаном платке и в старой деревенской дубленой шубе. И двое подростков, лет по тринадцать-четырнадцать. Все в резиновых сапогах. Мужчина предъявил справки, из которых следовало, что он и жена — колхозники. Просмотрев документы, Бажанов строго спросил:

— А чего это вы, граждане, бродите в лесной глуши и в такую распутицу? Какие у вас тут неотложные дела?

Мужчина вскинул на него настороженные глаза, сказал:

— Да мы объездчика ищем.

— Какого объездчика?

— Не его, вернее. А его тело… Зимой его убили где-то тут.

— Кто убил?

— Нам передали, что убили, а кто?.. Бог его знает. Он сородич наш. Похоронить надо б как следует, по-христиански.

— Если передали, что убит, значит, видели место, должны были точно указать. А в таком огромном лесу разве найдешь?

— Поздновато, видать, граждане, начали вы его искать, — подал голос Иван Домашнев, подходя к непрошеным гостям, и добавил: — Его, наверное, уже давно бродячие собаки растащили.

Услышав замечание минера, мужчина только кинул на него короткий взгляд, но ничего не сказал. Молчала и женщина, потупив глаза.

— А мальчишек зачем с собой таскаете? Мужчина пожал плечами.

— Скажите, город Рудню вы хорошо знаете? — спросил я.

— А как же. Фекла — тамошняя, — встрепенулся мужчина и кивнул на свою спутницу.

— А кто до войны в Рудне председателем районного Совета депутатов трудящихся был?

Мужчина смутился. Переглянулся с женщиной, пожал плечами, сказал:

— Кажись, дай бог памяти… — Он потер лоб, нахмурился. — Нет, запамятовал. Да я ж перед войной был в отъезде. Фекла, ты не помнишь председателя свово?

Женщина покрутила отрицательно головой, нервно убрала под платок прядь седых волос.

Не добившись ничего путного, решили отправить их в местный партизанский отряд. Там с ними разберутся.

Кощеев, сопровождавший неожиданных гостей к Мельникову, возвратившись, сообщил, что и там их не знают. Добавил, что по пути в местный отряд задержанный мужчина с бегающими глазами дважды пытался заговорить с ним. И вообще, вел себя подозрительно. Омсбоновец не разрешил ему приближаться к себе. Приказал молча идти впереди.

Александр Кощеев — исключительно скромный человек. Опытный и исполнительный воин. Даже среди наших ребят он выделялся как разведчик. Ему пришлось отступать со своей частью от самой западной границы. В ОМСБОН он пришел, имея медаль „За отвагу“. За поход в составе первого отряда Бажанова по тылам врага Александр был награжден орденом Красной Звезды.

Приход нежданных гостей к нашей базе и появление вблизи отряда местных партизан некоего Загоруйко насторожили нас. Мы, конечно, не могли точно утверждать, что эти люди были специально направлены в лес оккупантами. Но обнаружение посторонними нашей базы было совсем ни к чему. Поэтому решили в ближайшее время сменить место своей стоянки.

Рельсовая война продолжается

В ночь на 3 мая на „железку“ направились три боевые группы. Старшим одной из них был Иван Мокропуло. Его напарником — Сергей Щербаков, боксер. Задание: подорвать эшелон противника. В случае стычки с охраной попытаться захватить личные документы убитых гитлеровцев.

Ночь темная. Под ногами грязь, из которой еле вытаскивали ноги. Когда подползли к насыпи, затаились на несколько минут, чтобы осмотреться, передохнуть. Вокруг было неожиданно тихо. Поднялись на полотно. И тут никого!.. Внимательно огляделись. Приступили к работе.

— Отставить! — неожиданно приказал Мокропуло, следивший за окружающей обстановкой. — Накрыли нас!

В той стороне, где должна работать другая наша группа, взвилась осветительная ракета. Затем вторая. Теперь захлопали выстрелы. Бахнула граната.

— Отходим!

Быстро отползли к месту сбора. Но там никого! Ушли в лес или воюют?..

— Что будем делать, Иван? — спросил Щербаков. Мокропуло неопределенно ответил:

— Подождем тут немного и вернемся на „железку“…

И тут же уверенно приказал:

— За мной! Не отставать!

Они снова поползли к насыпи. Залегли метрах в ста от дороги. Увидели, как у полотна суетятся темные фигуры людей. Освещают фонарями и то место, где совсем недавно работали и они. „Тут они долго провозятся, удовлетворенно подумал Мокропуло. — А если продвинуться немного правее, где их нет, и там снова попытаться?“

— Сергей, ты видишь, сколько их тут? Наверняка сбежались и с других участков. А вон там никого! Пошли туда!

Было уже часа два. В пять рассвет, а на обратном пути лежала двухкилометровая заболоченная, вязкая открытая низина. Если задержаться тут до рассвета, их непременно обнаружат. Надо торопиться.

— Вперед! — приказал Мокропуло. Не оглядываясь, он побежал вдоль насыпи, низко клонясь к земле. Сзади Мокропуло слышал частое дыхание напарника и не сбавлял шага. Пробежали метров триста-четыреста, свернули к дороге. Залегли за дощатым забором для снегозадержания, что был метрах в двадцати от дороги. Отдохнули немного, ползком двинулись дальше. Вдруг

чей-то кашель заставил их припасть к земле и затаиться. Мимо совсем близко прошли два немца, держа автоматы наготове. Они спешили туда, где все еще мелькали лучи электрофонарей, „Может, срезать этих и забрать личные документы? — мелькнула у Мокропуло отчаянная мысль. — Нет, лучше эшелон“. Он положил руку на плечо Щербакова, когда немцы прошли, кивнул в сторону насыпи.

— Видишь? И эти спешат туда.

Ползком пробрались к полотну. Быстро выкопали яму. Поместили заряд. Сверху положили противопехотную мину.

От насыпи бежали не оглядываясь, спотыкаясь в темноте, падали. Вскоре в сторону Орши по другой колее прошумел эшелон. Через несколько минут издали послышался еще гудок. Этот поезд шел уже по их колее. Невольно замерли. „Сработает или не сработает?“ И вдруг ярко осветилось небо. Они бросились на землю, и тут загрохотал взрыв. Стук сталкивающихся вагонов, треск ломающегося дерева, скрежет разрываемого металла догнали Ивана и Сергея…

— Ну как, Серега! — радостно крикнул Мокропуло, еле переводя дыхание. И счастливо засмеялся.

Утром наша разведка установила, что на мине подорвался воинский эшелон противника, следовавший на Смоленск. Разбито 27 товарных вагонов с военными грузами.

С раннего утра 3 мая начали готовиться к переселению на новое место. Упаковали ВВ, взрывпринадлежности и другое хозяйство. Было очень жаль покидать обжитой лагерь, но ничего не поделаешь…

К этому времени стараниями фельдшера и весны были поставлены на ноги Моргунов, Правдин, Горошко. Стал нормально ходить и Павел Маркин. Но, к сожалению, заболели другие.

Учитывая, что скоро наступит лето, которое высушит лес, новое место для лагеря выбрали в густом лесу, где держалась талая вода. Шалаши строили на рамах из толстых бревен, на которые накатывали жерди, а на них уже настилали ветки. Так наводят гати через болота. Мы (штаб отряда) решили на этот раз шалаш не строить, а соединили квадратом четыре плащ-палатки, растянули полотнище на длинной жерди, прикрепленной к стволам деревьев на высоте двух метров от земли. Углы укрепили веревочными растяжками. Получилась прекрасная кровля размером четыре на четыре метра. Под ней построили „гать“ — нары полметра высотой.

Приходилось всячески приспосабливаться прежде всего с учетом безопасности, а потом уже житейских удобств. 5 мая из

Москвы пришла радиограмма: „Повторите координаты расположения площадки, устанавливайте на ней дежурство каждую ночь, заранее готовьте костры, при приближении самолета немедленно разжигайте их. В вашем районе самолет снизится до 500 600 метров. О дне операции сообщим после получения от вас ответа…“

Сейчас, спустя более сорока лет, трудно установить, кто был виноват в том, что мы не приняли тогда самолет с грузом, который так ждали. Или наши ребята плохо соорудили костры на небольшом болотном острове, выбранном нами в целях безопасности на случай нападения карателей, или летчики не сумели увидеть наши сигналы. Тем не менее мы очень переживали и чувствовали себя виновными.

С 5 мая Галушкин с пятью бойцами еженочно дежурили на „аэродроме“, постоянно поддерживая замаскированный огонь в сигнальных кострах. Однако самолета не было. А с утра 7 мая погода резко изменилась: пошел снег с дождем, похолодало. Плохой погоде, от которой мы так настрадались, сейчас обрадовались, несмотря на то, что она задерживала самолет. Пользуясь непогодой, прекрасно маскировавшей наши походы, усилили работу на „железке“. Ночью 8 мая в трех километрах западнее деревни Шаховцы Широков и Головенков подорвали воинский эшелон противника с живой силой. Было убито и ранено много солдат и офицеров противника. Разбито 8 классных вагонов. Другие омсбоновцы повредили полотно железной дороги в четырех местах на этой же магистрали. Ночью 10 мая Келишев, Маркин, Мокропуло, Ананьев, Высоцкий, Правдин под командованием Голохматова в 800 метрах восточнее деревни Кочаны взорвали воинский эшелон противника с военной техникой. Разбито 9 вагонов. В эту же ночь группа Голохматова в трех местах разрушила железнодорожное полотно, убив в перестрелке с охраной дороги двух фашистов. В этом же районе испорчено 300 метров телефонной и телеграфной линии, идущей вдоль железной дороги, и 150 метров — вдоль шоссе.

День угасал… Маскируясь кустами и складками местности, двое омсбоновцев, Рыжов и Сосульников, подобрались к линии железной дороги. Парные патрули проходили метров сто пятьдесят — двести, встречались, шагали обратно. „Значит, у каждой пары свой участок. Это хорошо“, — подумал Сосульников.

С болотистой низины потянул ветерок. Через насыпь пополз туман.

Выждав, когда немцы отошли подальше, партизаны начали подниматься по откосу, стараясь не сбивать гравий, который предательски выскальзывал из-под ног. Забравшись на насыпь,

подрывники стали — готовить яму для мины. Вдруг один патруль почему-то с полпути повернул обратно.

— Хальт! Хенде хох!.. Файер! — испуганно заорали немцы и открыли беспорядочную стрельбу.

Пули просвистели над головами Сосульникова и Рыжова, прижавшихся к земле.

— Коля, прикрой! — крикнул Сосульников.

Рыжов откатился от рельса, открыл огонь. Немцы упали.

На шум стрельбы бежали охранники с других участков, стреляя на ходу. Минут десять длилась неравная схватка. Сосульников и Рыжов переползали с места на место. Дав одну-две короткие очереди, меняли позицию. Маневр партизан дезориентировал гитлеровцев: им было трудно определить, сколько человек ведут бой, и они обрушивали огонь наугад. Темнота надежно скрывала омсбоновцев, и пули фашистов пока миновали их.

Старший группы Андрей Сосульников не торопился выходить из боя, ждал, пока под шум стрельбы ребята установят мины на других участках. Наконец он услышал условный свист. Рыжов отозвался. Сосульников прекратил огонь, скатился с насыпи и быстро пополз прочь от железной дороги. Дал знать Рыжову — отходим! Отполз метров на двести в лесок, прислушался. Свистнул, подражая голосу болотной птицы. Это означало „Все ко мне!“

В лесок стали подтягиваться минеры. В лесу было тихо, а от железной дороги доносился треск очередей немецких автоматов, гулкие выстрелы винтовок, взрывы гранат. Видимо, немцы все еще не разобрались, с кем ведут бой.

— Все пришли? — спросил Сосульников.

— Рыжова нет, — сказал Саша Назаров.

Андрей точно помнил, что Рыжов ответил на его условный свист. А теперь Николая с ними не было.

— Ребята, надо вернуться и узнать, что с ним, — сказал Сосульников.

Иван Домашнев, Георгий Иванов и Василий Широков пошли к насыпи. Метров через пятьдесят они увидели Рыжова. Он медленно полз к месту сбора, таща в зубах автомат за ремень.

Николай истекал кровью. Тут же наскоро перевязали его, положили на плащ-палатку и двинулись на базу.

— Ребята… Идет! — вдруг крикнул Жора Иванов, останавливаясь.

Быстро нарастал гул приближающегося поезда. Немецкие охранники палили из автоматов, не отходя далеко от пути. Что-то огромное горбилось на платформах: угадывались стволы орудий,

силуэты танков…

— А-а, гады! — ликующе закричал Андрей. — Вот почему они так усердствуют! Видать, специально ждали этот эшелон!

Кто-то из ребят нетерпеливо крикнул:

— Ну?!

— Андрей, чего же?! Неужели отказ?

Сосульников и сам уже дрожал от напряжения…

Молния блеснула из-под колес. Дрогнула земля. Глухой взрыв швырнул в небо багровое, клубящееся пламя.

Утром передали в Москву радиограмму: „12 мая в бою с охраной дороги тяжело ранен минер Рыжов: осколками гранаты задеты тазовые кости, три пулевых ранения в ноги. Необходима серьезная операция. Просим разрешения увеличить группу курьеров. Они доставят то, о чем мы сообщали предыдущей шифровкой, и эвакуируют раненого через линию фронта“.

Такого тяжелого ранения, как у. Рыжова, еще не было в нашем отряде. Саша Вергун с ранением справиться не мог. Мы не сомневались, что командование разрешит вынести тяжелораненого на Большую землю. Поэтому, не дожидаясь ответа из Москвы, группу курьеров увеличили до шести человек. В нее вошли: Павел Маркин, Виктор Правдин, Алексей Андреев, Сергей Щербаков, Иван Головенков. Возглавил группу Борис Галушкин.

15 мая получили ответ из Москвы: „Бажанову, Авдееву. Эвакуацию через линию фронта раненого Рыжова разрешаю. Подтверждаю исключительную важность собранных вами материалов и обязательную их доставку. Андрей“.

Однако еще долгих три дня группа Галушкина не отправлялась к линии фронта: не было необходимых курьерам медикаментов и продовольствия. С нетерпением ждали самолет. Только перед самым рассветом 18 мая до нас донесся желанный гул. Он слышался не с востока, откуда мы его ждали, а с запада. Мгновенно вспыхнули костры. Сам: олет сделал вираж, стал сбрасывать тюки. Парашюты закачались над лесом. Некоторые не раскрылись и с шумом шлепнулись в болото.

Нашли пятнадцать мест. Все есть, что просили, кроме медикаментов и перевязочных материалов. Видимо, они были в тюках, утонувших в болоте…

В 12.00 этого же дня Москва передала, что нам сброшено 17 мест. Так, значит, и есть — два места пропало. Среди того, что мы получили, были сахар, консервы, галеты, табак и цинковый бак со спиртом.

В одном мешке обнаружили пачку газет. На газете, лежавшей сверху, красным карандашом было крупно написано:

„Героическим бойцам от экипажа "Дугласа“ № 3974 пламенный привет! Митин“.

Мы знали Василия Ивановича Митина. В ОМСБОН он командовал авиационным звеном. Было радостно получить весточку от знакомого человека. Наша радость возросла, когда нашли личные письма и послание, подписанное командованием и политотделом нашей бригады. В этом послании, в частности, говорилось: "Командование и политотдел приветствуют вас, героев Отечественной войны, и поздравляют с международным пролетарским праздником 1 Мая…

Товарищи! Вы с честью выполняете наши задания. Мы гордимся вами, лучшими сынами нашей Родины… Товарищи, на вас возложена большая и ответственная задача партией и правительством. Разрушайте коммуникации врага, уничтожайте полчища немецких захватчиков. На вас смотрят советские люди, временно находящиеся под игом немецких захватчиков. Знайте и помните это".

Было еще письмо от начальника разведки нашей бригады капитана Жаркова, он писал:

"Товарищи! Поздравляю с международным праздником 1 Мая. Желаю успеха в боевой деятельности. Громите, уничтожайте технику врага. Доволен и горжусь вашими боевыми делами. О вашей деятельности знают все товарищи. С гордостью следят они за тем, как вы выполняете свой долг перед Родиной.

Уничтожайте фашистов! Не давайте им покоя. Победа будет за нами!

Наши части на фронте ведут успешные боевые действия. Ваша работа оказывает им большую помощь.

Действуйте решительно, мужественно, смело, в то же время соблюдайте осторожность и производите тщательную разведку.

Товарища Бажанова поздравляю с присвоением звания капитана.

С радостью участвую в упаковке груза.

До свидания, товарищи!

Желаю здоровья и успехов в работе.

Капитан Жарков. 26.4.42 г.".

Обрадованные высокой оценкой нашего ратного труда, мы решили отметить это событие по-праздничному. И тут уж никакой медицинский авторитет Саши Вергуна не помог. Развели спирт водой и подняли кружки за победу.

Итак, медикаментов и перевязочных материалов у нас по-прежнему не было. Коле Рыжову становилось, все хуже. Собрали старые бинты, которыми уже не раз, перевязывали раны, прокипятили их. Нарезали длинные полосы из парашютного

шелка. Для обработки ран выделили Алексею Андрееву, который стал в группе Галушкина "сестрой милосердия", остатки марганцовки и флягу спирта.

На Большую Землю

Наконец все было готово.

У каждого вещмешок за спиной, автомат. Присели перед дорогой.

— Ну, товарищи, пора! — сказал Бажанов, поднимаясь с бревна. Надеюсь, Борис, поход будет успешным.

Омсбоновцы тесным кольцом окружили уходящую шестерку. Совали кто сухарь, кто горсть табаку. Крепко жали руки.

— Пора, Борис, — повторил Бажанов, посмотрев на часы.

Обнял Галушкина, простился с остальными ребятами. Подошел к носилкам. Николай мучился от непрестанной боли, пот струился по его лицу. Бажанов протянул ему пистолет.

— Возьми, Николай, в пути пригодится.

Николай благодарно посмотрел на капитана, взял пистолет, положил на грудь.

— Спасибо, товарищ капитан.

— Только лучше выбирай цель.

— Ясно, товарищ капитан. Не подведу! — горячо сказал Николай и тут же заскрипел зубами от боли.

Я подошел к Галушкину. Мне хотелось сказать что-то самое хорошее и нужное… Но, как всегда в такие минуты, нужных слов не находилось. Я снял с руки компас.

— Держи, земляк. На счастье!

Борис улыбнулся и отдал мне свой компас. Мы обнялись.

— Я верю, что все будет хорошо, — Галушкин поднял голову, обвел взглядом собравшихся. — Я обещаю: вынесем Николая.

Галушкин ничего не сказал о спецзадании. Это была тайна, о которой знали только командир отряда, я и Галушкин. В отряде все думали, что цель похода — спасение тяжело раненного товарища.

Павел Маркин закинул вещмешок за спину, повесил автомат на грудь, позвал Правдина:

— Эй, Витька, берем!

Они подняли носилки и без команды зашагали по вязкой тропе. Мы двинулись следом.

Уже через двадцать-тридцать метров ноги носильщиков стали заплетаться.

— Давай быстрей! — крикнул Маркин, сжав зубы и ускоряя шаг.

Ему надоела затянувшаяся процедура прощания. А теперь он не хотел, чтобы мы видели, как им тяжело. Правдин послушно прибавил шагу, но тут же тихо сказал:

— Паша, я с тобой вполне солидарен… Только ты не рви со старта, а то с дистанции сойдем.

Маркин согнул широкую спину, на которой уже выступили темные пятна пота, пробормотал что-то, но шаг не убавил.

Вокруг был не очень густой лес, но нести носилки можно было только двоим, и то, лавируя между деревьями. Ноги по щиколотку вязли в разбухшей лесной почве. Я шел рядом с Галушкиным. Остановились на полянке. Еще раз попрощались. Галушкинцев сопровождали еще шесть бойцов во главе с Андреем. Сосульниковым и проводник из местных партизан, но только до определенного места. Большая группа не смогла бы пройти незамеченной по тылам и — главное — через линию фронта.

Вечером того же дня сообщили в Москву: "18 мая группа Галушкина из шести человек вышла из лагеря к линии фронта. Просим известить нас, когда Галушкин выйдет на Большую землю".

Группа продолжала путь. Вскоре Маркина и Правдина сменили. Они чуть приотстали. Маркин расстегнул ворот гимнастерки. Успокоив дыхание, он вытер дрожащей рукой пот со лба, глянул на Правдина:

— Витька, как ты думаешь, сколько человек может прожить в летнее время с такими тяжелыми ранами, как у Николая?

— А почем я знаю. Я не Саша Вергун. Ты, Паша, лучше скажи: что будем делать, когда с фрицами встретимся?

Маркин устало улыбнулся.

— А зачем, Витя, нам с ними встречаться?.. В данной ситуации я предпочитаю обходиться без них.

Носильщики, выделенные отрядом для помощи на первую ночь пути, сменялись. Члены основной группы отдыхали. Они несли службу охраны: впереди, примерно метрах в пятидесяти от носилок, шел дозорный, чуть сзади — еще двое. За носилками шагал автоматчик — тыловое охранение. Так двигались до опушки, за которой, как было видно по карте, лежала открытая местность.

Правдин, Маркин и Сосульников шли за Галушкиным, зорко всматриваясь во мрак ночи, а из головы не выходила мысль: что делать, если за ночь не успеют дойти до леса и на открытой местности их обнаружат немцы?

Видимо, догадываясь, о чем они думают, Галушкин сказал:

— Ничего, ребята, все будет хорошо. Я счастливый. Если полсотни карателей да двадцать полицаев не сумели нас семерых взять тогда на Березине, то тут мы что-нибудь придумаем. Главное — не падать духом и всегда быть наготове.

Стемнело. Над низиной поползли отяжелевшие от влаги облака. Где-то громыхнул гром. Молния зигзагами расшила низкое небо. Потянуло холодным ветром. Пошел дождь. Идти становилось все труднее. Онемевшие руки разжимались. Кто-то предложил приспособить к носилкам ремни от грузовых парашютов. Ремни надели через плечи. Нести носилки стало немного легче.

Когда впереди показалась долгожданная стена деревьев, невольно ускорился шаг. Вошли в густой лес. Остановились на отдых. "Носильщики" растянулись под деревьями. Николай спал, лицо его было бледное, даже во сне он стонал.

Вдруг раздался короткий свист. Это был сигнал опасности, поданный головным дозором. Быстро собрались вместе, залегли за буреломом. Ждать пришлось недолго или так показалось? Наконец на просеке замаячили силуэты людей. Их было трое. Вооружены. "Может, пропустить их и идти своей дорогой? — подумал Галушкин. — А чего нам бояться? Их только трое. Остановим, расспросим о дороге и разойдемся".

Это были армейские разведчики. Оборванные и изнуренные, они бродили по лесу, искали партизан. Новички в условиях вражеского тыла, бойцы двигались днем, заходили в деревни за продуктами. И жестоко поплатились за свою беспечность: двенадцать из них, в том числе командир группы и радист, погибли в неравном бою с карателями. Разведчики рассказали, что все ближайшие деревни и хутора заняты гитлеровцами и полицейскими.

— Идите, ребята, в сторону железнодорожной станции Красное. Там, возможно, встретите местных партизан, — посоветовал им Галушкин, не указывая района расположения наших отрядов.

Он надеялся, что парней непременно встретит кто-нибудь из партизан или из местных жителей, связанных с партизанами.

Разведчикам дали немного галет. Они тут же их съели. Жадно выкурили по цигарке.

— Не завидуем мы вам, хлопцы, — сказал один из них простуженным голосом. — Мы дважды пытались перейти к своим, но… Осторожно через железную дорогу. Она сильно охраняется.

И армейские разведчики ушли.

Дождь перестал, но от этого не стало легче — началась низина, залитая водой. Шли не останавливаясь, вода поднималась все выше и выше. Вскоре она дошла до груди. Носилки понесли вчетвером, подняв над головой.

Для дневки выбрали холмик, поросший курчавыми березками да низкорослыми кустами.

Партизаны легли вокруг носилок. Тела, налитые усталостью, словно окаменели. Не хватало сил, чтобы разуться, сбросить с себя мокрую одежду. Только когда солнце поднялось повыше и немного пригрело, зашевелились. "Сестра милосердия" Андреев стал готовить Николая к перевязке. Головенков пучком березовых веток отгонял от раненого мух, комаров, их было столько, что не видно было ни раненого, ни Андреева. Казалось, что оба они окутаны легким дымком. Раны кровоточили, спекшаяся кровь перемешалась с грязью. Андреев промыл раны слабым раствором марганца, залил спиртом. Николай стонал, скрипел зубами, не раз терял сознание. Но Андреев не прекращал перевязки. Только желваки ходуном ходили на грязном лице с редкими веснушками да выступали капли пота на лбу. Андреев строго последовательно делал то, что наказывал Вергун. "Чтобы спасти Николая, надо не допустить заражения крови. Каждое утро обязательно обрабатывай раны до чистоты", сказал Вергун перед уходом группы.

За первую ночь они прошли около пятнадцати километров. Конечно, им здорово помогли провожающие. Но в любом случае почин сделан хороший.

Омсбоновцы находились в двух-трех километрах от железной дороги Смоленск — Витебск, между станциями Плоская и Рудня. Это была важная железнодорожная магистраль. Немцы усиленно охраняли дорогу: на каждом километре особо уязвимого участка оккупанты держали не менее шести своих солдат и еще полицаев. Частые наблюдательные вышки оснащены пулеметами.

Омсбоновцы призадумались. К переходу через дорогу надо было тщательно подготовиться. Павлу Маркину и Сергею Щербакову Галушкин приказал по очереди дежурить на вершине высокого дерева, внимательно наблюдать за окрестностями. И подсчитывать проходившие по железнодорожной магистрали поезда. Боясь привлечь к себе внимание, костра не разводили.

Погода в этот день была изменчивая: то ярко светило солнце, то вдруг наплывала туча, моросил дождик, холодало.

Еще засветло тронулись в путь.

Подходы к железной дороге оказались неожиданно открытыми. На месте леса, который значился на карте, — свежие пни. По совету проводника несколько отклонились от намеченного маршрута, чтобы войти в молодой сосняк, — все же прикрытие. Двое пошли в разведку к "железке". Возвратились скоро. Доложили, что подходы к железной дороге и с этой стороны открыты, лес вырублен. Разведчики хорошо видели вражеских патрульных на насыпи. Но делать нечего. Если везде вырубка, то идти можно и здесь. Вот пройти… Но ребята

отгоняли от себя тревожные мысли. Собрались около Николая, шутками старались хоть немножко отвлечь его. Кто-то задремал, всхрапнул громко, со свистом.

— Эй, гражданин, приехали! — шутливо пнул Андреева в спину Сергей Щербаков.

— Что? А? — подскочил тот.

Ребята смеялись. Улыбнулся даже Николай.

Андреев лежал рядом с носилками, укрыв раненого своей плащ-палаткой. Он был мокрый от росы и дрожал, но и холод не помешал ему крепко уснуть.

— Лаврентьич, ты его на бочок переверни, — будто бы озабоченно посоветовал Правдин. — Моя бабушка так всегда с дедушкой поступала, когда он во сне храпеть начинал.

Ребята прыснули.

— Тихо! Вы что, маленькие? — приструнил их Галушкин.

Неожиданный гудок паровоза заставил их вздрогнуть. Задрожала земля. Из-за поворота дороги выскочил паровоз. Луч от его фонаря ударил партизанам в глаза. Они уткнулись носами в землю. Через секунду луч изменил направление и их снова окутала сырая темнота.

Заметно похолодало, стало совсем темно. Прошло еще по два поезда по каждой колее…

— Ну, время, — тихо сказал Галушкин.

Маркин, Правдин и Щербаков должны были прикрывать переход.

Кончились ряды молодого леска. Путь преградила широкая канава, полная воды. Перешли ее, погрузившись в воду до пояса. Дальше лежала открытая полоса шириной метров пятьдесят. Прильнули к земле, поползли. Носилки с раненым тащили волоком. Николай, не в силах сдержаться, стонал. Омсбоновцы не отрывали глаз от высокой насыпи, на которой каждую секунду могли появиться вражеские патрули. Но вокруг было тихо. Осталось лишь перевалить через насыпь, а там ищи ветра в поле. И тут их оглушила трескучая автоматная очередь.

Вжались в землю, словно хотели слиться с ней. Но стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Стала слышна чужая отрывистая речь.

— Отползай! — шепотом приказал Галушкин.

Когда собрались в молодом ельнике, увидели, что нет проводника. Где он? Что с ним? Ребята забеспокоились. Маркин и Головенков поползли к насыпи, но проводник как растворился во мгле, хотя должен был проводить группу Галушкина до железной дороги, подождать, пока они пересекут ее, и только тогда возвращаться в отряд.

— Может, убежал? — предположил Галушкин. Ребята молчали.

— Чего молчите? — спросил Галушкин.

— Если он попал к фрицам, — заговорил Маркин, — то нам надо отсюда смываться, и побыстрее.

Ребята зашевелились. Напряжение спадало. Николай попросил пить. Он не участвовал в разговоре, но хорошо понимал, в каком тяжелом положении все оказались, и заскрипел зубами.

— Ты чего? — склонился над ним Андреев, поправляя полушубок. Николай промолчал.

— Не волнуйся, Коля. Все будет хорошо, — успокоил его Андреев.

Чуть передохнув, группа двинулась прочь от железной дороги. На сегодня переход отменялся. Остановились на дневку в мелколесье.

Тронулись в путь, когда село солнце.

На подходе к железной дороге залегли в кустах. Ждали полной темноты. Однако ночь, как назло, наступила светлая, без единого облачка. Щедро светила луна. В такую ночь вряд ли можно было незаметно перейти железную дорогу, не рискуя напороться на охрану.

— Эх, была бы сейчас зима, — вздохнул Щербаков.

— Ты что, замерзнуть хочешь? — спросил Правдин.

— Зато давно были бы дома.

— Ишь какой быстрый!

— А что? На лыжах ни болото тебе, ни грязь нипочем. А помнишь, как зимой через "железку" махали? То-то… Не успеет состав пройти — мы сразу на насыпь. Перемахнем, а тучи снега все еще вертятся, как дымовая завеса, помнишь? А сейчас попробуй-ка сунься!

Маркин не выдержал:

— Ты, Серега, все позабыл. Как на снегу следы видны, как метель крутит, как лыжи ломаются…

— Вот народ, и помечтать не дадут, — буркнул Сергей.

А звезды горели ярко, словно лампы в московском парке. Пришлось снова уходить от железной дороги и ждать еще день.

Николай Голохматов

Двадцатисемилетний командир отделения москвич Николай Голохматов после ухода Бориса Галушкина на Большую землю был назначен заместителем командира нашего отряда по строевой части. Высокий, стройным, русоголовый, он прямо кипел энергией и идеями. Хороший легкоатлет и лыжник, Голохматов еще до похода нашего отряда в тыл противника с оружием в руках защищал Родину.

…Их 110-й отдельный лыжный батальон Пролетарской дивизии, сформированный в Подольске, бросили на один из самых горячих участков фронта.

Хорошо запомнил Николай тот студеный февральский солнечный день, атаку на неприятеля. Скрипел свежий снег под лыжами. Холодные лучи яркого солнца слепили до боли в глазах. Слезы катились по щекам и замерзали на подшлемниках. Маскировочные халаты скрывали их от глаз вражеских солдат, но чужие пули все же находили то одного, то другого. Невольно Николай замедлял бег, сжималось сердце: кто?.. Но голос командира, шедшего впереди: "За Родину!", заставлял мчаться, не останавливаясь, вперед, на окопы противника. Слева от него с ручным пулеметом на ремне размашисто шагал лыжник Вячеслав Захавин. Сегодня ему пробило девятнадцать лет.

— Пулемет! Почему молчит пулемет?! Огонь!!!

Этот крик заставляет Захавина валиться в снег, торопливо устанавливать "Дегтярев", но сошки пробивают наст и тонут по самый ствол. Тогда Вячеслав становится на колено, вскидывает пулемет и дает длинную очередь. "Дегтярев" дрожит, рвется из рук. Расстреляв диск, Захавин достает запасной…

Незаметно наползли сумерки. Небо затянулось облаками, стало темно-серым, мороз крепчал. Бой продолжался, но накал его поубавился. Вдруг Николай услышал, как недалеко от него кто-то вскрикнул.

— Слава!.. Гена, где вы?! — с тревогой кричит Николай.

— Я здесь! — отзывается Геннадий Маслов, появляясь из-за огромного валуна.

— А Вячеслав?

— Я только что видел его, — сказал он и позвал, стараясь перекричать звуки боя.

— Заха-а-ави-и-ин!

Не дождавшись ответа, они поползли назад, к тому месту, где Маслов видел Вячеслава.

…Чтобы сменить диск, Захавин чуть приподнялся. И тут

вражеская пуля толкнула его в грудь. Он вскрикнул, вскочил на ноги, но не устоял. Падая, потянул на себя пулемет. Тот вдавил пулеметчика в рыхлый снег. Здесь и нашли его товарищи. Захавин лежал на боку, утонув в снегу. Они сняли с него лыжи, повернули на спину. Вячеслав едва дышал. На капюшоне маскхалата и на лице уже намерзла ледяная маска.

— Жив?!

— Слава, ты ранен?

Захавин открыл глаза, застонал. Ребята увидели темное пятно на левой стороне груди Вячеслава…

Наступила беззвездная ночь. Сыпался мелкий снег. Однополчане быстро шли по еле видимой лыжне. Деревянная волокуша с легким поскрипыванием скользила за ними. В ней лежал раненый Вячеслав. Вдруг хлопнул недалекий выстрел "кукушки". Николай вскинул автомат, дал очередь. "Кукушка" ответила двумя выстрелами. Пули взрыхлили снег рядом с ними. "Ого! Хорошо, что ночь. Днем бы нас уже не стало", — подумалось невольно. Отползли от дороги под прикрытие леса, затаились. Но рядом был раненый товарищ, надо спешить. Однако стоило зашевелиться, как снова трещали выстрелы. Что делать?

— Геннадий, уходи с волокушей, я прикрою.

— Погоди, Коля. Давай залпом!

Они дружно ударили на звук "кукушки", схватили лямки от волокуши и кинулись бегом между деревьями. Перемерзший снег громко скрипел под их ногами, от мороза трещали вековые деревья. Подумали, что путь свободен. Облегченно вздохнули, прибавили шагу. Но опять выстрелы: вошли в зону обстрела новой "кукушки". Вынуждены были остановиться, залечь и услышали чуть слышно:

— Гена… Коля…

Рванулись к волокуше, склонились над раненым.

— Ребята, бросьте… Бросьте меня… Уходите, — услышали слабый голос раненого.

— Да ты что, Славка?! Что ты говоришь?! Молчи. Сейчас дойдем. Скоро уже.

Глубокой ночью они сдали раненого друга в дивизионный госпиталь и к утру возвратились в свой батальон…

…Декабрьская ночь 1942 года близилась к концу. Отряд лыжников-омсбоновцев в составе трех взводов под командованием Михаила Бажанова вышел из Козельска и двинулся походной колонной по оккупированной Калужской области, пробираясь в район города Жиздры. Омсбоновцы торопились уйти подальше от линии фронта, которую они пересекли в районе действия частей 10-й армии генерала

Голикова.

За время рейда лыжники, которыми командовал командир отделения Николай Голохматов, захватили обоз противника, разгромили железнодорожный разъезд, уничтожили группу карателей, подорвали мост через реку Жиздру на перегоне железной дороги Судимир — Сухиничи, собрали разведывательные сведения о расположении и передвижении войск противника. Кроме того, омсбоновцы вела большую пропагандистскую и разъяснительную работу среди населения оккупированных населенных пунктов Калужской области… За этот поход сержанта Николая Голохматова наградили орденом Красной Звезды.

Переход железной дороги

К вечеру второго дня погода заметно изменилась: подул сырой западный ветер. Поползли низкие тучи. Омсбоновцы воспряли духом, заторопились. Николая завернули в полушубок, сверху накрыли плащ-палаткой. Темнота и дождь позволили подойти близко к насыпи. Под ногами чавкала вода. Спешили, дорога была каждая минута.

— Стой! — наконец поднял руку Галушкин.

Он ползком поднялся на насыпь. Вокруг никого. Дождь с ветром ожесточенно хлестал в лицо. Вражеские патрули, видать, забрались в будку обходчика. Рельсы тускло серебрились в темноте.

— Маркин — вправо! Правдин — влево, для прикрытия, — приказал он следовавшим за ним ребятам и тихо свистнул.

Через пару минут на насыпи показались носилки. Носильщики тяжело дышали, Николай не издавал ни звука.

— Давай, давай! Быстрей, ребята! Бегом! — шепотом подбадривал Галушкин товарищей.

Скользя по грязи, пригибаясь к самой земле, омсбоновцы пробежали через насыпь. Несколько мгновений — и носилки с раненым были уже по ту сторону железнодорожной линии. Галушкин огляделся и невольно чуть приподнялся. В это время справа грянул выстрел, второй. "Партизаны-ы-ы… Партизаны-ы-ы!" — завопили по-русски во все горло почти рядом. Это орали полицаи.

Галушкин замер на секунду, увидел, как ткнулся в насыпь головой Паша Маркин…

— Пашка-а-а! — закричал, уже не таясь, Галушкин.

Он хотел отвлечь от раненого друга внимание врагов. Вскинул автомат: очередь рванула воздух. Темные фигуры, как подкошенные, повалились на землю.

— Пашка-а-а!.. Ранен? — снова закричал Борис.

— Нет! — вдруг отозвался Маркин.

— Павлуша-а-а! Держись, браток! — кричал Галушкин.

Испуганные голоса продолжали вопить: "Партизаны-ы-ы!" Издали послышалась густая стрельба, она быстро приближалась. Надо было спешить. Над местом стычки протянулись две светящиеся нити: пулеметные очереди с наблюдательных вышек.

Короткими очередями стрелял Виктор Правдин. Галушкин условно свистнул, Виктор быстро подполз к нему. И сразу снова дал очередь.

— Виктор! Веди группу по маршруту! — приказал

Галушкин. — Мы с Пашей попытаемся задержать их, пока ребята с носилками не уйдут подальше от дороги. Если нам не удастся оторваться, идите без нас.

— Лаврентьич…

— Не слушаю возражений!

— Втроем мы же быстрее их расколошматим! — заявил Правдин.

— Выполнять приказ! — отрезал Галушкин.

— Есть!

— О нас не думай, помни о своей задаче. Не теряй время, — голос Галушкина зазвучал мягче. — Вот возьми. Он не должен попасть в руки немцев.

Галушкин сунул в руки Правдину объемистый пакет с документами.

— Что это?

— Этот пакет ты даже мертвый не должен отдавать врагу. Ясно?

— Ясно, командир!

— Ну, иди!

— Эх, ребята! — с отчаянием прошептал Правдин, пряча пакет за пазуху, и пополз.

Тем временем охранники все ближе подтягивались к месту стычки. Борис и Павел были уже почти рядом.

— Паша, я продвинусь левее. Как свистну, так ты давай по ним очередь. По ответным выстрелам я засеку, где они лежат, а потом их гранатой, понял?

— Действуй, Лаврентьич.

Галушкин отполз. Послышался его свист. Маркин нажал спуск. Очередь трассирующих пуль метнулась над землей. Пули рикошетили, со звоном отлетали от рельсов, чиркали по камням, высекали искры. Охранники ответили. Вспышки их выстрелов были совсем рядом, но по другую сторону насыпи. Галушкин размахнулся и бросил гранату. Яркий сполох взрыва вырвал из темноты часть насыпи, мокрый гравий, черные шпалы… С того места, где разорвалась граната, немцы больше не стреляли. Но с других сторон огонь не ослабевал. Маркин короткими очередями прижимал немцев к земле. Прошло, наверное, минут пять-шесть, как ушли ребята с носилками.

— Паша, давай смываться! — сказал Галушкин. — Отходи первым, я прикрою!

Маркин перескочил насыпь, залег на откосе и ударил из автомата. Вскоре к нему подполз Галушкин. Они; кубарем скатились с насыпи и что было сил помчались прочь от железной дороги. Шальные пули шлепались в грязь, булькали в воде,

взвизгивали над головами.

В негустом леске омсбоновцы остановились, условно посвистели, прислушались. Ответного сигнала не было. Но на душе все же проглядывала радость: страшная железнодорожная магистраль позади.

— Лаврентьич, это вы, черти! — вдруг откуда-то кинулся к ним Правдин.

— Живы? — спросил Галушкин.

— Все!

— Раненых нет?

— Без единой царапины! — доложил Правдин. Только часа через два, когда партизаны уже валились с ног, Галушкин разрешил остановиться. Носилки устроили под густой кроной березы. Упали на траву. Несколько минут не могли отдышаться, как бегуны, только что преодолевшие длинную дистанцию…

"Сюрприз"

Отсутствие известий о судьбе галушкинской группы угнетающе действовало на нас. Ребята ходили хмурые. Реже слышались обычные шутки у костра, подначивания. Все рвались на боевые задания.

По приказу германского командования с 15 мая снова усилили охрану железной дороги. Все ближайшие от нас деревни заняли карательные отряды и полицейские. Эти сведения мы получили от местных партизан. Для перепроверки данных послали разведчиков. Они установили, что в деревнях действительно находятся гарнизоны противника, которые живут по строгому казарменному режиму. И все еще прибывают пополнения полицаев.

— Что бы значило это скопление, комиссар? — спросил Бажанов. — Не намереваются ли они начать массированное наступление на партизан? Или решили блокировать нас в лесу, чтобы помешать работать на "железке"?

Заняв деревни, немцы лишили нас связи с жителями, перекрыли засадами все пути и дороги, по которым мы ходили на боевые задания. Надо было что-то предпринимать. И мы решили временно прекратить походы на железную дорогу. Затаиться на несколько дней — создать видимость ухода и этим усыпить бдительность оккупантов. Но одновременно начать активную деятельность на шоссе, на большаках и проселках. Прежде на этих коммуникациях наши минеры появлялись изредка, больше работая на "железке", где каждое организованное нами крушение наносило вред противнику, в десятки раз больший.

В это время получили из Москвы радиограмму:

"Впредь сообщайте о наиболее отличившихся бойцах и командирах, заслуживающих представления правительственной награде". Мы передали в Москву: "Считаем достойными представления правительственным наградам товарищей: Голохматова, Моргунова, Келишева, Иванова, Мокропуло, Широкова".

27 мая из Москвы получили следующее задание: "Обстановка требует максимального усиления разведки о воинских перевозках противника по железной дороге и шоссейным магистралям. Необходимо вскрыть: количество поездов, колонн транспорта, проходящих в каждом направлении, характер грузов, рода войск, количество, наличие техники, особенно танков, артиллерии, нумерацию частей, пункты перевалки и сосредоточения войск и грузов. Одновременно с усилением разведки, активизируйте

боевые действия. Особенно на железной дороге. Регулярно информируйте Центр".

А вскоре приняли радиограмму: "Дайте точные координаты вашего местонахождения. Ориентируйте по отношению к населенным пунктам. Сведения о погоде сообщайте радиограммами".

Получив указания, мы немедленно организовали разведгруппы и оборудовали наблюдательные пункты близ "железки" и шоссе. Одновременно с этим приступили к операциям. Для этого у нас были прекрасные ПТМ-35 (противотанковые мины), недавно сброшенные с самолета. Эти пятикилограммовые мины с металлическим корпусом и упрощенным взрывателем были удобны и надежны. Они не боялись влаги: их можно было ставить в грязь и даже в воду. ПТМ-35 взрывались не только от тяжести гусеницы танка или колеса автомашины, но и от нажима ноги человека. Их-то мы и решили использовать в период временного затишья. Причем, поставив одну ПТМ-35 на большом отрезке дороги, на этом же участке, чтобы сбить с толку вражеских саперов, мы делали несколько ложных закладок (в каждую ложную мину-яму клали куски железа, осколки снарядов, которые реагировали на миноискатель не менее активно, чем и настоящая боевая мина с металлическим корпусом).

Не раз наши ребята, вернувшись с задания, со смехом рассказывали, как фрицы после взрыва нашей мины долго бродят по дороге с миноискателями. Найдя ложную мину, начинают ее расстреливать, надеясь, что она взорвется. Не добившись успеха, наконец решаются разминировать. И, найдя кусок железа или осколок, с бранью швыряют его, плюются, а иногда открывают беспорядочную стрельбу, как говорится, в "белый свет". На участках дороги, проверенных вражескими саперами и давшими "добро" на возобновление движения своего транспорта, мы старались в ближайшую же ночь установить боевые мины.

Не обошлось без потерь с нашей стороны. "5 июня на минах подорвались Овсеенко и Ананьев. Ранения тяжелые, — сообщили мы в Москву. — В отряде, кроме раненых, 9 больных простудными заболеваниями". В этой же радиограмме сообщили: "С 31 мая по 7 июня на шоссе Смоленск — Орша нами подорвано 11 автомашин противника. Из них три легковых. Два грузовика с живой силой, остальные с военными грузами. При взрывах убито и ранено до 40 солдат и офицеров. На двухкилометровом участке шоссейной дороги Красное — Рудня Изубры установлено 6 ПТМ-35. 10 июня один километр южнее Макаровки уничтожено 360 метров телеграфной и телефонной линии на участке

железной дороги Красное — Рудня".

Чем сложнее становились условия нашей работы, тем изобретательнее и хитрее мы действовали. Как-то ребята принесли из деревни Кисели объемистый джутовый мешок из-под сахара. На нем крупными черными буквами было написано: "Цуккер". Мешок собирались разрезать на портянки. Но, поразмыслив, решили устроить из него сюрприз для оккупантов. Особенно творчески к делу отнесся командир отделения Алексей Моргунов.

Перед заходом солнца 7 июня Моргунов и с ним Рогожин, Назаров, Горотко, Иванов, Келишев, Ерофеев и Широков вышли из лагеря. С собой ребята захватили, кроме мешка из-под сахара, гаубичный 152-миллиметровый снаряд, 9 килограммов тола в шашках и инерционный электрический взрыватель с часовым замыкателем.

Прибыв на место операции, омсбоновцы наполнили мешок сором и травой. Затем вложили в него артиллерийский снаряд, тол.

Была глухая полночь. Движение по шоссе в это время прекращалось. Келишев и Иванов еще раз осмотрели общее творение — сюрприз.

— Ну, как, ребята, похоже? — спросил Келишев.

— Похоже, и даже очень! — уверенно заявил Саша Назаров.

— Ребята, закройте глаза и представьте себе, что вы едете на машине и вдруг видите этот мешок. Какая мысль вам придет в голову прежде всего? спросил Моргунов.

Все засмеялись, загомонили.

— Какая еще мысль? — удивился Широков. — Не успеешь подумать, как прочтешь: "Цуккер".

— Точно! — поддержал его Иван Рогожин. — Сахар!.. А другие мысли не успеют прийти — поздно будет.

— Ну что ж, давайте кончать, — подвел итог Моргунов. — Поставим часовой предохранитель на час. Как, хватит?

— Вполне.

Толстой цыганской иглой с продетым в нее куском шпагата Иванов аккуратно зашил мешок. Выпрямился, протянул иглу Рогожину.

— Держи, Иван, пригодится еще. Берем, Леха. Понесли!

Вдвоем с Моргуновым они подняли тяжелую упаковку, отнесли на середину шоссе. Отошли и еще раз внимательно осмотрели сюрприз со всех сторон. Переглянулись, довольные сделанной работой.

— Ну, кажется, все! — сказал Моргунов. Поднял руку, добавил: Минутку! Тихо! — приложился ухом к сюрпризу,

прислушался.

— Ну как, работает? — склонился над ним Иванов.

— Еще бы! Механизм-то что надо… Пошли!

Мешок-сюрприз лежал на шоссе, производя впечатление случайно упавшего с проходившего транспорта. Начало светать. Омсбоновцы, затаившиеся на наблюдательном пункте, услышали нарастающий гул моторов. Из-за поворота шоссе показалась одна, а за ней — вторая легковая автомашина. Не доезжая метров пятьдесят до мешка-сюрприза, черный "мерседес" резко сбавил ход, подъехал к "цуккеру", остановился. Вторая легковушка затормозила с другой стороны мешка. Из "мерседеса" вышли трое. Из второй машины — двое. Офицер, которого хорошо было видно через бинокль, указал рукой на мешок с "цуккером", улыбнулся. Видимо, приказал что-то шоферу. Тот козырнул, шагнул к мешку, склонился на ним. И тут рвануло! Когда черный, остро пахнущий дым отполз в сторону, на шоссе никого и ничего не было видно. Только на месте взрыва чернела воронка, из которой поднималось облачко…

Под крышей

На шестой день, похода кончились продукты. Тяжелые ночные переходы и тревожные дневки в залитом весенними паводками лесу измотали ребят, а прошли по прямой всего пятьдесят километров.

Галушкин все чаще и чаще останавливался, поглядывал на тяжело шагавших ребят. Он хорошо понимал, что без еды далеко не уйдешь. Борис достал карту и обвел карандашом название деревни, стоявшей далеко от большака. Ребята окружили его.

— Пойдем сюда.

Через полчаса остановились на опушке. Виднелись избы небольшой деревеньки. Вечерело. На улице никого. Сели, стали ждать.

Из трубы крайней избы потянул дымок. На дворе показалась женщина. Галушкин поднял бинокль: из дома вышел седобородый старик с ведрами, скрылся в сарае. Где-то лениво залаяла собака.

Солнце ушло за грозовую тучу. Галушкин оглядел ребят, спросил:

— Ну как, рискнем?

— А что ж делать? Без жратвы дальше не пойдешь, — ответил Щербаков.

Его дружно поддержали. Галушкин вздохнул:

— Верно, ребята, ничего другого не остается. Сегодня или завтра, а в какую-то деревню зайти все равно придется. Лучше раньше, пока совсем не ослабли.

— Правильно, Лаврентьич, — поддержал командира Головенков.

— Значит, решено. Николая пока оставим здесь. За старшего Сергей. В случае тревоги нас не ждать. Двигаться по главному маршруту, оставлять ориентиры. Мы догоним. Понятно?

— Лаврентьич, а почему я? — недовольно забурчал Щербаков.

Галушкин не ответил, а только строго на него глянул.

— Видать, за смекалку тебя Борис в начальники выдвигает, — шепотом поддел Щербакова Маркин. — Станешь шишкой, не забывай нас, сирот.

— Давай, давай, иди, а то как бы я тебе сейчас шишек не наставил! огрызнулся Щербаков.

— Довольно вам! — прервал спорщиков Галушкин. — Пошли!

Трое перемахнули через изгородь крайней избы. Правдин и Маркин пошли осматривать двор. Галушкин приблизился к окну. Через небольшую щель в занавеске он увидел за столом старика,

женщину и мальчика лет десяти. Старик черпал деревянной ложкой из большой миски, разливал по тарелкам. При виде еды у Галушкина засосало под ложечкой.

— Ну, что там? — шепнул подошедший к Галушкину Правдин. — Похоже, что свои. Виктор, иди постучи. А ты, Паша, смотри в оба за двором, — приказал Галушкин.

— Кого бог послал? — послышался из-за двери хрипловатый голос.

Зашаркали шаги. Скрипнула дверь. На крыльцо вышел старик. Седые волосы его свисали на глаза.

— Кто такие будете, добрые люди?

Не отвечая старику, Галушкин спросил:

— Оккупанты в деревне есть?

— Нету, сынок, у нас германцев.

— Нам нужны продукты. Помоги, отец.

Старик кашлянул, чуть отступил.

— Да вы заходите в избу. Там и поговорим. Милости просим.

Блеснула молния. Громыхнул гром. Зашумела листвой береза. Старик перекрестился, пошел в избу. Галушкин последовал за ним.

— Послушай, отец, мы не одни. С нами больной.

— Да? — удивился старик. — Ничего, ничего, сынок. Всем места хватит, изба у меня просторная.

— Спасибо, папаша! — поблагодарил Галушкин.

После такого приема у всех как-то полегчало на сердце. Тревога улеглась, уступив место благодарности.

В переднем углу, где было много икон, мерцал огонек лампадки, вырывая из полумрака глаза какого-то святого угодника. Пучки засушенных трав лежали на божнице.

— Ну, ты, нехристь, шапку сними! Видишь, боженька сердится! — зашептал Правдин и толкнул Маркина в бок.

Маркин стащил с головы шапку. Галушкин глянул на них строго. Послал Маркина за остальными.

В комнате пахло едой. Женщина поднялась из-за стола, поклонилась, как-то испуганно посмотрела на партизан и будто хотела что-то сказать. Но старик тут же выпроводил ее в другую комнату. "Да, она нездешняя. Ишь, дед не дает ей хозяйничать", — мелькнуло у Галушкина.

Принесли Николая. Старик сам убрал со стола, пригласил партизан повечерять. Но они не сели за стол, пока не перевязали Рыжова.

Закончили перевязку, поужинали, закурили хозяйского самосаду. И тут всем до жути захотелось спать. Ребята молча посматривали друг на друга. Они еще не знали, где им придется

спать, но это их мало смущало. Главное — они были сыты и в тепле. А на дворе шумела гроза, в окна барабанил дождь.

— Вот тут располагайтесь. Я сейчас сенца принесу, — предложил старик, заметив, как они разомлели и стали клевать носами.

Борис глянул на занавешенное окно. "Хорошо, тепло в избе, но как в ловушке — ничего не видно и не слышно".

Чувство тревоги вдруг возникло и не покидало Галушкина. Оно, это чувство, заставило еще и еще раз изучающе поглядеть на хозяина.

— Ну, папаша, спасибо тебе еще раз. А спать, я думаю, нам лучше пойти на сеновал, если разрешишь. Зачем вас тут стеснять, — сказал будто бы совсем беспечно Галушкин.

— На сеновал, говоришь? Так ведь, пожалуйста! Оно и правда, там будет вольготней! — согласился хозяин.

Ребята стали собираться.

— Ну, пойдемте… Дождик-то, видать, поубавился. В просторном бревенчатом сарае опьяняюще пахло сеном. В отгороженном углу шумно вздыхала корова, неторопливо, с хрустом пережевывая жвачку. За дощатой перегородкой в другом конце сарая похрапывала лошадь, тихо позвания цепью. "Да, богато батя живет. Видать, побаиваются фрицы совать нос в отдаленные лесные деревни", — подумал Галушкин, вспоминая сытный ужин и оглядываясь по сторонам. Он хотел было напомнить старику о продуктах, чтобы завтра не беспокоить его. Но старик заговорил об этом сам.

— Вот тут, товарищи, и устраивайтесь. Отдыхайте на здоровье. Харчишек я вам приготовлю. — Он помолчал, потрогал бороду. — Бывалоча, в молодости я сам любил на воздухе поспать, благодать божья.

Повеселевшие ребята стали устраиваться на ночлег.

— Вот это да-а!.. Слышь, Пашка, никогда в жизни, поверишь, я не видел такой роскоши! — счастливо засмеялся Щербаков, ложась на сено. — Эх, братва, ну и храпанем же назло врагам!

— А где же тебе можно было увидеть эту роскошь? В своей жизни ты, наверное, дальше Сокольников и не путешествовал. Верно? — спросил Маркин.

Но Щербаков уже не слышал его, он спал.

— Эй, Коля, видал, какую я тебе царскую спальню устроил? — говорил Рыжову Андреев. — Поспишь на ней ночку, так сразу легче станет. Это же бальзам, а не сено!

Обмытый и перевязанный свежими холстинными бинтами, Николай благодарно улыбался. Хозяин, ухмыляясь в бороду, светил "летучей мышью". Только Галушкину стало не по себе.

Когда старик ушел, он, прикрыв ворота, сказал:

— Довольно резвиться. Укладывайтесь. Завтра подъем до солнца! Послушай, Паша, бородач этот… Что-то в нем есть такое, понимаешь? Глаза мне его не понравились. Смотрит он как-то… Будто из-за угла за тобой подсматривает.

— Ты так думаешь? — насторожился Маркин.

— Может, я и не прав, но какое-то предчувствие гложет.

— Да-а. Возможно, ты прав. И добрый он не в меру по нонешним временам. Живет богато. Не у многих здесь увидишь свежее сало. — Маркин помолчал. Лаврентьич, а давай-ка мы его, черта старого, за бороду тряхнем как следует?

Галушкин задумался. Потом махнул рукой:

— Да ну его к дьяволу! Провозишься с ним. А вдруг ошибка. Напрасно обидим человека. Отдохнем и уйдем пораньше, а там ищи нас.

— Вот это правильно.

Галушкин включил карманный фонарь, внимательно осмотрел сарай. В углу, где шумно вздыхала корова, он увидел люк с дверцей. Галушкин присел, окликнул Андреева, самого рослого из всех.

— А ну-ка, Леха, полезай! — сказал Галушкин, освещая квадрат дверцы.

Андреев удивленно посмотрел на командира.

— Вопросы после, а сейчас лезь, ну?!

Андреев пожал плечами, но полез в люк. Через некоторое время Андреев вошел в сарай.

— Ну, Леха, ход, как я и думал!

Андреев удивленно сообщил:

— Прямо в огород выходит, а за ним недалеко — лес.

— Вот и ладно. А теперь спать!

Головенков уже сладко похрапывал. Уснул и Николай. Галушкин постоял над ним. Он был доволен, что Николай как следует отдохнет. Да и им не мешает хорошенько выспаться. Только сутулая фигура старого хозяина с прищуренным взглядом продолжала вызывать беспокойство. Он поправил на раненом сползший полушубок. Маркину спать не разрешил. Тот вопросительно глянул на командира, вздохнул, но согласно кивнул.

В сарае наступила тишина. Слышно было только позвякивание цепи за перегородкой, где стояла лошадь, редкие стонущие вздохи коровы, а за стеной сарая шумела листвой береза, с крыши срывались капли и звонко капали в лужи…

Рассветало. На околице деревни показался конный отряд немцев. Офицер, ехавший впереди, поднял руку. Колонна

рассыпалась, всадники оцепили деревню. Часть их спешилась у двора старика. Каратели установили пулемет, нацелив его на сарай, в котором спали партизаны.

— Партизан есть шесть? — спросил офицер.

— Так точно, ваше благородие. И седьмой раненый, — услужливо зашептал старик.

Немецкий офицер довольно улыбнулся.

— Эй, рус, гутен морген! — крикнул он и спрятался за угол избы.

Сарай молчал. Гитлеровец еще раз крикнул. Но из сарая никто не отзывался.

— Почему молчат?

— Они, ваше благородие, больно измаялись за дорогу. Видать, крепко заснули, — подобострастно сказал предатель.

Офицер что-то крикнул. Человек десять солдат подбежали к нему. Он взял из рук одного из них гранату, швырнул. От взрыва ворота сарая разлетелись в щепки.

Солдаты вскинули автоматы. Ринулись в сарай. Через несколько секунд сильный взрыв потряс воздух. Из широких ворот вместе с клубами черного дыма выбежал солдат без каски. Он схватился за голову, постоял, пошатываясь, и рухнул лицом в лужу. Сарай загорелся.

Старик бросился со страху к дому и увидел белый квадрат бумаги на двери избы: "Приказ Народного Комиссара обороны…" Сзади подскочил офицер.

Лицо старика покрылось пепельной бледностью. "Как он мог допустить их до сарая, где люк? Оставить бы в избе. Эх-х, старый осел!.."

Офицер схватил старика за сивую бороду, дернул и сильным ударом сбил с ног.

Предатель скатился по ступенькам крыльца.

К избе подвели двух огромных овчарок. Псы жадно обнюхали крыльцо. И, заскулив и теряя слюну, стали рваться со двора.

— Форвертс! — крикнул офицер.

Происки врага

Моргунов и Широков возвращались перед рассветом в лагерь. Только что они наблюдали, как взлетел от их заряда на воздух однопролетный мост с эшелоном противника. Вдруг невдалеке прогрохотал взрыв. Минеры упали на землю и следом за взрывом услышали:

— Помогите-е-е!

— Что это? Как ты думаешь, Василь? — спросил тихо Моргунов. — Не мина ли?

— Похоже. А чья? Наших в этом районе нет.

— Фрицы на всех тропинках понатыкали их, сволочи! — со злостью сказал Моргунов. — Кто-то, видать, напоролся.

— Пошли посмотрим…

Осторожно двинулись в сторону взрыва. И скоро там, где еле заметная тропа вливалась в полянку, увидели двоих: парня в ватнике и девушку в парусиновом плаще… Парень лежал на спине, в руке зажат наган. Девушка уткнулась лицом в землю.

Послышался отдаленный топот бегущих. Моргунов и Широков юркнули в ближайшие заросли, затаились. А на поляне появились Голохматов и Секачев. Они зорко оглядывались по сторонам, держа оружие наготове. Моргунов условно свистнул. Голохматов вскинул автомат.

— Выходи!.. Это вы? — радостно крикнул Николай.

Моргунов кивнул на убитых.

— Завернули на звук взрыва.

— А как мост? — спросил Голохматов.

— Приказал долго жить!

— Молодцы!..

Они подошли к месту трагедии.

Во внутреннем кармане ватника у парня нашли советский паспорт на имя Фоменко. В том же кармане обнаружили две автобиографии, написанные неровно и со многими поправками. Скорее всего эти документы писались на ходу, в самолете или машине. При парне нашли и карту-пятикилометровку. На ней кружками были обведены места расположения партизанских баз. К этому времени мы уже переселились на новое место, о чем информировали Москву и передали координаты нашей новой дислокации. На карте же отмечена кружком наша недавно покинутая стоянка. Отряд Озмителя и местные партизаны находились точно на местах, очерченных на карте.

Оккупанты явно пытались внедрить в ряды партизан своих агентов.

В мае 1942 года немцы хотели сформировать из местного населения карательные части для борьбы с партизанами. Отказывающихся идти к ним на службу оккупанты расстреливали, отправляли в Германию на каторжные работы. Стараясь избежать мобилизации, немало молодежи уходило к местным партизанам…

И к омсбоновцам, бывавшим в деревнях, не раз обращались парни и девушки с просьбой принять их в отряд. Руководство местного партизанского отряда решило: пусть ребята идут в полицию, а получив оружие, приходят в лес. Оружия не хватало.

Оккупанты мало доверяли мобилизованным. Поэтому во вновь сформированные полицейские подразделения включали своих людей. Но бывали и такие случаи, когда агенты врага выступали как бы инициаторами ухода к партизанам, чтобы таким путем проникнуть в их ряды. В июне 1942 года, например, двадцать пять человек полицейских связались с местным отрядом и пришли в лес. Внимание партизан обратили трое из них. Они были старше всех в группе. Перед уходом в лес эта тройка "картинно", на глазах у всех избила старосту. В беседе с командиром отряда Талерко и комиссаром Мельниковым эти трое уж очень старались ругать оккупантов и предателей. Все это выглядело как плохо организованный спектакль. Талерко спросил:

— Послушайте, ребята, если вы действительно так сильно ненавидите оккупантов и их ставленников, то почему не приходили к нам раньше, а служили им?

Вперед выступил высокий парень лет тридцати, с большим носом на темном нездоровом лице.

— Так тогда ж, товарищ командир, мы еще ничего не знали об их истинных целях и подлых намерениях, а подсказать нам было некому.

— Точно! Все так, — в один голос подтвердили слова носатого двое его приятелей.

Во время разговора подошел молодой парень. Он недавно появился в партизанском отряде, бежав из эшелона, следовавшего в Германию. Увидев парня, носатый насторожился, старался не смотреть на него. А тот зло глянул на него и, повернувшись к Мельникову, тихо сказал:

— Товарищ комиссар, а вы попросите его рассказать, как он старательно помогал фрицам отправлять в Германию наших девушек и ребят из райцентра Каспли? Как издевался над ними?..

Мельников посмотрел на носатого. Тот нагло заявил:

— А что? Верно! Было такое дело. Я не скрываю. Тогда ж я служил у них и выполнял их приказы, а теперь пришел в лес, к

вам, чтоб, значит, искупить вину…

После допроса носатый и его напарники, припертые к стене неопровержимыми доказательствами их преступлений, признались, что к партизанам они пришли не по своей воле, а по приказу немцев…

Погоня

Было совсем светло, но группа Галушкина все шла, не останавливаясь на дневку, стараясь подальше уйти от деревни. Остановились только перед большим болотом. Маркин и Правдин с длинными шестами сразу пошли на разведку дороги. Прыгая с кочки на кочку, прощупывали дно и отмечали тропу вехами. Андреев готовился перевязать Николая. Сергея Щербакова Галушкин послал в дозор. Головенков нарезал еловые ветки, чтобы сделать настил для постели Николая. Решили немного отдохнуть перед болотом. Галушкин проверял оставшуюся "артиллерию".

Уходя из отряда, партизаны захватили с собой несколько противопехотных мин, усиленных добавочными зарядами тола. При необходимости эти мины можно было успешно использовать, что они уже и сделали, покидая сарай предателя.

Скоро с болота возвратились Маркин и Правдин. Сказали, что только метров около ста можно пройти по твердым кочкам, а дальше придется брести по "чистому" болоту. Андреев закончил перевязку, переложили Николая снова на носилки…

Всю дорогу от деревни до болота Николай молчал. Закусив до крови губы, терпел боль и не издал ни единого стона.

— Ну, Коля, как дела? — подошел к нему Галушкин. — Скоро придем, потерпи еще чуток.

Рыжов улыбнулся через силу.

— Я вам обуза, ребята… Оставьте меня где-нибудь в деревне.

— Это ты брось, — строго сказал Галушкин. — Все должны пройти. Оставить его! Что говоришь — понимаешь?

Николай промолчал, только благодарно посмотрел на Бориса.

Галушкин отошел от него. Сил не хватало смотреть на его бледное, измученное лицо с искусанными в кровь губами.

— Ребята, фрицы! — неожиданно появляясь перед костром, сказал Щербаков.

— Много? — быстро спросил Галушкин.

— Группа конных! До взвода! Идут по нашему следу!

Разобрали оружие, снаряжение, приготовились к бою.

— Маркин и Щербаков со мной! Остальные с носилками — на болото, быстро! — приказал Галушкин. — Сергей, как далеко отряд?

— Метрах в шестистах… Две колонны, — четко ответил Щербаков, чуть замялся. — Борис… Они овчарок ведут…

— Вот сволочи! — гневно сказал Борис, понимая, что это

самое худшее. Болото, бой — все привычно, а собаки… Найдут, догонят, выследят. Галушкин оглянулся. По болоту удалялись товарищи. Андреев и Головенков медленно и осторожно несли носилки. Правдин шел замыкающим.

Вот Андреев неловко ступил на кочку, носилки резко накренились. Над болотом пролетел короткий, словно крик подстреленной птицы, стон раненого. Галушкин, сжав зубы, резко отвернулся. "Только бы успели уйти!" Взял бинокль, ловко взобрался на сосну. Вот они, немцы… Остановились. Сгрудились. О чем-то совещаются, указывая руками в сторону молодого леса, в котором притаились партизаны.

— Борис, давай-ка я чесану их с дерева, а? — попросил снизу Маркин.

Щербаков щелкнул затвором, молча соглашаясь с Павлом.

— Отставить. На стрельбу они пойдут быстрее, — отрубил Галушкин.

Всадники тем временем рассыпались по лесу.

— Да-а. Неплохо придумали, сволочи, — пробурчал Борис. Снова оглянулся.

По болоту медленно брели ребята, они уже достигли границы, где кочки кончились. Парни остановились, стали поднимать Николая с носилок, Андреев подставил спину, качнулся…

— Черт! — вырвалось у Галушкина, он понимал, что иначе не пройдешь с носилками… Но смогут ли двое, Головенков и Андреев, дотащить по болоту Николая? Надо им помочь.

— Пашка, Сергей, давайте к ребятам. Маркин не двигался.

— Борис, я останусь с тобой.

— Приказываю идти на поддержку Алексею и другим, понятно? — Галушкин гневно глянул на Маркина, что случалось с ним очень редко. — Я один здесь сманеврирую. Марш!

Он почти скатился с сосны, взял пакет с миной, подсунул ее под еловую подстилку, запустил часовой механизм… А сам рванулся к болоту.

Борис прыгал с кочки на кочку, на ходу выдергивая вехи, указывающие безопасный путь через трясину. Не раз он срывался с кочек, падал, с трудом выбирался из болотной жижи и снова мчался. Омсбоновец хорошо знал, что теперь его жизнь зависит от того, как далеко он отбежит от стоянки, на которой вот-вот должны были появиться каратели. Не хватало воздуха, грудь разрывалась на части. Тучи комаров назойливо липли к мокрому лицу, слепили глаза, попадали в рот, нос, мешали дышать. Стена темного леса впереди, казалось, не приближалась, а, наоборот, удалялась. Стиснув зубы, выдернул последнюю веху. И побрел

уже по колено в болоте.

Наконец выбрался на берег. Там его ждал Маркин. Остальные ушли вперед.

— Успел? Молодец! — Павел широко улыбнулся.

Они залегли за огромными корнями старой ели. Ждать пришлось недолго. Каратели осторожно выходили к болоту. Впереди шел проводник с собаками. Псы повертелись на одном месте и настойчиво потянули к болоту. Появился офицер на коне. За ним второй всадник, третий… Офицер что-то крикнул. Двое соскочили с коней. Двинулись к болоту. И ступили на подстилку. Грохнул взрыв. Оба спешившихся и фриц, державший собак, исчезли, словно растаяли. Лошадь под офицером взвилась, понесла. Один кавалерист рухнул на землю вместе с лошадью.

Взрыв мины разметал карателей. Но на поляну выскочило еще несколько всадников.

— Пашка, огонь!

Дружный треск омсбоновских автоматов внес растерянность в ряды врагов. Они спешились, залегли, не сразу открыли огонь.

А освободившиеся от проводников овчарки рванули в болото. Зло рыча и повизгивая, псы неслись по кочкам.

— Глянь-ка, Паша, как звери чешут! — показал рукой Галушкин.

— А почему они рядом?

— Да они ж спаренные. Немец не успел снять с них ремни.

— Смотри, точно по нашему следу идут! — удивился Маркин.

Галушкин глянул на друга.

— Надо не выпустить их из болота.

Прыгнув с последней кочки, овчарки поплыли. Но скоро потеряли след, заскулили, завертелись на месте. Одна стала отставать. Видно было, как ремень, спаривавший псов, натянулся. Задняя овчарка еле-еле держалась на поверхности воды. Вот она окунулась с головой, а вскоре вовсе перестала подавать признаки жизни и потащилась на буксире. Наверно, ее задело взрывом, и она двигалась еще несколько минут в горячке. Второй пес, почуяв опасность, сильными прыжками рвался к берегу. Но ему мешала мертвая собака. Рывки становились все слабее и слабее. Выбившись из сил, и вторая овчарка замерла. Вскоре обе собаки исчезли в болоте. Галушкин и Маркин облегченно вздохнули. У покинутой стоянки никого не было, каратели оттянулись назад, в лес. Надо было срочно уходить.

Ночной курьер

Знакомый железнодорожник со станции Красное сообщил местным партизанам, что между Смоленском и Оршей курсируют мотоциклисты-связные, которые развозят по германским гарнизонам секретные материалы и оперативные карты. В ночь на 11 июня на Смоленск должен проследовать очередной такой курьер. Мы заинтересовались.

Командир отряда вызвал Моргунова, Келишева, Мокропуло, Широкова, Назарова, Ерофеева, Хохлова, Дубенского и своего адъютанта Рогожина.

Разработали план операции, быстро собрались и покинули лагерь.

К шоссе Смоленск — Орша подошли под покровом ночи. Осмотрелись. Выбрали изгиб автомагистрали, на котором курьер невольно должен сбавить скорость. Бажанов приказал Хохлову поразить мотоциклиста противотанковой гранатой (она взрывается мгновенно при соприкосновении с преградой), поскольку обыкновенная ручная граната для этой цели не подходила. Подстраховывал Моргунов. Мокропуло, Келишев и Широков стали метрах в ста ста двадцати ниже гранатометчиков.

Ночь была теплая, но пасмурная, ветреная. Выбрав небольшой бугорок на обочине шоссе, улеглись за ним. Стали думать, когда и как лучше бросать гранату, если мотоциклист будет мчаться со скоростью 60–70 километров в час (решили, что на изгибе шоссе ночью большей скорости не разовьешь). И сколько метров пролетит граната за секунду-полторы. Пока рассчитывали, издали донесся треск мотоцикла.

— Он?! — выдохнул Хохлов.

— Наверно. Спокойно, Валя. Приготовься!

Мотоцикл с притушенной фарой, казалось, мчался прямо на них. Сжав зубы, Хохлов выдернул предохранительную чеку, выпрямился и швырнул гранату в пролетавший мимо ревущий мотоцикл. В памяти Хохлова запечатлелся низко, к самому рулю, склонившийся мотоциклист, блеснули большие очки-консервы. Яркая вспышка ослепила гранатометчика, громом ударил взрыв. Не успев спрятаться за бугорок, Хохлов почувствовал удар в грудь взрывной волны и свалился в кювет. И сразу все звуки куда-то пропали, навалилось безмолвие. "Не попал? Промахнулся?!" — мелькнула тревожная мысль. Моргунов помог встать на ноги, сунул в руки винтовку, что-то одобрительно говорил, хлопал по плечу. Хохлов ничего не слышал. Он пожал плечами, коснулся пальцем уха, громко сказал: "Командир, я же не слышу! Я ничего

не слышу!" Моргунов кивнул — понимаю, мол! Махнул рукой в сторону шоссе.

Неудержимая сила инерции волокла мотоцикл еще метров сто, пока он не завалился на бок.

Хохлов по-прежнему ничего не слышал. Подошли к мотоциклу. Вокруг убитого немца суетились ребята. Забрали планшет с документами и оружие, труп унесли в кусты, подальше от шоссе. Машиной занялись Келишев и Мокропуло. Они искусно заминировали ее. Истратили шесть килограммов тола и противопехотную мину с инерционным взрывателем. На заряд набросили кожаную куртку, снятую с убитого, будто бы водитель на минуту отошел.

— Как там у вас?.. Готово?!

— Да, товарищ капитан. Все в порядке!

— Отходим!..

Днем вернувшаяся в отряд смена наблюдателей Алексей Кощеев и Иван Ерофеев, доложила, что рано утром у заминированного мотоцикла остановилась легковая автомашина. Из нее вышли офицер и два солдата. Немцы обошли подбитую машину, осмотрели обочины, кювет, видимо, искали мотоциклиста. Потом офицер махнул рукой. Наверное, приказал убрать мотоцикл с проезжей части шоссе. Солдаты повиновались.

…Сильный взрыв смел с шоссе и немцев, и их "опель-капитан".

Переправа

В сумерках группа Галушкина вышла к Березине: от весенних вод река выплеснулась из берегов, залила часть луга и шумела в кустарнике. Березина стала в два-три раза шире, чем была в марте, когда переправлялись через нее всем отрядом.

Стали сооружать плот. Обстругали четыре длинных шеста, связали квадратом. Натянули плащ-палатку, на углах плота укрепили узлы из плащ-палаток со снаряжением — своеобразные понтоны. Плот получился легкий и устойчивый. Погрузили на него носилки.

Пока работали, совсем стемнело. Разделись. Первым в воду вошел Маркин. За ним двинулся Щербаков. Река оказалась не такой спокойной, как виделось с берега… Маркин вдруг вскрикнул и скрылся под водой. Щербаков схватил его за волосы.

— Ты куда?.. Не торопись пузыри пускать.

— Тут обрыв!

— А ты плыви.

— Что за шум? — послышался с берега строгий голос Галушкина.

Через десять минут Маркин и Щербаков подали условный сигнал: все в порядке.

— Приготовиться к переправе! — тихо скомандовал Галушкин.

Партизаны взяли плот с укрепленными на нем носилками. Осторожно вошли в реку. Плот легко держался на воде.

— Порядок. Вперед!

Подталкиваемый сильными руками, плот двинулся поперек реки. Но скоро его подхватило и понесло. Пловцы упорно боролись с течением, однако без успеха. Плот скрылся за поворотом, в тени высокого крутояра. Борис шагнул к воде, намереваясь пуститься вплавь. Но два длинных луча вдруг пронзили темноту, осветили верхушки деревьев, потом спустились ниже… и ударили Галушкину в глаза. Раздался приглушенный гул моторов.

Крытый грузовик, перевалив через бугор, шел по лугу к реке. За ним показался второй. С завывающим гулом о" и приближались к Березине. Галушкин развязал узел, достал запасные диски к автомату. "Еще чуть-чуть, — думал он, — и они обнаружат ребят".

Борис прицелился. Треск его автомата разорвал тишину. Нить трассирующих пуль зависла дугой. Звякнуло разбитое стекло. Передняя машина рванула, словно подстегнутый плетью

конь. В следующее мгновение грузовик с грохотом исчез с глаз долой, зашумела вода. Галушкин дал еще очередь, отбежал вверх по реке, затаился. Второй грузовик остановился недалеко от берега. Из кузова попрыгали солдаты. Залегли, стали стрелять. Пули засвистели над головой.

Борис отходил против течения, увлекая немцев за собой. Метрах в двухстах от переправы он прекратил огонь. Враги за ним не пошли. Стрельба стихала. Загудел мотор. Не включая света, грузовик развернулся и пошел прочь от Березины.

Галушкин вернулся к месту переправы, свистнул. С того берега ответили. "Живы!" Он вошел в воду и поплыл, толкая перед собой узел.

Добравшись до берега, Галушкин увидел под кручей пять белых фигур.

Ребята радостно загомонили.

— Ой, Лаврентьич, такое было, плот понесло, еле выбрались… И стрельба! — кинулся ему навстречу Правдин.

— А чего это вы голяком мерзнете?

— Мерзнем? Что ты, Лаврентьич, нам так жарко было, что до сих пор пот льет ручьем! — сказал Виктор. — Лаврентьич, чего это они так свободно разгуливают? Даже свет не маскируют, газуют, как дома! — не унимался Правдин.

— Да, Витька, ситуация действительно была, черт бы ее побрал. А шляются, наверно, потому, что тут партизан мало. А может, заблудились. Ну ладно. Надо уходить, ребята, а то еще надумают возвратиться. — Галушкин склонился над носилками. — Коля, жив?

— Жив, Лаврентьич.

Руки раненого белели на плащ-палатке. Борис увидел пистолет.

— Николай? Ты что, не сражаться ли приготовился?

— Думал, что и мне придется, — голос раненого дрогнул.

— Прячь оружие, Коля, — командир положил руку на горячий лоб Рыжова. Все будет хорошо. Мы с тобой, Коля, еще на ринге после войны не раз встретимся.

Галушкин легонько похлопал его по плечу. Николай глубоко вздохнул.

Ребята быстро разобрали плот, оделись и зашагали на восток, торопясь за остаток ночи пересечь широкую полосу безлесья.

Партизанская баня

Немецкие подразделения и полицейские отряды, с конца апреля стоявшие в ряде ближайших к нам населенных пунктов, неожиданно исчезли.

Частые передвижения по большакам и проселкам, не менее частые обстрелы леса ничего не дали противнику, кроме бесполезной траты боеприпасов и потери людей, ежедневно подрывавшихся на наших минах. Мы, конечно, понимали, что большую роль в неудачных действиях карателей сыграли еще и огромные размеры лесного массива, по которому партизаны могли свободно маневрировать, уклоняясь от открытых встреч с врагом. Чтобы успешно прочесать такую обширную территорию леса, оккупантам надо было иметь не сотни, а тысячи солдат и офицеров.

После ухода вражеских гарнизонов мы вздохнули свободно.

Давно наступило лето, а мы все еще ходили в ватных брюках и полушубках. Куртки и гимнастерки сильно порвались. Нательное белье износилось. Мы, конечно, как могли, латали остатки одежды, каждый день купались в лесных ручьях и озерцах, в общем, поддерживали "внешний вид". Но так хотелось помыться в настоящей бане!

И вот такая возможность появилась. На околице небольшой деревни Шарино стояла небольшая рубленая банька. С раннего утра ее затопил дед Захар, наш старый друг и связной. Накануне он собрал по деревне кое-какое бельишко, одежонку. Отдал нам и тряпки, оставшиеся от умершей бабки, сказав при этом: "Берите, сынки. На бинты али еще на что пригодится. Ей теперь, сердешной, ничего не потребуется".

Два отделения с командиром отряда парились первыми. Время перевалило за полдень.

Часть ребят мылась, остальные несли охрану.

Дед Захар кочегарил, не жалея дров. Подливал воды в котел. Давал советы:

— Баньтесь, ребятки, на здоровье. Это дело даже очень полезное. Сам страсть как обожаю похлестаться березовым веничком. Чуть заломит иде, вялость стариковская али хворь какая навалится, тут тебе банька — первое дело. Как рукой все сымает. В мирное время, бывалыча, каждую пятницу. Да-а. Непременно. А как же!

Настроение у ребят было веселое и праздничное. Ведь за три долгих месяца пребывания в тылу врага впервые мылись в настоящей бане! Особенно в хорошем настроении находился

Николай Голохматов, главный организатор этого санитарно-банного мероприятия.

Те, что вымылись и оделись, отдыхали в тени деревьев. Подошел Голохматов. Проверив наличие людей, он нахмурился, спросил:

— А где же фельдшер и Мокропуло?

— Моются.

— Сколько же можно? Сандуны им тут, что ли? — сказал и, хитро подмигнув ребятам, скрылся за баней.

Через минуту оттуда вылетел Иван Мокропуло с ППД в руках. Длинные мокрые волосы торчали во все стороны. На густой бороде и усах белели клочья мыльной пены. Глаза навыкате. Женская холщовая рубаха, еле натянутая на мощный торс лыжника, трещала по всем швам. Узкая в подоле рубаха мешала ему нормально шагать. Мелко перебирая босыми ногами, Мокропуло настороженно оглядывался по сторонам.

— Где? Где немцы?! — орал он, взмахивая автоматом и глядя на ребят, которые зашлись от смеха.

Следом из бани выбежал Вергун. Он был голый, маленького роста, но широк в плечах, кривоногий. Реденькие светлые волосы локонами липли к широкому лбу. На плече лекаря висела медицинская сумка. В правой руке чернел пистолет ТТ, а левой он стыдливо прикрывался какой-то женской одежонкой. (Мужское чистое белье разобрали другие.)

Увидев их в таком виде и догадываясь, в чем дело, ребята хохотали так, что в деревне всполошились и залаяли собаки. Из ближайших изб стали выбегать люди.

Поняв, что их разыграли, Иван и Вергун не знали, что делать. Обижаться — глупо, смеяться не очень хотелось…

Мокропуло и Вергун быстро скрылись в предбаннике. А из-за бани показался Голохматов, обливаясь слезами от смеха.

Подобные незлобивые шутки и розыгрыши, кончавшиеся общим весельем, как-то здорово помогали снять физическую и нервную напряженность, разрядиться.

Майор Коровин

Двенадцатого июня 1942 года мы получили из Центра радиограмму, в которой говорилось:

"Для Коровина. Ответьте на наши позывные. Срочно подготовьте площадку для сброски отрядам грузов и посадочную для "Дугласа-ЗР-5", с командиром Ивановым. Сообщите координаты площадок, условия новых сигналов для самолетов, день вылета сообщим".

Получив эту радиограмму, мы задумались.

Кто такой Коровин, мы хорошо знали. Майор Петр Алексеевич Коровин командовал 3-м батальоном 1-го полка ОМСБОН. Коровина назначили командиром группы из четырех отрядов. До линии фронта все мы следовали одной автоколонной. В тыл ушли порознь. И с тех пор мы ничего не знали о судьбе тех четырех отрядов.

Из полученной нами радиограммы стало ясно, что майор Коровин связи с Москвой не имеет и находится где-то недалеко от района расположения нашего отряда. Но где?

В то время у нас было всего тринадцать боеспособных человек, включая командира отряда, фельдшера, радиста и меня. Поэтому в Москву мы сообщили, что распоряжение Центра майору Коровину немедленно передать не можем, поскольку связи с ним нет.

Спустя много лет командир группы из отряда старшего лейтенанта Матросова Масляков Виталий Алексеевич рассказал, что отряды майора Коровина в то время находились в районе города Дорогобужа, что в ста сорока — ста пятидесяти километрах от места нашей тогдашней дислокации. От Маслякова мы узнали и страшную трагедию, которую пережили омсбоновцы.

В первых числах июля 1942 года они, выполнив задание Центра, объединились вблизи крупного поселка Миллерово и двинулись под командованием майора Коровина к линии фронта с целью пересечь ее и выйти на Большую землю. (Отряд капитана Артамонова в тот момент находился в другом районе. Он перешел линию фронта самостоятельно…)

Однако место перехода фронта вблизи Варшавского шоссе было выбрано неудачно. Там находилась глубокоэшелонированная линия фронта противника…

Следуя по новому маршруту, омсбоновцы неожиданно оказались в тылу карателей. И двинулись в сторону фронта, стараясь оторваться от противника. Все населенные пункты,

лежавшие на пути, были заняты немцами. Омсбоновцы пробивались лесами и болотами, не имея продовольствия. Питались лишь тем, что находили в лесу.

Недалеко от Варшавского шоссе, в районе Юхнова, близ деревни Савинки, отряды Коровина были вынуждены войти в оборону немцев. Рядом была линия фронта. Решили переходить ее отдельными группами.

Вечером двинулись к передовой. Но до рассвета не успели достичь цели. Задневали в густом кустарнике, заняв круговую оборону.

На рассвете немецкая разведка обнаружила омсбоновцев, и начался бой, который длился весь день. Каратели имели колоссальное преимущество в численности и в боевой технике; использовали крупнокалиберные и обычные пулеметы с разрывными пулями, минометы и орудия…

Несмотря на огромное превосходство сил противника, бойцы и командиры наших отрядов вели бои до последнего патрона, бились до последней капли крови, смело вступали в рукопашные схватки.

В этом неравном жестоком бою погиб почти весь личный состав трех отрядов. Тяжелораненых каратели захватили в плен. В том числе и командира омсбоновских отрядов майора Коровина. Очнулся он в кузове вражеского грузовика. Долгие дни в лагерном госпитале были настоящим кошмаром. Только забота и помощь товарищей по плену помогли Коровину стать на ноги и бежать на волю…

Не избежал пленения и Виталий Масляков.

В том бою он был ранен в обе руки, в правое плечо и в лицо. Разрывная пуля разворотила ему подбородок так, что он не мог ни пить, ни есть самостоятельно. Всех раненых омсбоновцев каратели поместили в лагерный лазарет. Маслякова, находившегося без сознания, бросили в палату смертников, не оказав ему никакой медицинской помощи. В этой же палате находилось еще несколько тяжело раненных советских воинов из других частей. Эти товарищи и спасли омсбоновца. Он выжил. Вскоре его с группой раненых перевезли в концентрационный лагерь города Борисова.

После того как Маслякcв выздоровел, он бежал и примкнул к местным партизанам.

Тревога

Готовясь к очередному переходу, галушкинцы услышали собачий лай. Насторожились. Галушкин поднял руку.

— Не за нами ли это?.. — тихо спросил Иван Головенков, поворачиваясь в сторону, откуда доносился лай.

— Черт их знает. Может, и нет. Но собаки могут легко взять и наш след, — ответил Борис, хмурясь, и озабоченно посмотрел на носилки.

Лай то смолкал, то возобновлялся. Не было сомнения: собаки приближались.

— В ружье!

Надели вещевые мешки, взяли оружие. Галушкин внимательно заглянул в глаза каждому, сказал:

— Надо их отвлечь… Павел и Сергей останутся здесь. Маркин за старшего.

— Есть, товарищ командир! — четко ответил Павел. Так они обращались к Борису в минуты опасности.

Галушкин разложил на траве карту (во время похода она постепенно все больше становилась похожей на старый застиранный носовой платок…).

— Смотрите внимательно. Вот тут болото. Мы пойдем к нему. Постараемся найти клочок твердой земли, там будем ждать вас до утра. По пути оставим знаки. Собак не подпускайте. Бейте! — Он подошел к ребятам, молча пожал руки. — Удачи!

Маркин и Щербаков не уходили, пока не увидели, как их товарищи с носилками скрылись за деревьями.

Несколько минут омсбоновцы стояли у разбросанного костра. Щербаков опустил глаза и, казалось, внимательно рассматривал носки истоптанных сапог. Маркин затянул еще на одну дырку пояс, крикнул:

— За мной! — и сорвался с места.

Он побежал навстречу собачьему лаю. Щербаков за ним.

— Сергей, ты помнишь речку, что утром переходили? — спросил Маркин, замедляя бег.

— А как же!

— Побежим к ней. Может, она нас выручит.

— Там же всего по колено!

— Ничего, главное — следов на сухой. земле не оставлять.

И они снова побежали, время от времени стреляя в воздух.

Когда Маркин и Щербаков добрались до речки, лай слышался где-то в ее верховьях. С разбегу ребята влетели в воду. Спотыкаясь о подводные корни, они побрели по течению и скоро

увидели огромное бревно, перекинутое с одного берега на другой. Маркин сел на бревно, стал стягивать сапоги.

— Давай снимай и ты, живо!

— Это еще зачем?

— Снимем сапоги, и следы наши тут прервутся. Ясно теперь?

Подоткнули сапоги голенищами за пояс, побежали дальше по дну речки.

Вскоре остановились под вековой сосной, протянувшей толстые ветки над водой. Вокруг толпились молодые березки и еще какая-то густая поросль, уже успевшая одеться молодой листвой. Маркин осмотрелся, подпрыгнул, ухватился за толстый сук, подтянулся на руках и через секунду был на ветке.

— Давай сюда.

Сергей перевесил автомат и вскарабкался к Маркину.

Лай собак приближался. Партизаны поднялись к самой вершине сосны, откуда земля и вода едва виднелись.

— Ну, Сергей, — похлопал Маркин товарища по мокрой спине, — теперь держись!

Вскоре затрещали сучья, донеслись приглушенные человеческие голоса. Через речку шумно перебежали двое оборванных мужчин. За ними еще человек пять.

Они быстро скрылись в зарослях на другом берегу. Тут же внизу замелькали немецкие солдаты. Ребята-омсбоновцы во все глаза смотрели вниз. Дыхание их останавливалось, сердца, казалось, бились так, что вот-вот готовы были выпрыгнуть наружу.

Фашисты ходили под сосной, рассматривали свежие следы. О чем-то возбужденно разговаривали. Лай собак то удалялся от речки, то возвращался. Овчарки жалобно поскуливали, видно, потеряли след.

Издали послышалась трель свистка, рванула воздух очередь. К сосне подбежала группа немцев, впереди офицер. Гитлеровец громко скомандовал:

— Форвертс!

Солдаты скрылись.

— Ух ты! Кажется, пронесло, — облегченно выдохнул Щербаков и смахнул пот со лба.

Галушкинцы шли без остановки.

Вдруг с той стороны, где остались Маркин и Щербаков, захлопали выстрелы. Галушкин поднял руку. Остановились. Носилки опустили на землю, прислушались.

— Сошлись? — спросил Правдин.

Выстрелы слышались с интервалами. Галушкин ответил:

— Видать, еще нет. Но стреляют наши. Похоже, что фрицев на

себя отвлекают.

Борис закрыл глаза и представил, как Паша и Сергей бегут навстречу немцам, изредка постреливая, чтобы привлечь внимание фрицев к себе. Он встряхнул головой, встал:

— Ну, ребята, хватит отдыхать. Пошли! Дотемна надо островок найти.

Молча подняли носилки, двинулись за командиром.

Выстрелы давно смолкли, не стало слышно и лая собак. Под ногами захлюпала вода. Решили идти до тех пор, пока не встретят сухую землю. Но солнце село, наступила ночь, вода доходила до колен, а желанного островка все еще не было. Остановились в густом осиннике, стеной вставшем на их пути. Носилки подвесили на веревках к стволам деревьев. Натянули плащ-палатку, нарубили жердей, уселись на них, словно куры на насестах. Нудно гудели и зверски кусались комары. Партизаны привязались поясами к деревьям, затихли.

…Галушкин открыл глаза. Дрожа и ежась от холода, замахал руками, стараясь согреться. Небо казалось холодным и твердым. Слез с жерди. Вода заполнила сапоги. Обожгла холодом ноги. Скрипнув зубами, Борис снова сел на жердь. Окликнул Андреева.

— Слушаю, товарищ командир!

— Пойдешь по нашим следам. Жди нас у выхода из болота. Ребята должны прийти туда. При встрече с противником — три одиночных выстрела. Ясно?

— Ясно, товарищ командир!

— Ну, Леха, иди. Будь внимателен и осторожен.

Вскоре они побрели за Андреевым. Встретились с ним на условленном месте. Посоветовавшись, двинулись дальше, надеясь, что Маркин и Щербаков выйдут навстречу. Двигались лесом или редким кустарником. Внимательно вглядывались в свежую зелень, боясь пропустить ребят. Каждый шаг давался с трудом: ноги путались в высокой траве, натыкались на пни. Выбившись из сил, остановились на краю просеки. Решили отдохнуть. Курили остатки махорки. Время тянулось страшно медленно.

Вдруг хрустнула ветка. В просвете между деревьями что-то мелькнуло. На просеку метрах в двадцати от них вышли двое с мешками за спиной и автоматами в руках.

— Лаврентьи-ч, да это ж они! — ликующе сказал Правдин.

— Точно! Эй, робинзоны! Марш сюда! — крикнул Галушкин, выходя на просеку.

Те радостно кинулись к своим.

Маркин и Щербаков принесли немного картошки, которую отыскали в подвале полусгоревшего дома лесника…

Партизаны

Очередная дневка не сулила галушкинцам неожиданностей. Борис внимательно осматривал местность вокруг стоянки, сверял с картой.

Все ждали, кому командир прикажет дежурить: первая смена была самой тяжелой.

— Эх, ребятки, — заговорил мечтательно Правдин, — какая у нас жизнь до войны была! Бывало, получишь стипендию и массовым кроссом мчишься в столовую. А там? "Флотский борщ есть?" — "Есть". — "По две порции на брата!" — "Гуляш имеется?" — "Пожалуйста". — "Нет, это блюдо оставим до более обеспеченного времени". — "Компот?" — "И компот есть". — "По три стакана на брюхо!"

Галушкин засмеялся.

— Ты чего, Лаврентьич? — повернулся к нему Правдин.

— А помнишь, как с сельхозвыставки ехали?

Правдин задумался на секунду:

— Когда гуляли на Пашкин день рождения?

Но им не удалось поговорить о том, как в день своего рождения Пашка несколько часов оставался заложником в такси, пока ребята не раздобыли денег и не выкупили его из плена. Захлопали выстрелы.

— В ружье! — скомандовал Галушкин.

Стрельба с каждой минутой становилась все интенсивнее. Скоро стали слышны голоса людей, ржание коней.

Ребята прислушались…

— Сдается, Лаврентьич, что это партизаны! Прислушайтесь — ка… Видно, фрицы поприжали их, слышите? — сказал чуткий на ухо Щербаков.

— Надо помочь! — сказал Маркин.

— А здесь кто останется?.. — спросил Галушкин. — Хотя сделаем так: Андреев и Головенков остаются с Николаем. Остальные за мной!

Ребята двинулись на звуки стрельбы.

Лес кончился. В пойме извилистой речки виднелись нагруженные телеги, к которым были привязаны коровы. Около телег растерянно суетились люди. А из ложбинки, заросшей густыми кустами, фашисты вели сильный огонь из пулемета и автоматов. С берега реки, из-за кручи им отвечала охрана партизанского обоза.

— Разберись тут, где свои, где чужие… — бурчал Правдин, выглядывая из-за елки.

— В ложбинке полицаи и немцы! — сказал Галушкин, опуская бинокль. Вон их серо-зеленые шкуры виднеются… А тут явно партизанский обоз.

— Приготовиться! Маркину и Щербакову подавить пулемет! Я веду огонь по правому, Правдин — по левому флангу! Огонь! — приказал Галушкин.

Неожиданное вмешательство ошеломило сражавшихся. Огонь прекратился с обеих сторон. Но через минуту бой возобновился. Засевшие у речки, видя неожиданную подмогу, воспрянули духом. А немцы и полицаи, попав под перекрестный огонь, растерянно отстреливались.

Замолк вражеский пулемет. Все реже били автоматы. Фашисты уползали по ложбине. Из леса появились десятка два конников. С гиканьем и свистом всадники понеслись на отходивших серо-зеленых. Всмотревшись, Галушкин удовлетворенно сказал:

— Лесная кавалерия в атаку пошла!

— Ну, ребята, теперь, кажется, все ясно, — сказал Галушкин и вышел на поляну. К Галушкину подскакал молодой усатый мужик. Кепка была лихо сдвинута на затылок, черные глаза горели, в правой руке его поблескивала шашка.

— Смотри-ка, прямо Чапай! — от восхищения ахнул Правдин.

— Кто такие?! — строго крикнул тот.

Горяча коня, всадник сурово глядел на галушкинцев, так и норовя потеснить их.

— Ты что, Черняк?! Не видал разве, леший, как они в тыл фрицам ударили?

— Извиняйте, браты, погорячился малость. Спасибо вам за подмогу! вмиг остыл кавалерист. Он ловко кинул шашку в ножны и соскочил с коня.

К ним подходили люди, подъезжали скрипучие возы, на которых среди мешков и оружия был домашний скарб, дети, раненые, женщины…

— Прижали нас, проклятые германцы, ни туды ни сюды, хоть кротами в землю лезь! — говорил пожилой партизан.

— Верно! Думали, совсем пропали, а тут вы! Ух и помогли ж, хлопцы, право слово. Спасибо! — причитал другой мужик.

— И откедова вы такие геройские взялись? — спросил старик с окладистой бородой, в рваном брезентовом дождевике.

Черноусый всадник оказался командиром небольшого партизанского отряда. Он рассказал, что они переселяли свои семьи в лес, так как немцы собирались угнать в Германию молодежь, а стариков, детей и женщин уничтожить.

Уложив Николая на телегу, группа Галушкина двинулась в

лагерь партизан.

День погостили ребята в местном отряде, за это время они о многом переговорили с партизанами. Некоторые сведения о противнике в прифронтовом районе Галушкин записал.

Партизаны дали галушкинцам продуктов и проводника. Он взялся провести группу в район Щучьего озера, где можно перейти через линию фронта.

К своим!

— Знаете, ребята, если мы будем так шагать и дальше, то через пару ночей разорвем финишную ленточку! — сказал Галушкин.

Он сидел под деревом и внимательно рассматривал куски своей карты. Омсбоновцы окружили командира.

— Вот здорово!

— Слышишь, Коля, скоро дома будем! — радостно сказал Андреев.

Николай слабо улыбнулся. Лицо его за этот рейс исхудало, потемнело, заострилось. Ребята с тревогой поглядывали на него — казалось, жизнь покидала парня. Скорее надо его доставить к врачам, в госпиталь!

Определили место стоянки. Галушкин, Маркин, Андреев, Щербаков и проводник пошли на разведку.

Они вышли на широкую просеку. На пригорке среди раскинувшихся полей виднелись избы. Галушкин поднял бинокль. По дороге двигалась колонна. Голова ее уже приближалась к лесу.

— Кто это? Солдаты? — спросил Андреев, снимая с плеча автомат.

— Нет, ребятки, по-моему, это не войско, — сказал проводник. — Не любят германцы по нашей земле пешими ходить. Они больше на грузовиках да на мотоциклетках. Это пленные…

Чем ближе подходила колонна к лесу, тем отчетливее были видны изможденные грязные лица, рваное обмундирование.

Покачиваясь из стороны в сторону, пленные, точно призраки, проплывали перед партизанами, притаившимися в кустах.

Сильный конвой гитлеровцев сопровождал эту колонну полуживых людей. Овчарки рвались с поводков, хватая зубами тех, кто отклонялся с дороги.

— Лаврентьич, ведь это наши, советские! — горячо прошептал Галушкину Андреев.

— Вижу!

— Может быть, попытаемся!

— О чем ты?

— Нападем?

— Не говори глупостей!

Галушкин оборвал товарища, хотя с тех пор, как увидел военнопленных, эта же мысль неотступно преследовала и его. Но в ста метрах от дороги лежал раненый Николай. Если им удастся убить десяток фашистов, то остальные не оставят омсбоновцев в

покое. Овчарки быстро возьмут след. А документы? Разве можно рисковать?

— Мало нас, Алеша, очень мало. Перебьют и нас и пленных. Сволочи!

А пленные все шли и шли. Иногда слышались короткие стоны, вздохи, хриплый кашель. В конце колонны, еле передвигая ноги, тащились самые слабые. Партизаны обратили внимание на высокого белокурого юношу, на глаза которому поминутно сползала грязная повязка. Он поправлял ее забинтованной рукой, но слипшиеся бинты снова сползали на глаза. Полуобняв его, рядом шагал чернявый босой парень с орлиным носом. Правой рукой он опирался на палку. Оба пленных жадно смотрели на колонну, от которой они отставали.

— Форвертс, форвертс! Русише швайне! — Дюжий конвоир замахнулся автоматом на высокого.

Чернявый парень шагнул навстречу и загородил товарища, которого фашист намеревался ударить. А белокурый сделал еще несколько неуверенных шагов, зашатался и, хватая воздух руками, тяжело повалился на дорогу.

Автоматная очередь прокатилась по лесу. В колонне громко вскрикнули… Чернявый оцепенел на секунду, а потом с громким рыданием закричал:

— Звери-и-и! Убийцы-и-и!

Он бросился на конвоира и вцепился ему в горло. Неожиданное нападение ошеломило фашиста. Это помогло военнопленному свалить немца. Началась отчаянная борьба. Но к ним тут же подбежали другие конвоиры. Они отшвырнули парня. Чернявый снова кинулся на врагов. Застрочил автомат. Выронив палку, пленный схватился за грудь, шагнул раз, другой и повалился в пыль…

У партизан перехватило дыхание. Они напряглись, готовые броситься на фашистов. Только предупреждающий знак командира остановил их от безумного порыва.

— А-а-ах! Палачи-и-и! — вдруг со стоном выдохнул Андреев и вскочил на ноги.

Щелкнул затвор его автомата. Галушкин успел схватить Андреева за ногу и повалить на землю.

— Тихо! Эх ты, вояка! Совсем голову потерял, дурак! — с горечью сказал Галушкин. — Разве мы можем… Не имеем права.

Андреев вздрагивал от рыданий.

— Не выдержал… — бормотал он.

— Не выдержал, — вздохнул Галушкин. — Стоило бы нам встрять, как они перестреляли бы всех военнопленных. Да и нас…

Партизаны вышли на дорогу. Андреев взял чернявого на

руки, заметил, как у того дрогнули ресницы.

— Ребята!.. Смотрите, он жив! — радостно крикнул Андреев.

Пленный застонал, потом заговорил:

— Где? Где он?

Ребята догадались, о ком тот спрашивает.

— Он здесь, рядом с тобой, — сказал Андреев.

— Кто вы?

— Партизаны.

— Спасибо, товарищи. Я Георгий… Шенге… Саня… он…

Никаких документов у погибших не оказалось. У чернявого в кармане гимнастерки нашли лишь маленькую фотографию, обернутую в полуистлевшие листки бумаги, видимо, обрывки письма на грузинском языке. На фотографии еще можно было различить девушку в широкополой шляпе. Карточка обошла всех партизан. Они молча рассматривали улыбающуюся девушку на фотографии, залитой кровью.

Лесное озеро, похожее на огромное блюдо, застыло, четко отражая небо и густой лес.

Галушкин вслушивался в гул артиллерийской стрельбы, которая то накатывалась громовыми раскатами, то вдруг затихала. Теперь, судя по звукам, до линии фронта оставалось каких-нибудь пять-шесть километров.

В отряде, наверное, уже не раз запрашивали Большую землю: где, мол, Галушкин? Не вышел еще?.. А вдруг отряд накрыли? Ведь там осталось больше больных и раненых, чем здоровых!

— Лаврентьич, ты чего не спишь? — прервал его раздумья Маркин. — Давай храпи, а то заставлю вместо себя дежурить.

Галушкин посмотрел на уставшее заросшее лицо друга. Как изменился за время похода этот жизнерадостный и веселый парень! Борис видел, как слипались у Павла глаза, как неудержимо клонилась на грудь голова.

— Товарищ дневальный, не кажется ли тебе, что надо побриться?..

Маркин потрогал подбородок, сделал удивленное лицо.

— Смотри-ка, действительно зарос. Странно. Я же брился перед выходом из отряда.

— Возможно. А ты знаешь, сколько дней мы в походе?

Маркин подумал минутку, почесал затылок.

— Я, Боря, не влюбленный, дневника не веду. Но думаю, что уже больше двух недель.

— Сегодня, Пашенька, восемнадцатый день, как блукаем по лесам.

— Да-да, выходит, уже время и побриться. — Маркин потрогал себя за бороду.

Галушкин кивнул.

— Вот так-то, Паша! Ну, смотри тут.

— Хорошо, Боря, спи.

Галушкин натянул на голову плащ-палатку, а Маркин взял автомат и пошел на дежурство.

Солнце наконец перевалило через лес, стало пригревать, потянул ветерок, закачал верхушку огромной сосны, под которой присел Маркин. Старые ветки заскрипели, а Маркину сквозь назойливую дремоту казалось, что кто-то живой кряхтит, стонет и подкрадывается к их стану. Павел вскочил, вскинул автомат, огляделся по сторонам, но вокруг было спокойно. Когда становилось невмоготу бороться со сном, он шел к озеру, плескал в лицо холодной водой…

Кончился и восемнадцатый день. Галушкинцы готовились к ночному переходу. Проводник лущил сосновые шишки, собирал в шапку мелкие маслянистые орешки. Партизаны чистили оружие, чинили одежду, Галушкин на ощупь старательно скреб бритвой подбородок. В путь не торопились, ждали, пока совсем стемнеет…

— Ну, ребята, надо трогаться, — сказал Галушкин, поглядев на часы.

С проводником простились на узкой лесной тропе, которая вела к линии фронта. Крепко пожимая руки партизанам, проводник сказал:

— Прощевайте, ребятки, остерегайтесь. Сдается мне, что до фронта совсем рукой подать.

— Ничего, папаша, прорвемся, — сказал Галушкин. — Спасибо тебе. Передай привет товарищам.

— Счастливого вам пути. Будете возвращаться к себе в отряд, заглядывайте к нам.

Ребята подняли носилки, а проводник снял шапку и так стоял, пока омсбоновцев не поглотил лес.

Где-то совсем недалеко была линия фронта. Но где она точно?.. Иногда слышался гул пролетавших самолетов. Тогда казалось, совсем рядом торопливо бухали зенитки. В небе сверкали вспышки разрывов. Над лесом взлетали ракеты. Омсбоновцы внимательно смотрели на россыпь разноцветных огоньков, стараясь определить, какую команду и кому они подают.

Тревожная была ночь. К утру стало спокойнее. Галушкин все посматривал то на светящийся циферблат часов, то на нервно дрожавшую фосфорическую стрелку компаса. Где долгожданная линия фронта? Где враг, где свои? Удастся ли им найти удобный для перехода участок?

— Фрицы! — вдруг крикнул Головенков.

Он упал и дал очередь. Все бросились на землю. Неожиданный грохот автомата оглушил их. Наступившая затем пауза показалась ужасно длинной. Теперь им уже хотелось поскорее увидеть немцев, услышать выстрелы, лишь бы не стояла эта странная тишина. Но лес молчал, и каждая последующая секунда безмолвия тянулась бесконечно долго.

— Головенков, в кого ты стрелял? — спросил Галушкин.

Тот молчал.

— Эх, шляпа!

— Я думал…

— Индюк тоже думал! Да его съели, — оборвал Головенкова Маркин.

Не успели ребята отругать Головенкова, как тишина оборвалась. Затрещали выстрелы. Послышались громкие отрывистые команды. Это были гитлеровцы. Они, как понял Правдин из обрывков фраз, приняли омсбоновцев за советских разведчиков, пробиравшихся в тыл, и теперь хотели отрезать им путь к отступлению.

— Огнем не отвечать! Попытаться переждать! — сказал Галушкин.

Омсбоновцы прижались к земле, затаились. Лес густой, может, немцы пройдут мимо, не заметят их.

— Борис, давай я отойду в сторону и огнем отвлеку их на себя, вы под шум пройдете, — зашептал Маркин.

— Нет. Уходим все вместе. Ребята, берите носилки — и за мной! приказал Галушкин.

Сзади трещали выстрелы. Но они заметно отдалялись: фашисты не ждали, что "разведчики" пойдут вперед. Ребята повеселели, путь к линии фронта свободен, может быть, до восхода солнца они успеют добраться…

— Хальт! — вдруг раздалось впереди.

Партизаны замерли.

— Ложись!

Невдалеке заработал пулемет. Новая группа врагов преградила омсбоновцам путь. Пули свистели над головами, звонко ударялись о смолистые стволы сосен, срезали ветки, рикошетили. На шквальный огонь немцев ребята отвечали сдержанно, экономя патроны.

— Правдин, Головенков, Андреев, оставайтесь на месте. Мы поползем вперед. Гранатами попытаемся отбросить фрицев! По условному свисту двигайтесь за нами!

Не оглядываясь, Галушкин пополз навстречу стрельбе. За ним следовали Маркин и Щербаков, держа в руках головые шашки с короткими запальными трубками из бикфордова шнура. Немцы

были совсем близко. По команде Галушкина Павел и Сергей подожгли шнуры и швырнули шашки.

После взрыва (грохот тола во много раз превосходит по силе звука даже противотанковые гранаты) ребята рванулись вперед, пробежали мимо искалеченных взрывами деревьев, убитых… Залегли. Вскоре к ним подтянулись и остальные с носилками.

— Вперед, ребята! Вперед! — торопил Галушкин, до рези в глазах вглядываясь в лесную чащу.

Стреляли кругом. Омсобоновцы остановились, не зная, куда податься. Неужели окружены и отрезаны от линии фронта?..

— Борис, да это ж наши! Слышишь, ППШ? — вдруг радостно крикнул Маркин.

Ребята прислушались. Из свистящей трескотни немецких автоматов выделялся более четкий звук ППШ. Галушкин хлопнул Маркина по спине.

— Точно, Пашка! Вперед!

Партизаны рванулись с места, побежали. Однако скоро остановились и прижались к земле. Деревья стонали от впившихся в них пуль, отскакивали щепки, ветки.

— Вперед! Ползком! — приказал Галушкин.

Выбиваясь из сил, ребята ползли на звук советского оружия, волоча за собой носилки, а сзади слышались вражеские голоса, стрельба. Но фашисты были не только сзади; они стреляли и с флангов, окружая группу омсбоновцев.

Николай со стоном отбросил плащ-палатку. В руке чернел пистолет. Неестественно бледное лицо покрылось крупными каплями пота. Он тяжело дышал.

— Николай! Ты что? Прорвемся! — подполз к нему Галушкин. — Потерпи еще немного, ну?

— Борис, идите! Идите без меня! Н. е могу, не хочу я, чтобы из-за меня все погибли. Я задержу их!.. Лаврентьич, иди!

— Да что ты? Разве мы тебя оставим? Сколько прошли вместе, а теперь? Эх ты, чудак! — сказал Галушкин.

— Вам со мной не пройти! Слышишь, они окружают. Идите, пока не поздно!

— Чушь!

— Уходите же!

— Замолчи, не время для споров…

Николай застонал.

Вдруг Галушкин решился.

— Ладно, будешь активным бойцом… Видишь? — Борис держал в руках сверток. — Это граната. Она обернута документами. Если мы донесем их… Что в них, говорить не буду… Сам понимаешь.

Николай приподнялся на локтях.

— Борис, давай мне! Разве я не комсомолец!

— Возьми. Если что… кольцо вырви, и все!

— Хорошо, Лаврентьич, я это сделаю.

— Спасибо, Коля. Только не торопись рвать… Эй, ребята! Алексей!

Андреев кинулся к Галушкину.

— Алеша, за Николая ты отвечаешь головой! Слышишь? Как хочешь, но тащите его к нашим, пока совсем не окружили. Мы прикроем!

— А вы? Вы-то как?

Галушкин увидел его грязное испуганное лицо. И это был страх не за себя — за товарищей.

— Алешка, у Николая документы, понимаешь?

— Ясно, товарищ командир! — твердо сказал Андреев и быстро пополз к носилкам.

Галушкин вложил в автомат последний диск. Около него залегли Маркин и Щербаков.

— Ну, держитесь! — шепнул Щербаков, раскладывая перед собой толовые шашки.

Галушкин поднял руку.

— Приготовить тол!

— Сергей, — позвал Галушкин. — Подпустим их поближе…

— Ясно!

— Павел, а ты смотри, чтобы с тыла не подошли…

Большая Земля

Из штаба дивизии была получена радиограмма. В ней сообщалось, что к линии фронта идет группа партизан во главе с младшим лейтенантом Борисом Галушкиным. Партизаны несут важные документы о противнике и тяжело раненного бойца. Командование приказало организовать круглосуточное наблюдение и оказать помощь партизанам.

Получив приказ, командир роты лейтенант Иваненко и политрук Гришин уже пятый день ждали партизан. Они надеялись, что именно на их "гнилой участок", как Иваненко именовал в донесениях занимаемый его ротой рубеж, придут партизаны.

Иваненко рассуждал так: партизаны не полезут на окопы противника, а будут искать место, где нет сплошной линии обороны и где самим немцам трудно разобраться в обстановке.

…Командир роты с политруком сидели в блиндаже перед разостланной на нарах картой. Слабый свет коптилки бросал бесформенные тени на стены, обшитые тесом, на бревенчатый потолок, с которого срывались редкие капли и звонко шлепались на нары. В приоткрытую дверь блиндажа струился июньский рассвет. Вдруг длинно зазуммерил телефон. Ротный схватил трубку.

— Слушаю! Да, да! Я — Голубь, товарищ Орлик. Что? Есть, товарищ Орлик, будет исполнено! — Иваненко положил трубку на рычаг аппарата, посмотрел на политрука.

— Разведка передала, что на той стороне видела группу оборванных вооруженных людей. Они прошли мимо секрета. Неизвестные несут какой-то длинный сверток.

— Связной!

— Я здесь, товарищ командир роты!

— Панкратов, передай командирам взводов, чтобы боевые группы немедленно были выдвинуты на передовые сектора.

— Есть, товарищ командир!

Связной вскинул руку к пилотке, повернулся и быстро вышел из блиндажа.

Редкий туман уменьшал видимость, но можно было разглядеть, как, прыгая с кочки на кочку, перебегая от куста к кусту, по болоту осторожно пробирались красноармейцы. Иваненко одобрительно заметил:

— Смотри, политрук, хлопцы уже пошли. Молодцы!

— Идут, будто по твердому грунту.

— Еще бы! Сколько дней на брюхе по нему ползали. Каждую

кочку своими руками ощупали, знают теперь, куда ногу ставить.

За болотом заработал пулемет. Он стрелял короткими торопливыми очередями. Грянуло почти одновременно три взрыва. Пулемет замолчал.

— Слышишь? Наши противотанковые рванули, — сказал комроты и побежал к передней линии окопов.

Политрук последовал за ним. Скрытые огневые точки врага лихорадочно плевали огнем. Над болотом взвилась красная ракета. Разорвавшись вверху, она рассыпалась сотнями звездочек. Сквозь туман политрук увидел, как из леса появились люди с носилками. Затем трое метнулись обратно к лесу и скрылись за деревьями. Остальные бросились на землю и поползли к нашим окопам.

— Перевести огонь противника на себя! — скомандовал комроты. Политрук, остаешься здесь. — Иваненко отбросил плащ-палатку, вскочив на бруствер, взмахнул автоматом и крикнул: — За мной! Впере-е-е-од!

Увязая в грязи, через болото пробирались три человека. Они тащили носилки. Когда до наших окопов осталось метров сорок-пятьдесят, двое повернули обратно. Третий встал на ноги, поднял с волокуши сверток и, держа его перед собой, как ребенка, пошел дальше, пошатываясь.

— Э-эй, парень! Давай бегом! — кричали из окопов красноармейцы.

Человек вскинул на плечо большущий сверток и побежал зигзагами, стараясь попадать ногами на твердые кочки. Пули булькали в жидкой грязи совсем рядом, но он бежал, не останавливаясь. Проваливался, падал, поднимался и снова бежал.

Политрук приказал бойцам усилить огонь, а сам выскочил из окопа навстречу бегущему. Тот, сделав, видимо, последнее усилие, перевалился через ров и упал к ногам политрука. Теперь он лежал неподвижно рядом со свертком. Это был рослый, рыжебородый и рыжеголовый человек в драной одежде, с измученным черным лицом. В свертке из плащ-палатки без сознания лежал обвязанный и обернутый плащ-палаткой бледный молодой парень. Тоже с бородой, только светлой и вьющейся. Рыжий скоро очнулся, вскочил, безумно посмотрел вокруг и рванулся к раненому.

— Николай! Коля! Очнись!

Раненый слабо застонал, не открывая глаз. Последний переход окончательно измотал его. Андреев (а это был не кто другой, как он) развернул плащ-палатку. Николай обеими руками сжимал гранату.

— Да возьмите ж у него гранату! — крикнул кто-то.

Андреев осторожно положил руку на гранату, потянул ее к себе… Но Николай дернулся, застонал и сделал движение, словно хотел вырвать из гранаты кольцо.

— Да он же взорвется!

Но Андреев перехватил руку Николая.

— Коля! Мы уже дома!

Николай на секунду открыл глаза. Андреев осторожно вынул из его рук гранату, взял бумаги, спрятал их за пазуху.

А над Николаем уже склонился врач.

Когда Андреев увидел врача, тут же попросил:

— Товарищи, дайте мне патронов! Дисков! Я должен вернуться к ребятам, помочь им!

Политрук похлопал его по плечу:

— Там теперь и без тебя справятся.

Рота Иваненко вклинилась в расположение противника и вела бой. Под прикрытием минометного огня через болото поодиночке переползали омсбоновцы. Галушкин был ранен в голову. Маркина мотало как пьяного — его сильно тряхнуло взрывной волной. Но все это было уже не страшно. Главное — были живы и у своих.

Через час накормленные и немного отдохнувшие омсбоновцы собирались в путь. В часть позвонили и приказали немедленно доставить их вместе с раненым в полевой госпиталь.

Проводы были теплыми. Иваненко подходил к каждому из партизан, дружески хлопал по плечу, жал руку.

— Ну, и лихие ж вы хлопцы!. Не кубанцы, часом?

— Нет, мы москвичи.

— О-о, цэ гарно! Москвичи та кубанцы, як кажуть, цэ ж самая храбрая нация на свити! Эй-бо, не брешу! Партизаны смеялись:

— Ну и ловок ваш комроты!

— Что вояка тебе, что шутник!

Откуда-то донесся длинный автомобильный сигнал.

— Вот, уже прибиг! — незло выругался Иваненко. — Ну, хлопцы, время!

Галушкин подошел к Иваненко. Оба крепкие, рослые, они обнялись, похлопали друг друга по плечам, по черным от болотной грязи спинам.

Прощание

Не верилось, что они уже на Большой земле и едут на дребезжавшей полуторке в тыл своих войск. Ощущение было странным. Не надо было прятаться в лесной чащобе, отсиживаться в кустах, зорко оглядываться по сторонам, хвататься за оружие при каждом громком треске, при каждом шорохе… Не меньше двухсот километров прошагали. Напрямик, по карте, конечно, меньше, но разве партизаны по прямой ходят?

"Видно, я все же счастливый, — думал Галушкин. — Сколько пройти с носилками по тылам врага и ни одного человека не потерять!"

Галушкин жадно смотрел вперед. Вокруг дороги толпился лес: сосны раскинули над дорогой огромные ветви, молодая поросль мельтешила вокруг старых деревьев. Многоцветное разнотравье, которое пора было косить, пестрым ковром покрывало поляны и перелески.

Такая же красота была и там, в тылу, но казалось, что увидел Борис все это впервые.

— Лаврентьич, — толкнул его в бок Маркин. — Ну как?

Глаза у Маркина были красные, провалившиеся и все равно лукаво блестели.

— Ох, здорово, Пашка!

— Точно, Боря, здорово!.. Споем?

Галушкин засмеялся.

— Не могу, Паш, голоса нет. Да и башка поцарапанная гудит.

Николай то ли спал на носилках, то ли впал в бессознательность. Глаза закрыты. Но вид был все равно другой: чистое лицо, смазанные йодом ссадины, чуть порозовевшие от еды щеки…

Минут через тридцать показался брезентовый городок. Палатки прифронтового госпиталя прятались под сенью огромных деревьев. Полуторка бойко засигналила и остановилась у квадратной палатки с большими целлулоидными окнами.

Партизаны спрыгнули на землю. Над рощей вились дымки походных кухонь, вкусно пахло едой. На веревках, растянутых между деревьями, белели рубахи, кальсоны, под свежим ветерком пузырились простыни — городок жил своей хлопотливой жизнью.

Жители этого городка, раненые и персонал, уже знали, какой долгий путь совершили омсбоновцы по тылам противника. Партизан встретили как давних знакомых. Николая сразу унесли в отдельную палатку. Остальным отвели просторные апартаменты с широкими нарами из свежих досок.

Утром ребята отправились навестить Николая.

Побритый, причесанный, вымытый, он лежал в чистой постели. Чувствовал Николай себя явно лучше, чем вчера. Увидев ребят, он даже слабо улыбнулся.

Борис присел на край койки. Ребята разместились кто на чем.

— Ну, Коля, как самочувствие? — спросил Галушкин, беря его за руку.

Николай нахмурился, увидев бинт на голове Галушкина.

— Как рана?

— С таким ранением, Коля, можно и на ринг выходить. Ерунда. Через день-два сниму. А вот как у тебя дела?

— Ничего, Лаврентьич. Чувствую себя лучше. Только устал после операции. Долго врачи мучили.

— Да ну? Уже? — удивился Правдин.

— Ага, ночью.

Ребята заулыбались.

Николай нахмурился, облизал обветренные губы. Протянул руку к тумбочке. Борис опередил его и подал ему жестяную кружку с водой.

— Чего ты, Коля?

Николай глубоко вздохнул.

— Боюсь я, Лаврентьич, что мне у вас уже не придется побывать… Инвалидов в армию не возвращают.

— Не отчаивайся, Коля, тебя тут так отремонтируют, что и следов не останется, — старался успокоить его Галушкин.

В палату вошла дежурная сестра.

— Товарищ младший лейтенант, вас просит к себе начальник госпиталя.

Галушкин встал.

— Борис… Лаврентьич, — губы Николая дрожали. — Лаврентьич, передай всем товарищам, всему отряду от меня… я вас никогда не забуду… до последних дней…

Галушкин обнял и поцеловал раненого.

— Будь здоров, Коля, поправляйся.

— Прощайте, ребята…

— До свидания, Коля.

Андреев стоял в стороне.

— Алеша… Спасибо тебе, как брату…

Андреев засопел. Он наклонился к Николаю и долго не поднимал своей лохматой головы с его груди.

Ребята живы!

Очередное открытое партийно-комсомольское собрание в отряде проходило утром 21 июня 1942 года. Жаркие лучи летнего солнца вытеснили из лесной чащи последние остатки тумана, тучи комаров поредели.

На собрании капитан Бажанов подвел итоги. Отметил, что основная боевая задача выполнена, что мы можем сменить базу и район работы, найти место, где послабее охрана вражеских коммуникаций. Теперь отряд должен усилить агитационную работу среди местного населения и активизировать ликвидацию предателей и ставленников фашистов. Решили, что эту работу лучше проводить вместе с местными партизанами, которые хорошо знали население окрестных деревень и тамошнюю обстановку.

После собрания те, кто вернулся с боевых заданий, ушли отдыхать. Иванов, усадив Женю Высоцкого на чурбан, клацал ножницами. Ждавший своей очереди к "парикмахеру" Хохлов пучком березовых веток отгонял комаров и со знанием дела рассказывал, на какие наживки сейчас хорошо берется карась, на какие — плотва, окунь и другая рыба.

Иванов косо глянул на него, ухмыльнулся в густую черную бороду, покрутил головой, спросил:

— Послушай, Валентин, а ты знаешь поговорку: "Соловья баснями не кормят"?

— Конечно, знаю. А что?

— Надо ж! Кругом столько озер, рек, а ты жаворонком заливаешься о наживках. От твоих же баек только слюнки бегут, а сыт не будешь.

— Не понял.

— Да ты только посмотри на него, Жозя! — сказал Иванов, обращаясь к клиенту.

Высоцкий повернул к Хохлову голову.

— Пардон! — извинился Иванов и клацнул в воздухе ножницами, как заправский парикмахер. — Так вот, я и говорю, парень имеет высшее физкультурное образование, а так туго соображает.

— Да ты объясни толком, в чем дело, Жора? — обиделся Хохлов и активно замахал веником.

— Рыболовную секцию организуй из таких же любителей, как и сам, понял? И мы будем благодарить тебя за наваристую уху.

— А-а-а, верно! Идея! — отозвался Хохлов обрадованно. Но тут же другим тоном добавил: — Рыболовецкую секцию

организовать можно, а где взять инвентарь? Голыми руками и пескаря не поймаешь…

В это время на территории лагеря показался радист Ковров. Валентин размахивал листком бумаги. Следом спешил Назаров.

— Эй!.. Товарищи!.. Вот, послушайте, ребята!.. Жив наш Лаврентьич! И ребята живы!.. Все живы!

Ковров вбежал в палатку. Осторожно поставил "Белку-1" на свою постель, повернулся к командиру отряда.

— Товарищ капитан! Живы! Все живы и здоровы! Вот!

Бажанов вырвал из его рук радиограмму. Прочел, широко улыбнулся, глянул на меня, на Рогожина, возившегося у костра. Снова на радиста. Крякнул. И громко крикнул:

— Дежурного ко мне!.. Нет! Давай, Валентин, сам зови сюда всех!.. Эх, вот так радость. Живы!

Радист выскочил из палатки. И вскоре у нас столпился весь отряд. Глаза блестели. У некоторых по лицу текли слезы. Бажанов не находил себе места, улыбкой встречал каждого. Хлопал по спине, по плечу… Потом осмотрел всех и заговорил:

— Товарищи!.. Сообщение с Большой земли. Борис Галушкин и его люди благополучно вышли к нашим. Раненого сдали в полевой госпиталь в деревне Рубаники, что в трех километрах от местечка Слобода. Разведывательные материалы получили высокую оценку командования Западного фронта. На Большую землю группа Галушкина вышла 5 июня 1942 года!

— Урра-а! — заорали ребята и стали обниматься.

— Тихо вы, черти! — предупредил дежурный, широко улыбаясь.

Оповещенный связным, к нам пришел комиссар местного отряда Мельников. С ним явился и тот партизан, который ходил проводником с Галушкиным и потерялся. Он попросил капитана Бажанова, чтобы мы послали его на самое ответственное и опасное задание.

— Спасибо, — сказал Бажанов не очень приветливо. — Мы уже поручили тебе одно ответственное дело… Но ты подвел нас…

Партизан снял кепку и, не поднимая головы, сказал чуть слышно:

— Когда я ходил с вашими ребятами, германцы казнили всех моих близких… Мать, отца, жену и… сыночка. Три годка было ему… Максимкой звали, — замолчал, потом поднял лицо, залитое слезами. — Как лягушонка, штыком наколол фашист проклятый и в горящий дом бросил!.. Как же мне жить после этого?.. А тут еще этот позор! Товарищ комиссар! — Он глянул на меня. Потом с мольбой снова посмотрел на командира отряда.

Бесконечно долгий месяц мы думали, что этот человек

виновен в том, что наши ребята не дошли до линии фронта, не вынесли раненого товарища и не доставили ценные разведывательные материалы. Как поступить с ним?

— Михаил Константинович, — прокашлявшись, заговорил приглушенным от волнения голосом Мельников. — С детских лет я знаю Никанора. И его семью знал. Он был у нас в отряде на хорошем счету. Только поэтому я и рекомендовал его проводником. Кто ж знал, что с ним случится такая беда? Кто не ошибается? Ошибся мужик, подумал, что ребята перешли дорогу… Трухнул и не проверил.

Никанор прижал руки к груди, заговорил сбивчиво и быстро:

— Я искал их, когда набрался сил. Не раз возвращался к тому месту, где отстал. К самой насыпи подползал… Германцы стреляли… Я убег… Утром снова приходил, но не нашел… Вы мне не верите?.. Тогда расстреляйте!.. Убейте, как иуду!.. А то…

Он закрыл лицо кепкой, заплакал.

— Москва слезам не верит! — строго сказал капитан.

Но я видел, что глаза у капитана Бажанова подобрели. И облегченно вздохнул.

— Ладно… Иди к ним, — сказал командир отряда, кивая в сторону, откуда неслись веселые голоса. — Если они примут тебя в свою компанию, я не возражаю. Обратись там к Голохматову. Иди!

Никанор встал, поправил пояс на старой, во многих местах заплатанной суконной гимнастерке, надел кепку, вытер глаза, глухо сказал:

— Благодарствую, товарищ капитан! — и, четко повернувшись, вышел из палатки.

— А откуда у него командирская гимнастерка? — спросил Бажанов.

— В прошлом году Никанор переводил через линию фронта группу командиров-окруженцев, — ответил Мельников.

— Большая группа?

— Тридцать семь человек.

— И перевел?

— Да. Переправил успешно. Пожилой генерал в той группе был. Он записку прислал нам с благодарностью, а Никанору гимнастерку со своего плеча подарил.

— Да-а, — протянул Бажанов и нахмурился, — стоит о нем подумать.

Я пошел за Никанором. У костра двое ребят боролись, натуженно пыхтя. Кто-то жал стойку на толстом бревне, лежавшем у навеса. Кто-то, оголенный до пояса, вертелся вокруг толстой сосны, нанося удары, словно вел бой на ринге. Остальные

соревновались в прыжках в длину с места. Голохматов без гимнастерки объяснял, как лучше готовиться к прыжку, как отталкиваться, как прогибать корпус, чтобы дальше улететь. И мне невольно захотелось тоже разогнаться и прыгнуть. Что я и сделал…

— Стоп!.. Стоп, товарищ комиссар. Только с места и босиком!.. Иван! крикнул Николай Келишеву. — Внеси комиссара в список претендентов на призовое место!

Ребята засмеялись.

К Голохматову подошел Никанор, вытянулся перед ним.

— Товарищ заместитель командира отряда! Я к вам по приказанию товарища капитана!

— Что, Никанор, тоже желаешь на приз сигануть?

— Да нет, я серьезно… Я прошу…

— А-а. Тогда, погоди. Иван, прими судейство в секторе. Пойдем.

Не желая мешать веселью ребят, которые в честь добрых вестей о своих боевых товарищах решили провести спортивные состязания, я отошел от костра.

Когда я вернулся в палатку, Бажанов и Мельников о чем-то оживленно разговаривали, смеялись.

— Рогожин, позови-ка сюда Голохматова.

— Есть!

Адъютант не успел выйти из палатки, как в нее уже вошел Голохматов, а за ним Никанор. Голохматов был в форме и с пистолетом на поясе.

— Разрешите!

Капитан кивнул, нахмурился, спросил:

— Ну как, возьмете его на задание?

— Непременно. Нам сейчас лишние люди во как нужны. — Голохматов резанул ладонью по горлу. — Он же хорошо те места знает, проведет.

Бажанов кинул на своего зама быстрый взгляд.

— Ну что ж, хорошо. Я согласен.

Голохматов кивнул.

— Пошли, Никанор. Завтра же в ночь и двинем.

— А куда?

— Это я тебе скажу, когда из лагеря выйдем. Конспирация, брат, понял? Ты знаешь, что это за штука?

Никанор кивнул утвердительно и облегченно вздохнул.

Голохматов дружески положил ему руку на спину, подтолкнул к выходу, и они ушли.

— Каков парень. Уже и на задание, — заметил Мельников. — Спасибо вам, товарищи. Надо же вернуть человека в нормальное

состояние.

— Ничего, Голохматов да и другие наши ребята не дадут ему тосковать. Сами они, не успев поспать, снова рвутся в бой. Здоровых людей у нас сейчас мало. Брать новых в отряд нет смысла: скоро возвращаемся домой. Так что будем учить ваших.

— Вот это дело. Мы дадим вам хороших ребят. Их только обучить, так они горы свернут!

— Договорились.

Засада

Сведения о благополучном выходе на Большую землю группы Галушкина всколыхнули отряд.

Ночью 21 июня подорвали автоцистерну с горючим. Горящий бензин растекся по полотну шоссе, расплавил асфальт. И тот тоже задымил, загорелся. На несколько часов замерло движение по шоссе.

Днем 22 июня на ПТМ-35 два грузовика с боеприпасами взлетели на воздух.

27 июня на противотанковую мину налетел автофургон с продовольствием.

30 июня группа бойцов напала на лагерь солдат-ремонтников. Перебила стражу, взорвала два автокатка, вагончик, в котором жили немецкие охранники.

2 июля наши друзья из деревни Скуматы сообщили, что утром в соседнюю деревню Щеки прибыли около сотни полицейских из карательного отряда под командованием германского офицера. Ночью наши ребята установили на проселочной дороге между деревнями Щеки и Новая Земля три противотанковые мины, разобрали гать через болото.

От жителей Новой Земли узнали, что в их деревне полицейские каждую ночь устраивают засаду на партизан в крайнем доме, что стоит у дороги через болото.

Когда мы рассказали об этом Мельникову, он задумался, сказал:

— Да на эту засаду можно напасть с тыла.

— Как? — заинтересовался я.

— Дай карту.

Я развернул перед ним свою пятикилометровку.

— Смотри-ка сюда, комиссар, — он переставил палец чуть западнее Новой Земли. — Вот тут, параллельно с проселком, через болото есть тропа. О ее существовании пока никто из местных ничего не знает. Понимаешь? Недавно мы проложили ее сами.

К нам подошел Бажанов, присел на бревно, глянул в развернутую карту, спросил:

— Заговор какой разрабатываете? Интересно! Мельников улыбнулся.

— Что-то вроде боевой операции против полицейской засады.

— Да-а? Любопытно. Ну-ка, ну-ка, объясни.

Я рассказал командиру подробности нашего плана. Он одобрил. Потом нахмурился, посмотрел на Мельникова, потом на

меня глянул, заметил:

— Послушай, а что это у тебя глаза блестят? Не сам ли думаешь пойти на эту операцию? Или мне уступишь?

— Нехорошо, командир. Ты уже не раз ходил. Он строго посмотрел на меня:

— Комиссару больше, чем командиру, положено находиться там, где большинство людей отряда, а не там… — Он вдруг замолчал. — Ну ладно, согласен. Через два-три дня я пойду в другой район. С людьми у нас сегодня трудновато.

— Людей я своих могу взять сколько хочешь, — вступил в разговор Мельников.

— И ты сюда же?

— А как же. Это его предложение, — поддержал я военкома местных партизан. — Право авторства, как говорят.

Бажанов засмеялся:

— Ну и политработники пошли. Им бы только по болотам шляться…

— Михаил Константинович, комиссары не только политические и задушевные беседы проводят. Но и личным примером должны воспитывать в своих людях умение воевать, отвагу и прочие боевые качества, — заметил Мельников.

Капитан пожал плечами.

— Резонно, конечно. Только будьте осторожнее. Много людей с собой не берите. На двадцать пять полицаев, да еще с тыла, десятка бойцов вполне достаточно. Главное — не ввязываться в открытый бой.

Договорившись с Мельниковым о времени и о месте встречи, я проводил его…

К месту встречи я, Широков и Мамацев подошли, когда солнце уже скрылось за лесом. Мельников со своими ребятами уже томились от скуки. На дереве сидел партизан и в бинокль наблюдал за деревней Новая Земля.

Трясина пузырилась от выхода болотного газа. В воздухе висели тучи комаров. Первым на болото шагнули Никанор и еще двое партизан. За ними пошли Широков и Мамацев. Метров через тридцать двинулись мы с Мельниковым и остальные. Партизанский комиссар так изучил новую тропу через пыхтящее и булькающее болото, что даже ночью видел, куда лучше стать, и указывал мне твердые кочки.

Вот правее нашей тропы зачернели силуэты строений. Еще немного, и под ногами мы почувствовали твердую землю. С Никанором вперед уходит Широков. Скрываясь за кустами, пробираемся и мы. Уже виден крайний дом, в котором должна быть засада. Два окна открыты настежь. Подходим совсем близко,

окружаем дом.

— Шугануть бы парочку гранат в окна, — шепчет мне на ухо Мельников. Хотя вдруг там никого нет? Воздержимся пока.

— Странно, а зачем открыты окна? Надо бы проверить дом, — предлагаю я.

— Пошли! — говорит Мельников.

Мы идем к дому. Нас опережает Никанор. Он подпрыгивает, хватается за подоконник, подтягивается, смотрит внутрь. Мы с напряжением следим за ним, готовые в любую секунду открыть огонь, Потом видим, как Никанор чиркает спичкой, секунду светит себе. Тут же гасит ее, соскакивает на землю, бежит к нам.

— Ну что там? — спрашивает Мельников.

— Николаич, да тут полно баб. Лежат вповалку; прямо на полу. Мужиков не видать.

— А бабы живые или мертвые?

Никанор пожал плечами.

— А хрен их знает. Будто спят. И руки под головы подложили, а храпу не слыхать.

— Ясно. Значит, засада не тут.

— А где дорога, что выходит с болота? — интересуюсь я.

— Сразу за домом. Метров тридцать, не боле, — объясняет Никанор. Наверно, там и засада.

— Зачем же они баб сюда согнали? Может, для видимости? Заместо себя, а сами в другом месте? — высказывает предположение кто-то из партизан.

— Да нет, видать, чтобы бабы не могли предупредить партизан о засаде, — добавляет другой.

— Вот это вернее, — говорит Мельников.

Посоветовались, решили отойти за дом, поближе к болоту, а к дороге послать разведку.

— Николаич, — подошел к нам Никанор, — я пойду. Я ж тут каждую кочку знаю… Товарищ комиссар! — обратился он ко мне, видя, что Мельников молчит.

— Хорошо, иди. За тобой метрах в десяти пойдет автоматчик.

— Ясно.

— Как увидишь чужих, окликни, будто ты свой. И быстро ложись. Если засада там, мы ударим через тебя.

Отошли за дом, залегли. Хорошо видели, как Никанор шел по дороге к болоту, а следом за ним двигался Широков с автоматом. Вдруг от болота навстречу нашим разведчикам поплыла темная фигура. Никанор остановился.

— Эй! — услышали мы приглушенный голос полицейского. — Кто это там шляется?

— Это я! Свой! — ответил Никанор, останавливаясь.

— Погоди-ка, свой! Свои и коней уводят!

Послышались голоса, замелькали тени.

— Кто там? Он один?

— Счас увидим!

— Да свой же я, мужики! Тутошний!

Полицай двинулся к Никанору. Партизан упал. И тут же бухнул выстрел, за ним второй. Широков открыл огонь из автомата. Пули светлячками замелькали над дорогой. Затрещали частые, беспорядочные выстрелы. Мы дали залп, второй. Захваченный врасплох, противник замолчал. Послышались хлюпающие шаги, испуганные голоса. А вскоре все стихло.

Подождав немного, я условно свистнул. К нам подбежали Широков и Никанор. Кроме своей винтовки, Никанор держал вторую — трофей.

— Убегли! — доложил он с огорчением. — Одного я все же пришил. Видать, и вы кой-кого пришибли. Может, смотаться посмотреть?

— Не стоит рисковать, Никанор. Да и что ты там увидишь в темноте? Проверим завтра.

— Верно! — согласился Мельников. — Попугали хорошо. А теперь пошли!

На второй день местные разведчики узнали, что нами было убито шесть полицаев. Несколько раненых утром отправили на станцию Красное. У нас никого не задело…

3 июля на мине, поставленной нашими ребятами на дороге между деревнями Щеки и Новая Земля, подорвалась пароконная подвода с полицейскими. Шесть из них было убито и двое ранены.

Карателі

Задолго до рассвета четвертого июля 1942 года группа омсбоновцев во главе с Баженовым тихо покинула наш лесной лагерь и направилась в новый район.

В очередной сеанс радиосвязи Валя Ковров передал в Москву:

"Товарищу Андрею. Капитан одиннадцатью бойцами вышел урочище Радомский мох целью подбора нового района работы. Я больными и ранеными нахожусь старом месте. Остро нуждаемся медикаментах, ВВ, боеприпасах. Авдеев".

А жизнь в отряде продолжалась. От шалаша к шалашу неторопливо переходил Саша Вергун. Тем, кто страдал расстройством кишечника, он давал слабый раствор марганцовки. Таким же раствором, но большей концентрации старательно промывал раны. Вскрывшиеся нарывы обрабатывал спиртом. Над открытыми ранами возвышались каркасы-корзинки, сплетенные из лозы самим фельдшером, что способствовало быстрейшему заживлению. Пациенты встречали Вергуна приветливо, шутили, на что он охотно откликался.

— Послушай, Александр Михайлович, зачем добро переводишь? Дал бы лучше выпить, — попросил Лозовский, у которого было повреждено ахиллово сухожилие так, что он не мог ходить.

— А что ты имеешь в виду?

— Как что? Спирт, конечно… Больной очень… Ногой не двинуть… Я много не прошу, — говорил Лозовский, облизывая горевшие губы. — Отлил бы законных сто грамм, и порядок.

Фельдшер улыбнулся, сказал:

— Летом, Володя, "законных" ста граммов не полагается. И так жарко. Но ты не горюй. Скоро отвар хвои будет готов, попьешь вдоволь.

Моргунов и Широков охраняли лагерь. Участки леса за пределами сторожевой тропы были заминированы противопехотными минами.

У костра сидели выздоравливающие. Чистили оружие. Латали одежду.

— Стой! Кто идет?! — послышался вдруг решительный окрик Широкова. Пароль?!

Я поспешил туда. За стволом могучей сосны, метрах в десяти от Широкова, стоял парень в гражданской одежде, с винтовкой в руке. Он произнес пароль, который на каждые сутки устанавливался нами для связи с местными партизанами и отрядом Озмителя. Это был посыльный от Мельникова.

— Что случилось, Серега? — спросил я, узнав партизана.

— Товарищ комиссар, Николаич прислал передать, что от станции Красное в вашу сторону движется колонна фрицев. Везут пулеметы и минометы. Есть и орудия. Так что будьте готовы. И от Любавичей тоже подходят…

— А много их там?

— От станции человек двести, а от Любавичей и того больше. Наш отряд и разведчики Соколова (в то время недалеко от нас находились человек семьдесят из разведотряда 4-й Ударной армии. Командовал ими старшина Соколов) выставили засаду на опушке, недалеко от большого дуба.

От нашего лагеря до названного связным "большого луга" было примерно метров триста.

Наступление немцев на наш лес мы переживали уже не первый раз. И вот очередное нашествие. "Неужели они осмелятся прочесывать лес?" — подумал я с тревогой и посмотрел на своих ребят, которые уже обратили внимание на связного. Они не могли слышать нашего разговора, но, видимо, догадывались, что Серега явился к нам с важным сообщением.

— Николаич сказал, что первыми мы стрелять не станем, чтобы не открываться перед ними. Но если фрицы двинутся в лес и направятся к вам, тогда постараемся увести их в другую сторону.

В это время гулко ударили минометы, загрохотали орудия. Треск разрывов слышался со всех сторон. Каратели вели рассеянный огонь, надеясь, видимо, огнем нащупать партизан. Отдельные мины и снаряды рвались совсем близко. Комья земли и обломки веток перелетали через шалаши, застревали в кронах деревьев, над нашими головами.

Связной все еще стоял рядом со мной, вслушивался в звуки стрельбы. Потом вдруг улыбнулся.

— Застряли, кажись, фрицы-то, товарищ комиссар, слышите?.. Лупят с одного места. Видать, боятся идти к нам в гости.

— Рано еще говорить об этом, Серега.

— Да. Верно, но что-то не торопятся.

— Это хорошо. Чем дольше они протопчатся на месте, тем лучше для нас.

"Если сегодня каратели придут к нам, мы не сумеем уйти. Ведь половина людей — лежачие больные. Придется оставаться здесь и биться до последнего", — невольно подумал я.

Партизан снял кепку, неторопливо обвел взглядом наш лагерь, покрутил головой.

— Хорошего, конечно, мало, товарищ комиссар. Не

позавидуешь вам, как говорится. Что ж теперь делать?

— Не волнуйся, друг. Дорогу к нам они не знают. Если их не приведет сюда какой-нибудь подлец, то, может быть, все и обойдется.

— Да-а-а… Ну, я побежал. Надо предупредить наших, что у вас тут творится! — крикнул партизан. Махнув рукой, он побежал.

— Стой! Мины же кругом!

Связной остановился, оглянулся, крикнул:

— Ничего! Я по своим следам! — и скрылся в лесу.

Я обошел шалаши. Больные чутко вслушивались в раскатистые звуки боя. Терпеливо ждали, готовые к самому худшему. Никто из них ни о чем не спрашивал меня: все и так было ясно и понятно. Низко над лесом плыл тяжелый черный дым от взрывчатки. Слышался треск и шум падавших деревьев.

Часа через три стрельба стала отодвигаться в сторону соседней с лесом деревни: каратели пошли по большаку, не углубляясь в чащу, но продолжая методически, квадрат за квадратом, обстреливать лес. Это нас немного успокоило. Однако мы по-прежнему с нетерпением посматривали на солнце, которое, как казалось, почти не двигалось. А нам хотелось, чтобы поскорее наступила ночь — верная наша союзница.

Когда каратели были почти у деревни Шарино, оттуда вдруг жахнул орудийный выстрел, за ним второй!

— Слышите? Артиллерия!

— Откуда? У наших пушек нет!

— Точно! И связной ничего о них не говорил.

— Интересно!

Было уже около восьми часов вечера. Стрельба то заметно слабела, то грохотала с новой силой. Только когда солнце укатило за лес и сумерки начали окрашивать все в серый цвет, пальба постепенно прекратилась. Мы облегченно вздохнули. Нервная напряженность, в которой находились, начала спадать. Все, кто мог ходить, собрались под навесом, курили.

Ночью к нам пришел Мельников. Его сопровождали Сергей — тот парень, который прибегал к нам связным, и Никанор.

Николаич рассказал, как утром около двухсот карателей с тремя пушками и семью минометами вышли со станции Красное. Примерно столько же фашистов вышли из местечка Любавичи. Оба вражеских отряда с ходу пытались занять деревни Шарино и Марково, где находились местные партизаны и отряд Соколова. Но партизанские разведчики своевременно разгадали замыслы противника. Сильные засады партизан и армейских разведчиков встретили карателей кинжальным огнем еще на подступах к

деревням. В бою немцы потеряли около сотни убитыми, много ранеными.

На наших ПТМ-35 подорвались три грузовика с живой силой противника. У партизан выбыло из строя три человека (один был убит и двое ранены).

— Николаич, а откуда у вас взялась артиллерия?

— Какая артиллерия? — глянул он на меня вопросительно.

— В районе деревни Шарино дважды бабахнуло орудие. Снаряды разорвались в расположении противника.

Мельников засмеялся, вытер пот:

— Да, да. Точно. Было такое дело. Это наши умельцы, — он тепло глянул на Никанора, подмигнул ему, продолжил: — Зимой ребята с Никанором притащили на санях со старых позиций советскую зенитку. Она была исправна, только колеса да боек не в порядке. А сегодня сумели приспособиться и два раза стрельнули в сторону карателей. Ну те и подумали, что у нас есть артиллерия, и поторопились отойти подальше. Наверно, мы попали в цель. Жалко, что подходящих снарядов больше под рукой не оказалось…

Операция на шоссе

К вечеру на третий день возвратился командир отряда с ребятами. Мы встретили их так, будто не виделись по меньшей мере неделю. Поход в урочище прошел благополучно. Исследованный район лесного массива из-за отдаленности от "железки" не понравился. Переселяться в него отказались, несмотря на усилившуюся охрану железной дороги и автомагистрали. Решили остаться пока на старом месте.

Но скоро мы получили сведения о том, что выведенные из терпения успешной работой партизан оккупанты готовят большую карательную экспедицию. Группы их разведчиков зарыскали по лесу. Над лесом часто зависала "рама". А на станцию Красное стали прибывать карательные войска и боевая техника. Местные партизаны уже дважды натыкались на засады противника, но уходили без потерь. Не раз вражеские засады обнаруживали и наши ребята. Все это заставило нас изменить решение и поторопило с уходом в более безопасное место. Но это было уже позже…

Готовясь к возможной обороне, в первую очередь решили взорвать мост на шоссе Смоленск — Орша.

— Смотрите-ка сюда, товарищи. Вот мост, о котором мы уже говорили. По нему и пойдут каратели в наш лес. Его надо взорвать сегодня же ночью, сказал Бажанов, указывая на карте точку, темневшую восточнее деревни Жваненки. — Для этого дела используем снаряды, что нашли на опушке. Мокропуло, ты, кажется, делал расчет? Сколько их там?

— Больше двадцати, товарищ капитан. Но некоторые без головок. Внутрь проникла влага. Могут не взорваться.

— Проверьте хорошенько. Покажи-ка схему.

Иван вынул из кармана листок бумаги. На нем была нанесена примерная схема размещения зарядов на элементах моста.

— Та-ак… Ты уже и заряды расположил?

— Да это теоретически. На деле будет гораздо труднее. Там же трубы, а не сваи.

— А вы их у основания расположите на жердях. Главное — подорвать опору, а верх сам завалится от тяжести.

В этой очень трудоемкой операции омсбоновцам помогали местные ребята из окрестных деревень. С некоторыми из них мы уже давно установили деловую связь. Давали им термитные зажигательные "пеналы", которые они подбрасывали в склады оккупантов. Передали несколько магнитных мин, тоже успешно использованных при минировании железнодорожного состава. Не

раз по сообщениям местных ребят мы вызывали авиацию, чтобы бомбить скопление вражеских эшелонов на станциях…

Снаряды, о которых напомнил командир отряда, были разбросаны вокруг старой артиллерийской позиции. Днем Голохматов и Мокропуло собрали и проверили их. 18 гаубичных 152-миллиметровых снарядов оказались вполне пригодными для взрыва моста. Точнее, это был не мост в полном смысле слова, а три огромных железобетонных трубы, уложенных поперек шоссе на болотистом участке.

К вечеру местные парни пригнали в лес две подводы. На них погрузили отобранные снаряды, жерди. Ждали, пока наступит ночь. Еще и еще раз в деталях обсудили порядок действий, распределили обязанности.

Когда стемнело, двинулись в путь. Чтобы миновать болото, пришлось проезжать через деревню Старинники. К счастью, немцев в ту ночь в ней не было. Сразу за деревней лежало вспаханное поле. Тяжело нагруженные телеги вязли в сырой пахоте. С трудом вызволяли их и двигались дальше, соблюдая тишину. Когда до цели оставалось метров 250–300, подводы безнадежно утонули в болотистом грунте. Снаряды и жерди сгрузили.

У моста маячили часовые. Сколько их там? Днем было двое. Партизаны видели, как смену часовым привозили на мотоцикле с коляской каждые четыре часа: Когда снаряды перенесли поближе к месту диверсии, на шоссе появился грузовик.

— Что это? Не автопатруль ли?

— Видать, он. Надо же. Черт его принес!

— Тихо! Придется ждать, пока уйдет.

С грузовика сошли солдаты, разбежались по кустам. Послышались перекликавшиеся голоса. Замерцали огоньки сигарет. Видимо, не скоро патрульные собирались двинуться дальше, а время было уже за полночь. Сидеть в положении "замри!" и ждать совсем не устраивало омсбоновцев. Голохматов собрал их, сказал:

— Если эта колымага скоро не уберется, то придется уходить нам.

Легко сказать — "уходить"! Столько труда — и все напрасно?! А как же снаряды? На себе их вряд ли унести обратно так далеко. А бросать жалко. Решили еще подождать.

— Надо же, вояки. Им патрулировать надо, а они тут чешутся. Баланду, видать, травят.

— Вот сачки! — бурчали недовольно партизаны.

Но вот загудел мотор. Машина двинулась с места и медленно покатила по шоссе. Солдаты загалдели, побежали следом. На

ходу хватались за борта, взбирались в кузов. Когда все уселись, грузовик прибавил скорость. Вперед рванулись мотоциклы, пронизывая ночь лучами фар. Вскоре колонна скрылась за поворотом шоссе.

— По местам! Приготовились! — шепотом командовал Николай.

К каждому снаряду крепко привязали головую шашку — инициирующий заряд и веревку, которой потом прикрепили заряд к жерди. Сеть из детонирующего шнура развесили по элементам моста и присоединили к ней зажигательную трубку.

— Смотрите, ребята, там же еще фрицы! — зашептал кто-то.

По мосту ходили не два человека, как днем, а гораздо больше.

— Командир, что будем делать с часовыми? — спрашивали ребята.

— Придется снять!

У партизан были насадки на дуло винтовки для бесшумной стрельбы…

Когда часовых сняли, справа и слева от моста залегло по два автоматчика — боевое охранение. Работали молча: каждый минер заранее знал, что ему делать. Торопились. За сорок минут едва успели.

— Отходи! — приказал Николай и тут же добавил: — Огонь!

Мощный взрыв разворотил насыпь шоссе. Дорожникам врага понадобилось несколько дней, чтобы восстановить переправу…

На новом месте

Израсходовав основные запасы ВВ (кроме НЗ), мы активизировали агитационную работу среди местного населения. Чаще всего наведывались в ближайшие деревни — Гичи, Новая Земля, Каштуны, Сентюри, Щеки. В качестве агитаторов выступали почти все бойцы и командиры отряда: Алексей Моргунов, Николай Голохматов, Иван Рогожин, Василий Широков, Иван Келишев, Богдан Дубенский, Петр Ерофеев, Александр Кощеев. В своих беседах мы использовали материалы Совинформбюро, принимаемые радистом из Москвы. На печатных и рукописных материалах, которые оставляли в деревнях, писали: "Товарищ, прочитай и передай соседу".

Сам приход в деревню молодых, сильных и веселых омсбоновцев-спортсменов поднимал настроение у населения. Люди охотно шли к нам с жалобами на старосту, полицейских, за советом. Делились с нами последним куском хлеба.

В это время мы чаще объединялись с местными партизанами. Сводные боевые группы из омсбоновцев и местных партизан посещали населенные пункты, где особенно свирепствовали ставленники оккупантов. Захваченные предатели тут же в присутствии местных жителей судились партизанским судом… Жизнь скорректировала решение "не раскрываться местному населению, не брать в отряд новых людей". В отряде "Особые" появилось пять новых бойцов…

Тепло прощались с нами местные партизаны, когда мы собрались уходить из их района. Много хороших слов сказали они нам в напутствие. Мы оставили им часть зимнего обмундирования. По-братски поделились подрывным имуществом. Себе оставили самую малость: только то, что могло потребоваться для самообороны во время выхода на Большую землю…

Покинув лесной лагерь, мы взяли курс на район, где действовал в то время отряд "Новатор" из нашей бригады. Командовал омсбоновцами капитан Хвостов Григорий Матвеевич. По прямой до них было примерно двадцать пять километров.

Шагали по знакомой местности, которую не раз проходили раньше. Двигались группами по четыре-пять человек с интервалами двадцать-тридцать метров, держа постоянную зрительную связь.

Населенные пункты обходили, стараясь передислоцироваться быстро и скрытно.

На новое место пришли в полдень следующего дня. Лагерь

разбили в районе деревни Толкачи, недалеко от базы "Новатора". Те, кто еще был не вполне здоров, свалились от усталости на траву и тут же уснули.

От капитана Хвостова и его людей узнали, какие трудности им пришлось пережить и какие тяжелые потери понес их отряд.

…Отряд "Новатор" выехал из Москвы вместе с нами. В его составе тогда было тридцать семь человек. А к середине июля 1942 года в отряде осталось всего тринадцать человек. Однако, несмотря на большие потери, омсбоновцы продолжали активную деятельность.

В этой местности было много окруженцев и парней призывного возраста, которые прижились по деревням. Командование омсбоновских отрядов решило вопрос об этих людях просто: построили специальный лагерь, в который собирали всех мужчин призывного возраста. Из них формально создавались взводы, роты. В лагере с ними занимались военной подготовкой бывшие командиры Красной Армии из окруженцев. По мере накопления людей в сборочном лагере их партиями переправляли на Большую землю (вместе с отрядами, возвращающимися через линию фронта после выполнения задания ила с другой оказией).

Осмотревшись на новом месте, мы приступили к боевым делам на "железке". Неприкосновенный запас тола (шестнадцать килограммов) решили использовать только для инициирующих зарядов. А для основных зарядов снаряды и мины, которые всюду собирали.

В ночь на 16 июля боевая группа под командованием Моргунова вышла на "железку" восточнее деревни Бадуны и подорвала воинский эшелон. Было разрушено семь вагонов с живой силой противника. По данным разведки, в этом крушении погиб гитлеровский генерал. В ночь на 18 июля группа Ивана Рогожина пустила под откос вражеский эшелон, следовавший из Смоленска на Оршу. Семнадцать вагонов с военными грузами разлетелись в щепки. После этой операции железная дорога бездействовала в течение двух суток…

Срок нашего пребывания в тылу врага подходил к концу, а люди рвались на боевые задания. Каждому хотелось сделать как можно больше. Однако запасы ВВ у нас фактически кончились. Электрические замыкатели и запалы из-за влаги пришли в такое состояние, что нуждались в основательном ремонте. Мы ремонтировали их своими силами.

Было солнечное утро 18 июля. Свободные от заданий ребята занимались личным хозяйством. Заводили разговоры о выполненных и предстоящих боевых заданиях, о скором

возвращении домой. Правда, о переходе на Большую землю говорили пока еще неуверенно. В отряде оставалось несколько человек больных, которых надо было прежде поставить на ноги.

Алексей Моргунов уединился подальше от шалашей. Разложил перед собой несколько противопехотных мин, омметром проверял проводимость их электросетей. Потом решил разобрать несколько испортившихся мин, чтобы из сохранившихся деталей смонтировать одну, пригодную для работы. Дело у него шло успешно и подходило к концу. Он был доволен и даже мурлыкал какой-то веселый мотив.

— Леха, иди завтракать! — позвал кто-то из его отделения.

— Минутку, ребята. Кончаю.

К Моргунову подошел командир отряда. Минер стал показывать ему результаты своей работы. Капитан одобрительно кивал, довольно улыбался.

— Ну-ну, кудесник, давай мозгуй. Посмотрим, как она у тебя на "железке" сработает.

— Не сомневайтесь, товарищ капитан. Сработает как часы!

— Дай бог! Желаю успеха! — сказал Бажанов, присел в сторонке на бревно, закурил.

Алексей Моргунов был прекрасным минером. Но ни один человек, как известно, не гарантирован от ошибок.

Не избежал ее и Алексей Моргунов. Мина взорвалась у него на коленях…

Этим же взрывом тяжело ранило Бажанова. Десятки мелких осколков впились ему в лицо, в грудь, в живот. Когда мы подбежали к командиру, он был весь в крови и ничего не видел.

Лыжника Алексея Александровича Моргунова похоронили близ деревни Ельня. Долго стояли у свежего холмика.

Неожиданная, трагическая смерть Алексея потрясла нас. Мы не находили себе места. Много раз Моргунов бывал на опасных заданиях, неоднократно смерть следовала за ним по пятам, однако все кончалось благополучно. А тут такой нелепый случай оборвал еще одну молодую жизнь!..

Вечером 19 июля на "железку" готовилась идти группа Голохматова в составе Келишева, Широкова, Иванова, Секачева, Сосульникова, Мокропуло, Домашнева, Ерофеева и Горошко. Противопехотную мину, которую использовал в качестве взрывателя и инициирующего заряда, Николай брать не захотел.

— К черту эти старые коробки! Будем рвать активным способом петардой! — решительно заявил он.

— А не заметят охранники? Ведь петарду придется монтировать на головке рельса, совсем открыто? — спросил Иванов.

Голохматов нахмурился, помолчал.

— Не лучше ли зажигательной трубкой, Коля? — предложил Иван Келишев.

— Ладно. Решим на месте.

Когда группа выстроилась для получения обычного инструктажа перед уходом на боевое задание, я внимательно посмотрел на каждого и сказал:

— Товарищи, на "железку" вы идете, наверное, последний раз. Скоро домой. Не забывайте об этом и будьте предельно осторожными. Помните о тяжело раненном командире отряда и о больных товарищах. Им потребуется ваша помощь, и особенно когда будем переходить линию фронта. Я не приказываю. Я прошу вас быть осторожными… Возвращайтесь все целыми и невредимыми. Желаю успеха.

Они молчали. Лица их были суровы и строги.

В полночь до лагеря долетел грохот мощного взрыва.

Вернувшись с задания, Голохматов доложил, что в километре от деревни Шаховцы, где густой кустарник подходил к самой насыпи железной дороги, они скрытно подползли к "железке". Перебили охрану из карабинов с насадками. Заложили три 152-миллиметровых артиллерийских снаряда и килограммовый инициирующий заряд тола. Когда увидели приближающийся поезд, подожгли запальную трубку, предварительно рассчитав длину бикфордова шнура. Взрыв произошел немного раньше — метрах в пяти-шести от паровоза. Локомотив влетел в огромную воронку. Вагоны нажали на тендер, паровоз развернуло, он замер поперек полотна, загородив обе колеи. Налезая друг на друга, вагоны образовали огромный завал.

Вечером в лес пришли наши друзья из деревни Шаховцы. Они рассказали, что во время крушения разбились двенадцать классных вагонов, в которых ехали немецкие солдаты и офицеры. Это был шестнадцатый по счету воинский эшелон противника, подорванный нами в треугольнике железных дорог Смоленск — Витебск — Орша.

Домой

Последний день в лесном лагере, близ деревни Ельня, прошел в хлопотах и сборах: проверяли и чистили оружие, подгоняли снаряжение, стирали и латали одежду, чинили обувь, которая так износилась, что держалась, как говорят, на честном слове. Мылись, стриглись. Кое-кто сбрил бороды, но не все: решили в Москве появиться "настоящими" партизанами. Особенно солидными бородачами выглядели Николай Ананьев и Георгий Иванов.

Разговоры велись чаще о том: какой стала Москва? Кто нас там встретит? К кому в гости пойдем прежде всего? Москвичей больше волновали их семьи: все ли живы? Как они живут? Ведь Москву не раз бомбили за это время. Стараясь успокоиться и скрыть тоску по дому, переходили на шутки, веселые разговоры.

Для раненого командира отряда достали верховую лошадь. Бажанов хотя и мог немного ходить самостоятельно, но ничего не видел, на глазах у него постоянно была темная повязка.

Покидая Смоленщину, мы хорошо знали, что в глубокий тыл противника пробирались и еще будут пробираться многие отряды и оперативные группы омсбоновцев, как бы сменяя нас. Боевая эстафета. Знали мы и о том, что, кроме омсбоновцев, в тылу врага действуют отряды, разведывательно-оперативные группы и другие подразделения частей и соединений Красной Армии, а также партийное и комсомольское подполье. Да и мы не собирались долго задерживаться в Москве. Нам бы только подлечиться, отдохнуть немного, перевооружиться и снова в бой…

20 марта отряд "Особые" выехал из Москвы в составе тридцати семи человек. Теперь нас было двадцать четыре, кроме принятых на месте.

Поздним вечером 28 июля 1942 года мы покинули свой последний лесной лагерь и двинулись в сторону линии фронта.

Наш путь снова лежал через железнодорожную магистраль Смоленск Витебск и шоссе того же названия. Но теперь переход через эти коммуникации врага не казался нам таким трудным и опасным, как это было в конце марта, когда мы следовали на боевое задание с огромным грузом, не зная пути и обстановки вокруг. Сейчас мы шли налегке, под нами не было глубокого снега, демаскирующего нас и долго сохраняющего следы. Это было уже хорошо. А то, что мы шли домой, удваивало наши силы!

Впереди отрядной колонны (на зрительную связь) шли пять разведчиков. За ними ехал капитан Бажанов в сопровождении

четырех партизан. Затем двигалось основное ядро отряда. В арьергарде группа прикрытия из трех автоматчиков. Ручной пулемет в центре. За отрядом следовала колонна (двести восемьдесят человек) мужчин призывного возраста, принятых нами из сборного лагеря, чтобы переправить за линию фронта и там передать в военкомат. До железнодорожной магистрали Смоленск — Витебск эту колонну сопровождала сводная группа из пятнадцати партизан. Они должны были помочь нам перевести этих людей через сильно охраняемую железную дорогу.

Вооруженных кольями, топорами, лопатами "допризывников" пустили за группой прорыва. Шоссе перешли с ходу и без шума. Когда приблизились к насыпи "железки", охрана открыла беспорядочный, но сильный огонь. Стреляя, мы двинулись на насыпь. "Допризывники", размахивая своим подсобным оружием, заорали и завопили так, что раскатистое эхо покатилось над ночным лесом подобну грому. Со стороны можно было подумать, что на штурм насыпи идет гораздо больше людей, чем их было на самом деле. Увидев лавину орущих людей, охрана дрогнула, прекратила огонь, бежала. Неистово и долго хлестали пулеметным огнем только сторожевые вышки, оказавшиеся у нас на флангах.

Успешно пройдя опасный участок, мы углубились в лес. Остановились. Проверили наличие людей. Четверо "допризывников" оказались ранеными, но, к счастью, легко. В нашем отряде и в группе сопровождавших нас партизан все люди были налицо.

Опасаясь налета вражеской авиации, которую могла вызвать охрана, мы решили не останавливаться на дневку вблизи "железки", а уйти от нее как можно дальше.

Шли до тех пор, пока люди не стали валиться с ног от усталости. Особенно трудно приходилось раненым и больным. Не раз нам приходилось на руках переносить их через болотистые участки пути.

Остаток дня провели в чаще леса, не зажигая костров и маскируясь в непроходимых зарослях. Сидя в укрытии, мы видели, как вражеские самолеты зло обстреливали и бомбили лес, и радовались, что удалось ввести фашистов в заблуждение. Не ограничившись полетами авиации, каратели послали по нашим следам пешие отряды. Об этом мы догадались по взрывам мин, которые оставил наш арьергард. Первый сильный взрыв услышали перед вечером. Минут через двадцать прогрохотала вторая мина. Видимо, напоровшись на мины и понеся потери, каратели прекратили преследование. Тем более что день кончался.

Четверо партизан, сопровождавших нас, были уроженцами мест, по которым мы сейчас проходили. Они помогли нам разработать маршрут перехода через линию фронта. Фронт тянулся заболоченными низинами и тихим лесом. Это значило, рассуждали мы, что там нет больших сил неприятеля.

После обеда распрощались с партизанами-проводниками. И, пользуясь тем, что нас окружал лес, надежно укрывавший от вражеской авиации, решили тронуться в путь еще до захода солнца…

На Большую землю вышли перед рассветом 30 июля, преодолев труднопроходимое, топкое болото. Вышли без единого выстрела. О том, что линия фронта осталась у нас за спиной, догадались по частой ружейной и пулеметной пальбе, вдруг вспыхнувшей там, где мы совсем недавно находились. Наверное, на наши следы наткнулись вражеские поисковые группы и решили настичь нас огнем. Но мы прибавили шагу и ушли невредимыми.

С трудом верилось, что оккупированная гитлеровцами сторона наконец осталась позади. Теперь можно было и не прятаться. Однако на этот раз (в силу привычки, что ли) на дневку остановились не в деревне, а близ нее, в лесу.

Впервые со дня ухода в глубокий тыл противника мы провели ночь под крышей дома в деревне Большие Черкасы.

На следующее утро Бажанова в сопровождении Вергуна, Рогожина и Мокропуло отправили вперед, чтобы поскорее передать командира в руки опытных врачей. Сами двинулись следом за ними пешим ходом.

В городе Ильино сдали всех "допризывников" в военкомат.

На привалах Валя Ковров разворачивал свою "Белку-1" и слушал последние новости из Москвы. Однажды, а случилось это 2 августа 1942 года, надев наушники, радист пригласил меня к рации и передал один наушник. Прильнув к нему, я услышал далекий голос родной столицы. В этот день в Москве в Колонном зале Дома союзов под председательством известного боксера Николая Королева проводился антифашистский митинг советских спортсменов-фронтовиков. На этом митинге выступал и партизан "товарищ Борис".

— Алексей Иванович! Слушайте, это же говорит наш Борис Лаврентьевич!

К другому наушнику подскочило сразу несколько человек. И мы услышали знакомый нам голос:

— Товарищи! Лишь несколько дней назад я вышел из глубокого немецкого тыла. Наш партизанский отряд с каждым днем все злее и яростнее истребляет оккупантов.

В тех краях, где мы действуем, проходит важная магистраль. Чего только не делают оккупанты, чтобы ее уберечь! По ночам железнодорожное полотно освещают прожекторами, беспрерывно шныряют немецкие патрули. Подобраться к насыпи почти невозможно — вдоль полотна непроходимые болота.

Нам был дан приказ остановить движение вражеских поездов на пятнадцать суток. Раз приказ — умри, но выполни. И мы, партизаны, задачу решили: в течение восемнадцати суток ни один поезд не прошел ни на восток, ни на запад.

Мы пустили под откос пять немецких эшелонов и застопорили путь. Эти пять эшелонов везли фашистские танки, грузовики, военные материалы, солдат, офицеров.

Много километров исходил наш отряд по лесам и дорогам временно оккупированных немцами советских районов.

Мы были свидетелями чудовищного грабежа, разбоя, издевательств над нашими людьми. Мы видели, как в деревне Любавичи немецкие изверги запрягли в телегу раненого пленного красноармейца и заставили тащить тяжелый груз.

Житель деревни Сташково дал приют двум партизанам. Фашистские мерзавцы окружили эту деревню и подожгли ее. Дворы пылали, как костры. Палачи хватали испуганных детей и кидали их в огонь. Тех, кто пытался тушить пожар, немцы расстреливали из автоматов.

Я до сих пор слышу стоны измученных, истерзанных детей. Ненависть и жажда победы над оккупантами — вот что владеет мною и моими товарищами, вот что направляет каждое наше движение.

Врагу удалось захватить новые советские районы, и он установил там такой же дикий режим виселиц и кнута. Я обращаюсь к тебе, молодежь, временно попавшая в лапы озверелой фашистской банды. Создавай партизанские отряды, бей врага! Нет у тебя оружия — достанешь его у немца, нет опыта приобретешь его в борьбе. Знай одно: фашистов надо убивать, иначе они убьют тебя, опозорят твою невесту, поработят твоего отца, будут истязать твою сестру, мать, детей.

Подстереги врага на дороге, заруби его топором, заснет фашист в твоем доме — заколи его ножом, размозжи череп камнем, удуши…

Все в бой против немецко-фашистских захватчиков!

Это действительно говорил Борис Галушкин.

— Ну, что, братцы, слыхали? — спросил Николай Секачев, отрываясь от наушника. Глаза его радостно горели.

— А то!.. Ну и Лаврентьич! Молодчина!

— А Николай каков, а? — сказал Саша Назаров с

восхищением.

— Какой Николай? — спросил кто-то из ребят.

— Да Королев. Что председательствовал на митинге, — авторитетно пояснил Саша Назаров. — Тяжеловес. Мне приходилось с ним боксировать. И не раз. Большой мастер.

— Ну и как? — поинтересовался Иван Домашнев, внимательно всматриваясь в Назарова.

— Что "как"? — повернулся к нему тот.

— Кто ж кого отлупил, интересуюсь? — спросил Домашнев, хитро щурясь и сдерживая смех.

Назаров взглянул на него сверху вниз, сдвинул брови.

— Никто. Никого.

— Как же так? Такого в настоящей драке не бывает! — продолжал Домашнев.

— Бокс, Иван Григорьевич, не драка, а один из классических видов спорта. Понял? Бои наши были учебные, тренировочные, так сказать, ясно? выкрутился боксер…

Вскоре мы прибыли в расположение своего полка. Командира отряда доставили в Москву на три дня раньше нашего приезда. И сразу поместили в глазную больницу, что в переулке Садовских, недалеко от станции метро "Маяковская".

Эпилог

В мае 1965.года в ознаменование 20-летия разгрома фашистской Германии бывшие омсбоновцы Маркин П. В., Голохматов Н. Н., Рогожин И. П., Секачев Н. И., Хохлов В. М., Масляков В. А. и студенты Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры совершили автомотопробег по местам партизанских боев отряда "Особые" и других отрядов.

…С тревожным интересом глядели ветераны войны из окон автобуса на проселок, по которому не раз проходили более двадцати лет назад. Все изменилось и казалось незнакомым. Только карта-пятикилометровка, сохранившаяся с тех пор, подтверждала, что путь автоколонной выбран верно.

Десять юных парней-студентов, рожденных уже после победных залпов в Берлине, с уважением посматривали на взволнованные лица бывших партизан, тщетно пытавшихся увидеть хоть что-нибудь, что осталось от их стоянок. Но увы!.. Неумолимое время и буйная растительная сила дремучего леса поглотили все военные приметы без остатка. Даже колодцы, которые мы копали всякий раз, когда разбивали новый лагерь, затянуло песком, заилило…

…Автоколонна сошла с большака и остановилась на просторной поляне. На месте этой поляны, как показывала карта, должны стоять деревни: Шарино (14 дворов), а чуть дальше Маркино (12 дворов). Но деревень нет. Их сожгли немецкие каратели. На месте Шарина белеет скромный памятник.

Сняли головные уборы. Минута молчания. Студенты-мотоциклисты положили к памятнику букеты полевых цветов, что собрали по пути…

Остановка у большого районного села Красного. На околице кладбище. Здесь похоронено около ста бойцов и командиров Красной Армии. Памятники. Венки, букеты свежих цветов… Жители внимательно вглядываются в лица москвичей.

— Господи, столько лет прошло, а они не забыли, приехали, — со слезами в голосе шепчет пожилая колхозница, убирая под цветастый платок поседевшую прядку.

Разговорились. И тут выяснилось, что колхозница эта — одна из тех девушек, что когда-то тайком приносила в лес молоко для раненых "шубников".

Партизан из местного отряда, Шлыков Яков Александрович, узнал наших ребят. Обрадовался. Яков хорошо помнит капитана Бажанова. Отряд лейтенанта Озмителя. Шлыков живо вспоминал

отдельные эпизоды, когда их люди ходили с нашими ребятами на "железку" и на разные боевые задания…

От другого местного партизана, Маслова Емельяна Филипповича, узнали о гибели комиссара партизанского отряда Мельникова в октябре 1942 года.

В поселке Красное встретили и Антона Терентьевича Дроздова, ныне управляющего совхозом. Это его и еще нескольких местных партизан мы приняли в свой отряд летом 1942 года, а потом взяли с собой на Большую землю.

У деревни Протасове, что на берегу реки Березины, где 10 апреля 1942 года группа Бориса Галушкина вела неравный бой с карателями, участники автопробега нашли могилу нашего красноармейца — комсомольца Владимира Кунина. Его похоронили местные жители. За могилой заботливо ухаживают…

Там, на Смоленщине, помнят о нас!

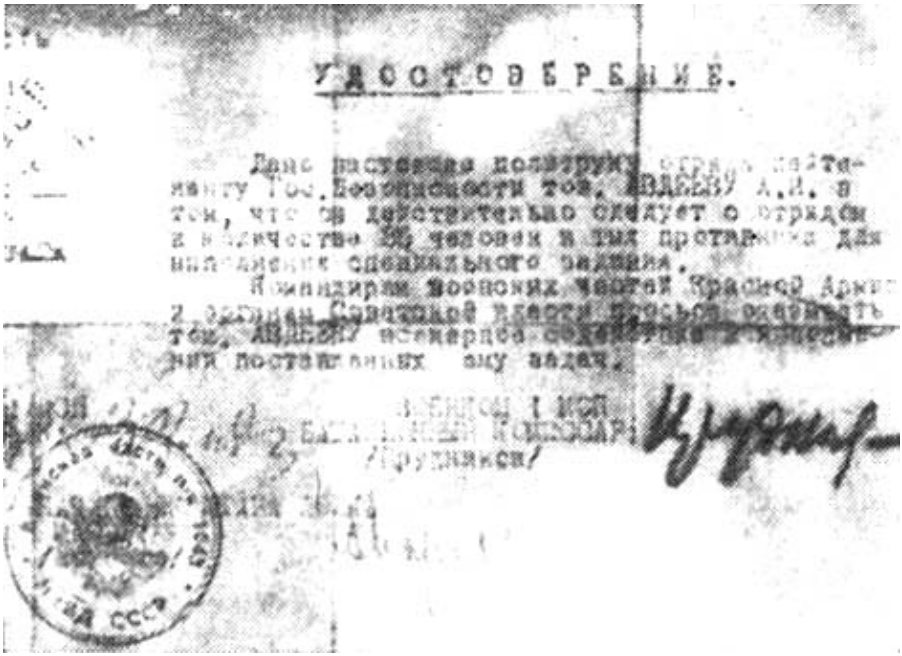
Список иллюстраций

1. Слева направо: Борис Галушкин, Михаил Баженов, Алексей Авдеев.

2. Командир

3…и комиссар (На гимнастерке у Авдеева рядом с орденом Красного Знамени — знак ГТО II ступени.).

4. Свидетельствует документ.



УДОСТОВЕРЕНИЕ.

5. Владимир Крылов, чемпион Антверпенской рабочей Олимпиады (довоенный снимок).

6. Николай Секачев.

7. Иван Мокропуло.

8. Вячеслав Гриднев.

9. Николай Королев, легендарный боксер, председатель антифашистского митинга советских спортсменов в Колонном зале Дома союзов (1).

10. Николай Королев, легендарный боксер, председатель антифашистского митинга советских спортсменов в Колонном зале Дома союзов (2).

11. Алексей Моргунов.

12. Александр Кощеев.

13. Слева направо: Виктор Правдин, Николай Голохматов, Павел Маркин.

14. Александр Вергун, военфельдшер.

15. Хаз-Булат Мамацев

16…и Валентин Хохлов.

17. Александр Назаров, май 1943 г.

18. Часть отряда "Особые" после возвращения из вражеского тыла, август 1942 г.

19. Награждение в Кремле.

20. Андрей Сосульников.

21. Николай Ананьев, мастер спорта по альпинизму. Погиб после войны, спасая в горах товарищей.

22. Валентин Ковров, радист.

23. Иван Рогожин, чемпион страны в лыжной гонке на 50 км, 1946 г.

24. Иван Келишев, кандидат педагогических наук, доцент.

25. Рогожин в день 60-летия.

26. Полковник войск связи Ковров.

27. Виталий Масляков.

28. Встреча боевых друзей во дворе института физкультуры (старое здание на ул. Казакова).

29. Слева направо: Рогожин, Хохлов, Секачев, Масляков, Назаров, Щербаков, Голохматов, Правдин, Авдеев.